
Филип Дик

Валис

Аннотация

«Валис».

Первая книга странной и гениальной трилогии Филипа К. Дика , написанной в результате легендарного озарения, достигшего писателя в 1974 году.

Высокая мистика?

Наркотический бред?

Или — подлинная хроника поисков и обретения Истинного Бога?

Визионерство в высшей его стадии — стадии «священного безумия» — или «философия нонконформизма»?

Филип К. Дик Валис

ВАЛИС (аббревиатура: Всеобъемлющая Активная Логическая Интеллектуальная Система, из американского фильма) — возмущение в поле реальности, в котором формируется спонтанный самоуправляемый негентропический вихрь, самопроизвольно переводящий свою среду в категоризированную информацию. Характеризуется наличием псевдосознания, цели, разума, роста и строгой дисциплины.

Большой Советский словарь, шестое издание, 1992 г.

Расселу Галену — ты показал мне истинный путь

Нервный срыв у Жирного Лошадника начался в гот день, когда ему позвонила Глория и спросила, нет ли у него нембутала. Он спросил, зачем ей нембутал, и она ответила, что хочет себя убить. В поисках нембутала она звонила всем знакомым и собрала почти пятьдесят таблеток — а ей требовалось штук на тридцать — сорок больше, чтобы уж наверняка.

Жирный Лошадник сразу решил, что так она просит помощи. Жирный вообще многие годы пребывал в заблуждении, будто способен помочь людям. Его психиатр как-то дал ему два совета: завязать с наркотиками (чего он не сделал) и бросить попытки помочь людям (он по-прежнему пытался помочь людям).

Нембутала у него не было, как не было и никакого иного снотворного. Жирный никогда не принимал снотворное; он принимал апер¹. И просто не мог дать Глории нембутал, чтобы та с собой покончила. Да и в любом случае так не поступил бы.

— У меня есть десять таблеток, — солгал он.

Потому что скажи он правду, Глория повесила бы трубку.

— Я к тебе подъеду, — ответила Глория совершенно естественным голосом, тем же самым спокойным рациональным тоном, каким просила нембутал.

Тогда Жирный понял, что она не просит помощи; она действительно хочет умереть. Глория совершенно свихнулась. Будь она в своем уме, поняла бы, что подобное намерение надо скрывать, иначе друг будет чувствовать себя виновным. Только желая ее смерти, можно согласиться на такое. А желать ее смерти у него причин не было. Да и ни у кого не было — Глория была тихая и мягкая, только кислоткой чересчур увлекалась. Совершенно ясно, что за полгода, которые они не виделись, наркотики полностью выжгли ей мозги.

— Ты чем занималась? — спросил Жирный.

— Меня держали в больнице в Сан-Франциско — я хотела покончить с собой, и моя мать меня заложила. Выписали только на прошлой неделе.

— Ты вылечилась? — спросил он.

— Да.

Тогда-то Жирный и начал сходить с ума. В то время он этого не знал, но его втянули в отвратительную психологическую игру. Выхода не было. Глория Кнудсон уничтожила собственные мозги, а вместе с ними и своего друга. Возможно, подобными разговорами она уничтожила еще шесть или семь своих друзей, тех, кто ее любил; бесспорно, она уничтожила мать и отца. В безмятежно звучащем голосе Жирный слышал нотки нигилизма, отзвук пустоты.

Тогда он еще не знал, что стремление сойти с ума — порой вполне адекватная реакция на реальность. Его заразила рациональная просьба Глории дать ей умереть. Получилось, как в китайской игре-ловушке — чем сильнее тянешь, тем труднее вытащить палец.

— Ты сейчас где? — спросил Жирный.

— В Модесто. У стариков.

Жирный жил в округе Марин; стало быть, ей ехать несколько часов. Он вряд ли поехал бы в такую даль. Еще одно доказательство безумия: по три часа туда и обратно ради десятка таблеток нембутала. Рационально выполнить свое нерациональное решение Глория не могла. «Спасибо, Тим Лири², — подумал Жирный. — Тебе и твоим радостям расширенного — благодаря наркотикам — сознания».

Он не знал, что под вопросом его собственная жизнь. Дело было в 1971-м. А в 1972-м в Ванкувере, в Канаде, одинокий, бедный и напуганный, Жирный попытается покончить с собой. Сейчас он ни о чем подобном не догадывался. И хотел лишь одного — заманить Глорию в округ Марин и помочь ей. Благодарение Господу, мы способны забывать. В 1976-м, свихнувшись от горя, Жирный Лошадник перережет себе вену на запястье, примет сорок девять таблеток дигиталиса и запрется в гараже, в машине с работающим двигателем — и все равно ничего не выйдет. У тела есть силы, неподвластные разуму.

1 Жаргонное название препаратов группы амфетаминов. — Здесь и далее примеч. пер.

2 Тимоти Лири — профессор Гарвардского университета, автор книг с названиями вроде «Психоделический опыт». Один из его призывов гласил: «Проглоти, настройся, отрубись».

Вот разум Глории контролировал тело полностью; она была *рационально* безумна.

В большинстве случаев безумие можно установить по эксцентричным выходкам и театральным эффектам. Человек надевает на голову кастрюлю, оборачивается баннным полотенцем, размалевывает тело фиолетовой краской и отправляется на прогулку. Глория же была спокойнее и невозмутимее обычного. Вежлива, цивилизована. Живи она в Древнем Риме или Японии, никто бы ничего не заметил. Даже ее манера водить машину не изменилась — Глория исправно останавливалась на каждом светофоре и за время всей поездки за десятью таблетками нембутала ни разу не превысила скорость.

Я — Жирный Лошадник, однако пишу эти записки от третьего лица ради того, чтобы добиться столь необходимой объективности. Я не любил Глорию Кнудсон, но она мне нравилась. В Беркли они с мужем давали изысканные вечеринки, и мы с женой неизменно бывали в числе приглашенных. Глория часами готовила крохотные сэндвичи и к тому же подавала к столу самые разнообразные вина. Она со вкусом одевалась и всегда выглядела очень привлекательно — особенно мне нравились коротко стриженные соломенные кудряшки.

Как бы то ни было, у Жирного Лошадника не нашлось для нее нембутала, и спустя неделю Глория выбросилась из окна одиннадцатого этажа Шинанон-билдинг в Окленде, штат Калифорния, и разбилась в лепешку о мостовую бульвара Макартура, а Жирный Лошадник продолжил свое тайное, долгое падение в страдание и болезнь, в тот хаос, который, по словам астрофизиков, ожидает нашу вселенную.

Жирный в этом опередил и свое время, и саму вселенную. Постепенно он забыл, что послужило толчком к его падению в энтропию; Господь милостиво закрывает для нас не только будущее, но и прошлое. После известия о самоубийстве Глории Жирный в течение двух месяцев рыдал, смотрел телевизор и долбился наркотой; его мозги уже тогда поехали, но Жирный еще не знал об этом. Безгранична милость Божия.

Собственно говоря, годом раньше Жирный потерял жену, которая тоже свихнулась. Это было как чума, и никто не мог понять, только ли в наркотиках дело. Те годы — с шестидесятого по семидесятый — в Америке, а особенно в Северной Калифорнии, в районе Залива¹, были совсем паршивые. Как ни досадно, но это факт, и самые причудливые термины и замысловатые теории его не скроют.

Власти предрезающие стали такими же психопатами, как и те, за кем они охотились. Им хотелось избавиться от любого, кто не вписывается в истеблишмент. Жирный заметил, что полицейские смотрят на него со свирепостью цепных псов. Когда чернокожую марксистку Анжелу Дэвис выпустили из тюрьмы округа Марин, полиция перекрыла весь административно-общественный центр города — мол, необходимо воспрепятствовать радикалам в нарушении порядка. Лифты отключили, на дверях повесили фальшивые таблички с ложной информацией, а прокурор округа куда-то исчез.

Жирный видел все это своими глазами. В тот день он отправился в центр вернуть книгу в библиотеку. Два копа у входа по листику перетрясли книгу и другие бумаги, которые нашлись у Жирного. Он пришел в недоумение и оставался в этом состоянии весь день. В кафетерии вооруженный полицейский наблюдал за тем, как посетители едят. Жирный вернулся домой на такси, поскольку побоялся ехать на своей машине, и решил, что окончательно спятил. Он и в самом деле спятил, однако то же самое можно было сказать и об остальных.

По профессии я писатель-фантаст и имею дело с фантазиями. Сама моя жизнь — фантазия. Но Глория Кнудсон все равно лежит в гробу в городе Модесто, штат Калифорния. В моем альбоме есть фотография венков на ее похоронах. Фотография цветная, поэтому хорошо видно, какие венки красивые. На заднем плане припаркован «фольксваген». Можно разглядеть и то, как я крадусь к «фольксвагену» прямо посреди заупокойной службы. Я больше не в состоянии выносить все это.

После службы я, бывший муж Глории Боб и несколько его — и ее — печальных друзей пообедали в модном ресторанчике неподалеку от кладбища. Официантка отвела нас в угол, поскольку трое из нас смахивали на хиппи, несмотря на костюмы и галстуки. Нам было плевать.

¹ Район Залива — один из крупнейших мегаполисов США, в который входят города Сан-Франциско, Окленд, Сан-Хосе и их пригороды.

Не помню, о чем шел разговор за столом. Накануне вечером мы с Бобом — я хотел сказать Боб и Жирный Лошадник — ездили в Окленд посмотреть фильм «Пат-тон». Прямо перед началом заупокойной службы Жирный впервые в жизни увидел родителей Глории. Как и их покойная дочь, они отличались чрезвычайной вежливостью. Несколько друзей Глории устроились в старомодной, в стиле ранчо, гостиной, вспоминая ту, что связала их между собой. Само собой, на миссис Кнудсон было слишком много косметики; женщины всегда чрезмерно красятся, когда кто-то умирает.

Жирный гладил Председателя Мао — кота покойницы. Он вспомнил те несколько дней, что Глория провела у него, приехав за нембуталом. Когда ложь раскрылась, Глория встретила это известие спокойно, даже безразлично. Если собираешься умереть, мелочи перестают иметь значение.

— Я их взял, — сказал ей Жирный; еще одна ложь.

Решили поехать на пляж, большой океанский пляж Пойнт-Рейс. Глория села за руль (Жирному ни на мгновение не пришло в голову, что, поддавшись импульсу, она может угробить и его, и себя, и машину), и часом позже они уже расположились рядышком на песке, покуривая травку.

Больше всего на свете Жирный хотел понять, почему Глория решила убить себя.

На Глории были стиранные-перестиранные джинсы и футболка со злобной физиономией Мика Джаггера. Поскольку песок был очень мягкий, она сняла туфли. Жирный обратил внимание, что тщательно обработанные ногти на пальцах ног покрыты розовым лаком. Он подумал, что Глория умирает так же, как и жила.

— Они украли мой банковский счет, — сказала Глория.

Лишь спустя некоторое время, слушая уверенную, ясную речь подруги, Жирный понял, что никакие «они» не существуют в природе. Глория развернула перед ним панораму тотального, неумолимого безумия, сконструированного с невероятной тщательностью. Она отшлифовала все детали с точностью дантиста. В ее словах нигде не слышалось несоответствия. Никаких пустот в повествовании. Жирный не мог найти ни единой ошибки, если, конечно, не считать исходного допущения, что все ненавидят Глорию, преследуют, а сама она во всех смыслах никчемна.

Пока Глория говорила, она начала исчезать. Жирный как замороженный наблюдал за этим процессом. Глория логично, рационально, слово за словом вытаскивала себя прочь из бытия. Этакая рациональность на службе... ну, подумал он, на службе небытия. Разум Глории превратился в огромный, умелый ластик. Осталась лишь оболочка, так сказать, необитаемое тело.

Она уже мертва, понял Жирный Лошадник в тот день на пляже.

После того как покурили, они прогуливались по пляжу, рассуждая о водорослях и высоте волн. Над головами кричали чайки, напоминающие тарелочки-фрисби. Тут и там кто-то сидел или лежал на песке, но по большей части пляж пустовал. Плакаты советовали остерегаться подводного берегового течения. Жирный все не мог понять, почему Глория просто не войдет в прибой. Он никак не мог включиться в ее логику. Ей был необходим только нембутал — или она считала, что ей необходим нембутал.

— «Мертвый работяга» — мой любимый альбом «Мертвецов»¹, — вдруг сказала Глория. — Хотя, по-моему, не стоило им оправдывать кокаин. Все-таки рок и дети слушают.

— Они не оправдывают. Просто песня о ком-то, кто принимает кокаин. К тому же это его убивает. Не впрямую, правда — он попадает под поезд.

— Но из-за них я подседа на наркотики, — возразила Глория.

— Из-за «Мертвецов»?

— Из-за того, — сказала Глория, — что все от меня этого ждали. Мне осточертело делать то, чего ждут от меня другие.

— Не надо убивать себя, — сказал Жирный. — Переезжай ко мне. Я живу совсем один, и ты мне нравишься. В самом деле. Давай хоть попробуем. Мы — я и мои друзья — перевезем твои шмотки. Можно придумать кучу занятий; будем ходить куда-нибудь... ну как сегодня на

¹ «Grateful Dead» — «Благодарные мертвецы», американская рок-группа.

пляж. Разве тут не классно?

Глория ничего не ответила.

— Мне будет жутко хреново, — продолжал Жирный, — до конца моих дней, если ты с собой покончишь.

Таким образом, как стало ясно Жирному позже, он привел Глории наименее веские доводы продолжать жить. Это стало бы ее одолжением другим людям. Он не мог найти худшего аргумента, даже если бы искал его годами. Лучше бы уж сразу переехать ее «фольксвагеном». Вот почему на «горячие» телефонные линии для самоубийц нельзя сажать кретинов. Жирный понял это в Ванкувере, когда, готовый покончить с собой, позвонил в Кризисный центр Британской Колумбии и получил квалифицированный совет. Между этим событием и тем, что Жирный сказал Глории в тот день, нет никакой связи.

Остановившись, чтобы смахнуть маленький камешек со ступни, Глория сказала:

— Мне бы хотелось переночевать у тебя.

При этих словах перед мысленным взором Жирного невольно промелькнули некие сексуальные видения.

— Я тащусь! — воскликнул Жирный.

В те годы он частенько выражался в такой манере. Контркультура располагает целым словарем подобных выражений, граничащих с бессмыслицей. Жирный любил нанизывать их одно на другое. Занялся он этим и сейчас, когда собственная похоть сыграла с ним шутку, заставив поверить, что он только что спас подруге жизнь. Способность Жирного понимать происходящее, и так не стоившая выеденного яйца, окончательно достигла нулевой отметки. Как же, хороший человек наконец-то обрел душевное равновесие, и в этом заслуга именно его, Жирного!

— Врубаясь! — трещал он, идя с Глорией по пляжу. — Потрясно!

Они провели ту ночь вместе, полностью одетые. Между ними ничего не было, и на следующий день Глория уехала, якобы за вещами в родительский дом в Модесто. Несколько дней Жирный ждал ее приезда, а потом однажды вечером зазвонил телефон. Звонил Боб, бывший муж Глории.

— Ты сейчас где? — поинтересовался Боб.

Вопрос привел Жирного в замешательство — он был дома, рядом с телефоном, на кухне. Голос Боба звучал совершенно спокойно.

— Я здесь, — сказал Жирный.

— Глория сегодня покончила с собой, — сообщил Боб.

У меня есть фотография Глории с Председателем Мао на руках. Она стоит на коленях и улыбается, ее глаза сияют. Председатель Мао норовит вырваться у нее из рук. Слева виден кусочек рождественской елки. На обороте аккуратным почерком миссис Кнудсон написано:

Как благодарна она была нам в ответ на нашу любовь.

Я так и не узнал, написала это миссис Кнудсон до смерти Глории или после. Кнудсоны прислали мне фотографию через месяц — прислали фотографию Жирному Лошаднику через месяц после похорон Глории. Жирный письмом попросил их прислать ее фото. Сначала он попросил Боба, который довольно грубо поинтересовался, зачем ему фотография Глории. Жирный не знал, что ответить. Когда Жирный вынудил меня взяться за эти записки, он спросил, с чего, по моему мнению, Боб Лэнгли так взбесился от его просьбы.

Я не знаю. И мне наплевать. Может, Боб догадывался, что Глория и Жирный провели ночь вместе, и ревновал? Жирный часто говорил, что Боб Лэнгли шизофреник, и даже утверждал, что сам Боб сообщил ему об этом. У шизоида мыслительному процессу сопутствуют неадекватные эмоции, так называемое уплощение аффекта.

С другой стороны, Боб после заупокойной службы склонился и положил розу на гроб Глории. Как раз когда Жирный крался к своему «фольксвагену». Что более подходило к моменту? Жирный, рыдающий в одиночестве в припаркованной машине, или бывший муж, склоняющийся над гробом с розой в руке, безмолвный, спокойный, но хоть что-то делающий?

Весь вклад Жирного в похороны свелся к букету, купленному впопыхах по дороге в Модесто. Он преподнес его миссис Кнудсон, которая отметила, что цветы очаровательны. Боб их выкинул.

После похорон, в модном ресторане, где официантка убрала их подальше от глаз, Жирный спросил у Боба, что делала Глория в Шинаноне, тогда как она собиралась забрать вещи и вернуться в округ Марин, чтобы жить с ним — как он полагал.

— Поехать в Шинанон ее уговорила Кармина, — ответил Боб. Кармина — это миссис Кнудсон. — Из-за проблем с наркотой.

Тимоти, один из незнакомых Жирному друзей Глории, заметил:

— Не шибко-то они ей помогли.

Вот что случилось, когда Глория вошла в Шинанон через парадный вход. С ней сразу начали играть в эти их игры. Кто-то из персонала специально прошел мимо Глории, когда та сидела в холле и ожидала приема, и громко отметил, как она уродлива. Следующий объявился, чтобы сообщить, что в ее волосах, похоже, ночевала крыса. Глория всегда была страшно мнительна по поводу своих кудрявых волос; она очень хотела, чтобы они были как и все остальные волосы в мире. Что мог бы сказать третий служащий Шинанона — вопрос спорный, так как к тому времени Глория уже поднялась на одиннадцатый этаж.

— Вот такие у них, значит, в Шинаноне методы? — поинтересовался Жирный.

Боб сказал:

— Специальная техника, чтобы сломить индивидуальность. Фашистская терапия, которая делает личность полностью открытой и ставит ее в зависимость от группы. А затем они начинают строить новую индивидуальность, не ориентированную на наркотики.

— Они что, не знали, что она склонна к суициду? — спросил Тимоти.

— Конечно, знали, — ответил Боб. — Глория звонила им. Они знали ее имя и почему она приехала.

— Ты не говорил с ними после ее смерти? — спросил Жирный.

Боб ответил:

— Я позвонил и попросил к телефону кого-нибудь из начальства, и сказал им, что они убили мою жену, а этот парень ответил, что неплохо бы мне приехать и поучить их, как обращаться с суицидальными типами. Он был ужасно огорчен. Мне даже стало его жалко.

Слушая эти слова, Жирный решил, что у Боба самого явно не в порядке с головой. Бобу было жалко Шинанон. Он совсем ошизел. Все ошизели, включая Кармину Кнудсон. Во всей Северной Калифорнии не осталось ни одного нормального человека. Пора было куда-то сматываться.

Жирный ел салат и прикидывал, куда слинять. Вон из страны. Полететь в Канаду, как те, кто бежит от призыва в армию? Жирный лично знал десятерых, кто предпочел свалить в Канаду, чтобы не воевать во Вьетнаме. Глядишь, и нашлось бы в Ванкувере с полдюжины знакомых.

Ванкувер тогда считали одним из прекраснейших городов мира. Как и Сан-Франциско, это крупный порт. Там можно было бы начать жизнь сначала и забыть о прошлом.

Вдруг в голову Жирному, пока он возился с салатом, пришла мысль: когда Боб позвонил, он сказал не: «Глория покончила с собой», а «Глория сегодня покончила с собой», как будто совершенно не сомневался, что раньше или позже она с собой покончит. Может, из-за этого допущения все и случилось? Время Глории было ограничено, как на экзамене по математике. Кто же на самом деле был безумен? Глория или Жирный (возможно, Жирный), или ее бывший муж, или вообще все в районе залива? Безумны не в переносном, а в прямом смысле? Скажем, один из первых симптомов психоза, это когда человек начинает чувствовать себя психом. Еще одна китайская ловушка. Нельзя думать о ней, не становясь ее частью.

Размышляя о безумии, Жирный Лошадник шаг за шагом в него соскальзывал.

Хотелось бы мне ему помочь...

предпосылка к его спасению явилась в образе восемнадцатилетней школьницы, жившей неподалеку от Жирного на той же улице. Второй стал Господь Бог. Причем школьница справилась лучше.

Я не уверен, что Бог вообще что-то для него сделал; собственно говоря, Бог только усугубил его состояние. В этом мы с Жирным Лошадником никак не могли согласиться. Жирный был уверен, что Бог полностью излечил его. Но это невозможно. В древнекитайском «Каноне перемен» — «И Цзин» — есть строчка, гласящая: «Всегда болен, но никогда не умирает». Как раз о моем приятеле.

Стефани вошла в жизнь Жирного Лошадника как дилерша. После смерти Глории он так сильно подсел, что вынужден был покупать наркоту где только предоставлялась возможность. Правда, покупка наркотиков у старшеклассников — не слишком умное занятие. Тут уже речь идет не о собственно наркоте, а о законе и морали. Только начни покупать наркотики у детей, и ты сразу на заметке. Думаю, понятно почему. Но мне было известно — а властям нет — вот что: Жирного Лошадника на самом деле не слишком интересовали наркотики, которые предлагала на продажу Стефани. Она подторговывала гашем и травкой, а не амфетаминами. Она не одобряла стимуляторы. Стефани никогда не торговала тем, чего не одобряла. Она никогда не торговала психоделиками, как на нее ни давили. Порой Стефани могла предложить кокаин. Никто не понимал ее логику, и все же некая форма логики у нее имелась. В привычном смысле слова Стефани вообще не мыслила. Однако она принимала какие-то решения, и уж когда приняла, никто не мог сдвинуть ее с места. Жирному она нравилась.

В этом вся суть — Жирному нравилась Стефани, а не ее наркотики, но чтобы поддерживать с ней отношения, он вынужден был покупать их. А значит, ему пришлось перейти на гашиш. Для Стефани гашиш был началом и концом жизни. Во всяком случае, жизни, которую стоит жить.

Хоть Бог и явился Жирному не в лучшее его время, он по крайней мере не делал ничего противозаконного, как Стефани. Жирный не сомневался, что Стефани закончит тюрьмой; он полагал, что ее могут сцапать в любую минуту. А все друзья Жирного ожидали, что в любой момент арестуют его. Нас это тревожило, как и его медленное сползание в депрессию, психоз и изоляцию.

Жирный беспокоился о Стефани. Стефани беспокоили цены на гашиш. Хуже, ее беспокоили цены на кокаин. Мы часто представляли, как она подскакивает на постели среди ночи и восклицает: «Иней¹ поднялся до сотни баксов за грамм!» Цены на наркоту волновали ее, как обычных женщин — цена на кофе.

До шестидесятых Стефани просто не могла бы существовать. Наркота вызвала ее к жизни, извлекла из небытия. Стефани была коэффициентом наркоты, частью уравнения. И в то же время именно через нее Жирный в конце концов пришел к Богу. Не через наркотики; с наркотиками это не имеет ничего общего. Путь к Богу через наркоту — это ложь, которую пытаются толкнуть нам беспринципные мошенники. Стефани привела Жирного Лошадника к Богу при помощи маленького глиняного горшка, который она вылепила на своем ножном гончарном круге, том самом круге, что Жирный помог ей купить к восемнадцатилетию.

Улетая в Канаду, Жирный забрал горшок с собой — тот лежал в единственном чемодане Жирного, завернутый в трусы, носки и рубашки.

Выглядел горшок совершенно заурядно — широкий, светло-коричневый, немного голубой глазури по ободку. Стефани была не слишком искусным гончаром.

Неудивительно, что один из ее первых горшков достался Жирному. У них сложились действительно близкие отношения. Когда Жирному становилось совсем худо, Стефани успокаивала его при помощи своей трубочки с гашем.

Горшок, однако, обладал одним необычным свойством. В нем дремал Бог. Он дремал в горшке очень долго, так долго, что едва не опоздал. В некоторых религиях бытует теория, что Бог вмешивается в происходящее в одиннадцатом часу. Может, это и так, не могу сказать. В случае Жирного Лошадника Бог ждал до без трех минут двенадцати, и даже тогда того, что он сделал, едва ли было достаточно, фактически он вмешался слишком поздно.

¹ Иней (жарг.) — одно из названий кокаина.

Нельзя винить в этом Стефани; едва получив гончарный круг, она сразу же вылепила горшок, покрыла его глазурью и обожгла. Она сделала все, что в ее силах, чтобы помочь своему другу Жирному, который, как ранее Глория, начал умирать. Стефани помогла своему другу тем же способом, которым и тот пытался помочь своему, только у нее получилось лучше. В этом и состояла разница между Жирным и Стефани. В момент кризиса она знала, что нужно делать. Жирный не знал. Поэтому сегодня Жирный жив, а Глория — нет. Друг Жирного оказался лучше, чем друг Глории. Может, он и хотел, чтобы все случилось по-другому, но выбор был не за ним. Не мы помогаем другим людям, и не по своей воле; это делает вселенная. Вселенная принимает определенные решения, и на основе ее решений одни люди живут, а другие умирают. Этот закон суров, но все живые существа вынуждены подчиняться ему. Жирный получил Бога, а Глория Кнудсон — смерть. Не слишком справедливо, и Жирный первым сказал об этом. Поверим ему.

После встречи с Богом Жирный развил в себе совершенно ненормальную любовь к нему. Это совсем не то, что обычно имеют в виду, когда говорят о ком-нибудь: «Он любит Бога». В случае Жирного то была настоящая жажда. Еще более странно — Жирный уверял нас, что Бог причинил ему боль, и при этом он по-прежнему жаждал Бога, как пьяница жаждет спиртного. Бог, говорил нам Жирный, выстрелил лучом розового света ему прямо в глаза. Жирный временно ослеп, и у него несколько дней раскалывалась голова. Очень легко, говорил он, описать луч розового света; точь-в-точь как после того, как у вас перед носом разрядят фотовспышку. Жирному буквально везде мерещился этот розовый свет. Иногда он мельком показывался на экране телевизора. Жирный жил ради этого света, ради одного его особенного оттенка.

Однако он никак не мог по-настоящему его найти. Никто не в силах воссоздать этот оттенок цвета, кроме Бога. Иными словами, обычный свет не содержит такого оттенка. Однажды Жирный даже тщательно изучил таблицу видимого спектра. Нужный цвет отсутствовал. Жирный видел цвет, который не видел больше никто; этот цвет находится вне спектра.

Что сопутствует свету, если говорить о частотах? Тепло? Радиоволны? Мне бы следовало знать, но я не знаю. Жирный сказал (не знаю, насколько это правда), что в солнечном спектре то, что он видел, составляло около семисот миллимикрон; если использовать термины линий Фраунхофера, через точку «В» в направлении точки «А».

Думайте что хотите. Я полагаю, это симптом его сумасшествия. Люди, находящиеся в стадии нервного срыва, часто проводят самые разнообразные исследования с целью найти объяснение своим действиям. Исследования эти, конечно же, заканчиваются провалом.

Подобные исследования провальны, куда к нему отношение мы, но, как ни печально, иногда снабжают фальшивой логикой разрушающийся разум — у Глории, например, появились те самые «они». Однажды я поглядел линии Фраунхофера, и там не оказалось никакого «А». Я смог найти только «В». Линии идут от «G» к «В», от ультрафиолета к инфракрасному спектру. Вот так. Больше ничего нет. То, что видел Жирный — или думает, что видел, — не было светом.

Когда он вернулся из Канады — после того, как обрел Бога, — мы много времени проводили вместе, и в одну из наших ночных прогулок (обычное дело, мы постоянно искали приключений), когда я парковал машину, у меня на левой руке неожиданно появилось пятнышко розового цвета. Я знал, что это, хотя и видел такую штуку впервые — кто-то направил на нас луч лазера.

— Это лазер, — сообщил я Жирному, который тоже его видел: луч гулял повсюду, цепляя телефонные будки и пробегая по цементным стенам гаража.

В дальнем конце улицы стояли два подростка с каким-то квадратным предметом в руках.

— Они сами сделали чертову штуковину, — сказал я. Мальчишки подошли к нам — улыбки до ушей — и сообщили, что собрали эту штуку из конструктора. Мы выразили свое восхищение, и они отправились дальше — пугать других.

— Это тот розовый цвет? — спросил я Жирного.

Он ничего не ответил, но у меня создалось впечатление, что Жирный что-то скрывает. Я чувствовал, что видел именно тот самый цвет. Почему Жирный не сказал мне об этом? Не знаю.

Возможно, такое заявление разрушило бы более стройную теорию. Психически неуравновешенные типы не используют Принцип Научной Бережливости: теория для объяснения данной совокупности фактов должна быть максимально простой. Им подай что повычурней.

По словам Жирного, суть того, что произошло, когда розовый луч обрушился на него и ослепил, вот в чем: он мгновенно познал то, что никогда не было ему известно. А именно: Жирный узнал, что у его пятилетнего сына имеется скрытый врожденный дефект, и понял, в чем состоит этот дефект, вплоть до мельчайших анатомических деталей. Фактически вплоть до рекомендаций, которые Жирный должен был дать врачам.

Я захотел присутствовать при том, как Жирный будет Давать рекомендации. Как объяснит свое знание медицинских тонкостей. Мозг его сохранил информацию, которую вбил в него луч розового цвета, но каким образом Жирный преподнесет ее?

Позже Жирный разработал теорию, согласно которой вселенная создана из информации. Он начал вести дневник; более того, оказывается, он втайне вел дневник уже довольно давно: хитрость ненормального. Первая встреча с Богом описана на страницах дневника его собственной — Жирного, не Бога — рукой.

Термин «дневник» принадлежит мне, а не Жирному. Он назвал свои записки «Экзегеза», или «Толкования»; сей теологический термин обозначает некие тексты, объясняющие или истолковывающие определенные фрагменты Библии. Жирный верил, что информация, которой в него выстрелили и которую потом периодически вбивали в его голову, имеет божественное происхождение, а следовательно, должна рассматриваться как форма Священного Писания. Даже в случае недиагностированного заболевания его сына — правосторонняя паховая грыжа, вызвавшая гидроцеле (водянку яичка) и сопровождающаяся опущением в мошонку.

Эту новость Жирный и сообщил доктору. Диагноз оказался верным, что подтвердилось, когда бывшая жена Жирного привела Кристофера на осмотр. Операцию назначили на следующий день, так сказать, не откладывая в долгий ящик. Хирург жизнерадостно сообщил Жирному и его бывшей жене, что жизнь их сына все эти годы висела на волоске. Мальчик в любой момент мог умереть от сдавливания собственных внутренностей. Большая удача, сказал хирург, что они обнаружили дефект. Итак, снова «они», правда, в данном случае «они» действительно существовали.

Операция прошла успешно, и вечные капризы и жалобы Кристофера прекратились — он с рождения страдал от боли. А Жирный с бывшей женой отдали сына под присмотр другого врача, у которого с глазами все в порядке.

Один из параграфов дневника Жирного произвел на меня достаточное впечатление, чтобы привести его здесь. Он посвящен не правосторонней паховой грыже, а вещам более общим: крепнущему убеждению Жирного, что вселенная представляет собой информацию. Жирный начал верить в это, потому что вселенная — его вселенная — на самом деле очень быстро превращалась в информацию. Как только Бог начал говорить с ним, он уже больше не останавливался. Не думаю, что о таком упоминается в Библии.

37. Мыслительный процесс Разума воспринимается нами как систематизация и перегруппировка — изменения — в физической вселенной; но фактически это информация и информационные процессы, которые мы материализовываем. Мы не только воспринимаем мысли как объекты, но скорее как перемещение, или, точнее, размещение объектов: то, как они связаны между собой. Однако мы не можем понять модели этого размещения; мы не можем извлечь из него информацию, следовательно, это и есть сама информация. Изменение Разумом связей между объектами по сути является языком, но языком, отличающимся от обычного (поскольку он адресован сам себе, а не кому — или чему-либо вне).

Жирный рассуждал на эту тему снова и снова — и в своем дневнике, и в устных дискуссиях с друзьями. Он не сомневался, что вселенная говорит с ним.

Вот еще одна запись в его дневнике:

36. Мы должны были бы слышать эту информацию, скорее даже повествование,

как некий нейтральный голос внутри нас. Но что-то пошло не так. Все сущее есть язык и ничего, кроме языка, который мы по какой-то необъяснимой причине не способны ни прочесть в окружающем, ни услышать внутри себя. Поэтому я говорю: мы превратились в идиотов. Что-то произошло с нашим рассудком, с нашей способностью понимать. Мои умозаключения таковы: расположение частей Разума в определенном порядке есть язык. Мы часть Разума, следовательно — мы тоже язык. Почему в таком случае мы не сознаем этого? Мы не знаем даже, кто мы есть, не говоря уже о внешней реальности, частью которой являемся. Слово «идиот» происходит от слова «индивидуальный». Каждый из нас стал индивидуумом и не разделяет больше общего мышления Разума, кроме как на подсознательном уровне. Таким образом, управление нашей реальной жизнью извне и ее цель остаются за пределами нашего сознания.

Лично у меня появляется искушение ответить на это: «Говори за себя».

В течение долгого периода времени («Безбрежная пустыня Вечности», как он сам назвал это) Жирный разработал множество оригинальных теорий для объяснения своих контактов с Богом и полученной при этом информации.

Одна из теорий особенно заинтересовала меня — она отличалась от остальных. Теория подводила итог некоей ментальной капитуляции, которую претерпевал Жирный. Теория гласила, что в реальности он вообще ничего не испытывает. Участки его мозга избирательно стимулируются узкими энергетическими лучами, испускаемыми из источника, расположенного очень далеко, возможно, за миллионы миль. Избирательная стимуляция участков мозга генерирует в его сознании *впечатления*, что он на самом деле видит и слышит слова, картины, фигуры людей, отпечатанные страницы книг; короче — Бога и Божье Послание, или, как любил называть это Жирный, — Логос. Однако, гласила эта оригинальная теория, на самом деле он только представляет себе, что переживает все эти вещи. Они напоминали голограммы.

Особенно меня поразило, как Жирный в своем безумии замысловатым образом смог отделить себя от своих галлюцинаций. При помощи рассудка он сумел вывести себя из безумной игры, продолжая при этом наслаждаться ее звуками и картинками.

В сущности, Жирный больше не заявлял, будто то, что он переживает, имеет место в действительности. Означало ли это, что Жирный пошел на поправку? Едва ли. Теперь он придерживался мнения, что «они» — или Бог, или кто-то — испускают очень узкий, насыщенный информацией энергетический луч дальнего действия, сфокусированный на его голове. Так что улучшения в его состоянии я не отметил, хотя изменения были налицо. Теперь Жирный мог с чистой совестью не брать в расчет свои галлюцинации, что означало, что он признает их за таковые. Но, как и у Глории, у Жирного появились «они». На мой взгляд, пиррова победа. Меня осенило, что жизнь Жирного — длинный и скучный перечень таких побед. Примером может служить способ, каким он пытался спасти Глорию.

«Экзегеза», над которой месяц за месяцем корпел Жирный, тоже казалась мне пирровой победой, если вообще может идти речь о какой-то победе — в данном случае загнанный в угол разум пытался объяснить необъяснимое. Наверное, здесь и кроется причина душевной болезни: происходят необъяснимые события, ваша жизнь превращается во вместилище ложных флуктуации того, что прежде было реальностью. Более того — словно и этого мало, — вы, подобно Жирному, бесконечно размышляете об этих флуктуациях, пытаетесь логически упорядочить их, тогда как единственный возможный в них смысл тот, что вы навязываете им в своем желании привести все к узнаваемым формам и процессам. В начале болезни вы в первую очередь лишаетесь того, что близко и знакомо вам. То, что приходит взамен — уже плохие новости, поскольку вы не в состоянии не только понять их, но и рассказать о них другим людям. Сумасшедший испытывает что-то, но что это и откуда взялось, ему неизвестно.

Посреди разрушений ментального ландшафта, которые можно проследить до исходной точки — смерти Глории Кнудсон, Жирный вообразил, что Бог излечил его. Как только начинаешь замечать пирровы победы, они сыплются словно из рога изобилия.

Это напоминает мне об одной знакомой девушке. Она умирала от рака. Я навестил ее в больницу и не узнал; девушка сидела на кровати, похожая на лысого старика. От химиотерапии она раздулась, как огромная винограда, из-за рака и лечения практически ослепла, почти

совсем оглохла и с ней постоянно случались припадки.

Я наклонился к ней, чтобы справиться о самочувствии, и девушка ответила — когда смогла понять мой вопрос:

— Я чувствую, как Господь излечивает меня.

Она была склонна к религиозности и собиралась постричься в монахини. На металлической подставке рядом с кроватью она положила — или кто-то положил — чётки. По моему мнению, плакат с надписью «Пошел ты, Господи!» был бы куда уместнее.

И все же, если честно, я вынужден был признать, что Бог — или кто-то, именуемый себя Богом (различие чисто семантическое), — выстрелил в голову Жирного ценной информацией, благодаря которой была спасена жизнь его сына Кристофера. Одних Бог излечивает, других лишает жизни. Жирный оспаривает тот факт, что Бог кого бы то ни было убил. Жирный говорит, что Бог никогда никому не причиняет зла. Болезни, боль и незаслуженные страдания исходят не от Бога, а откуда-то еще. На что я возражаю: «Как могло появиться это „где-то еще“? Существует два бога? Или часть вселенной неподконтрольна Богу?»

Жирный часто цитировал Платона. В Платоновой космологии *nods*, или Разум, по мнению некоторых специалистов, подчиняет себе *ananke*, или слепую силу обстоятельств — или слепой случай. *Nods* пришел в мир и, к своему удивлению, обнаружил там царство случайности, иными словами, Хаос, который *nods* и начал приводить к определенному порядку (хотя у Платона нигде не сказано, как это делается). Согласно теории Жирного, рак моей знакомой представлял собой беспорядок, пока не приведенный в упорядоченное состояние. *Nods*, или Бог, еще просто не добрался до нее, на что я сказал: «Что ж, когда он добрался, было уже поздно».

Жирный не опроверг этого — по крайней мере на словах. Возможно, он увильнул от ответа, чтобы написать об этом. Каждую ночь до четырех утра он царапал что-то в своем дневнике. Полагаю, где-то среди слоев мусора там лежат все тайны вселенной.

Очень мы любили спровоцировать Жирного на теологический диспут. Он всегда страшно злился, принимая наши доводы всерьез — да и саму тему. Но теперь совсем ошалел. Мы начинали с невинного замечания вроде: «Знаешь, Бог сегодня дал мне билет на метро». Жирный тут же ввязывался в драку. Мы всюду развлекались, доводя его до белого каления; мучая его таким образом, мы получали огромное удовольствие. Особенно приятно было, расходясь по домам, осознавать, что Жирный тотчас запишет всё в свой дневник. Само собой, в дневнике он разбивал наши доводы в пух и прах.

Вовсе не было нужды задавать Жирному праздные вопросы вроде: «Способен ли Бог создать такую широкую канаву, которую сам не в состоянии перепрыгнуть?» Хватало вопросов вполне реальных.

Наш приятель Кевин всегда начинал одинаково. «Как насчет моей кошки?» — спрашивал он. Несколько лет назад Кевин вышел вечерком прогуляться со своей кошкой. Кевин, болван, не взял кошку на поводок, та выскочила на дорогу и тут же угодила прямехонько под переднее колесо первой же машины. Когда он притащил то, что осталось от кошки, домой, она была еще жива, пускала кровавые пузыри и смотрела на Кевина глазами, полными ужаса.

Кевин любил говорить:

— Когда настанет Судный день и я предстану перед Великим Судией, я скажу: «Погодите-ка минутку», а потом вытащу из-за пазухи свою дохлую кошку. «Как вы объясните это?» — спрошу я его.

К тому времени, любил говаривать Кевин, кошка окоченеет как сковородка, и он возьмет ее за ручку — ее хвост — и будет ждать удовлетворительного ответа.

Жирный сказал:

— Ни один ответ не удовлетворит тебя.

— Ни один *твой* ответ, — хмыкнул Кевин. — Ладно, Бог спас жизнь твоего сына, но почему он не задержал мою кошку на пяток секунд? На *три* секунды? Что ему стоило? Ну конечно, что ему до какой-то там кошки?

— Послушай, Кевин, — вмешался однажды я, — тебе стоило бы взять кошку на поводок.

— Не в этом дело, — заметил Жирный. — У него пунктик. Тревожный симптом. Для Кевина кошка — символ всего, что он не понимает в этом мире.

— Я прекрасно все понимаю, — заявил Кевин с горечью. — Я просто думаю, что все это чушь собачья. Бог или беспомощен, или туп, или ему насрать. Или все вместе. Он злобный, тупой и слабый. Надо бы мне завести свою экзегезу.

— Но с тобой ведь Бог не говорит, — сказал я.

— Знаешь, кто говорит с Лошадником? — прошипел Кевин. — Кто на самом деле говорит с Лошадником среди ночи? Обитатели планеты Тупиц. Жирный, как ты там называл Мудрость Господню? Святое — что?

— Айя София, — ласково ответил Лошадник.

— Как ты говоришь? — озлобился Кевин. — Айя Тупица? Святая Тупица?

— Айя Морон. — Лошадник всегда сдавался. — Могон¹ — это греческое слово, как и Айя. Я это обнаружил, когда искал, что такое оксюморон².

— Не считая того, что суффикс «он» — это окончание среднего рода, — заметил я.

Можете представить, куда нас обычно заводили теологические дискуссии. Три некомпетентные особи, несогласные друг с другом.

А еще был наш друг Дэвид — католик, и девушка, умирающая от рака, — Шерри. Наступила ремиссия, и ее выписали из больницы. Слух и зрение у нее становились все хуже, а в остальном Шерри чувствовала себя неплохо. Жирный, само собой, использовал этот аргумент в пользу Бога и его исцеляющей любви, равно как и Дэвид и, конечно, Шерри. Кевин считал ремиссию чудом лучевой и химиотерапии и везением. Шерри в любой момент могла снова заболеть. Кевин мрачно предрекал, что в следующий раз никакой ремиссии не наступит. Иной раз нам казалось, что он даже желает этого, поскольку такой исход подтвердил бы его взгляд на вселенную.

Основой словесных экзерсаций Кевина было утверждение, что вселенная состоит из страдания и ненависти и что она в конце концов прикончит каждого. Он смотрел на вселенную, как многие смотрят на неоплаченный счет: когда-то да придется платить. Вселенная дает вам жизнь, позволяет порезвиться какое-то время, а потом забирает обратно. Кевин все время ждал, что это произойдет с ним, со мной, с Дэвидом и особенно с Шерри.

Что касается Жирного Лошадника, Кевин считал, что задолженность слишком велика. Вселенная уже всю затягивает его обратно. Кевин был уверен, что Жирный мертв не потенциально, а фактически.

У Жирного хватало здравого смысла не обсуждать смерть Глории Кнудсон в присутствии Кевина. Тот наверняка приплюсовал бы Глорию к своей дохлой кошке. Собрался бы на Страшном Суде и ее вытащить из-за пазухи.

Дэвид, будучи католиком, любил сводить все неприятности к проблеме свободы воли. Это раздражало даже меня. Однажды я поинтересовался у Дэвида, заболела ли Шерри раком по собственной свободной воле. Я знал, что Дэвид следит за достижениями психологии и наверняка заявит мне, будто Шерри подсознательно стремилась к болезни и потому отключила иммунную систему. В то время подобные теории были очень популярны. Само собой, Дэвид тут же попался на крючок.

— Тогда почему же она выздоровела? — поинтересовался я. — Она что, подсознательно хотела выздороветь?

Дэвид растерялся. Если болезнь Шерри — следствие работы ее мозга, приходилось признать, что и ремиссия имеет вполне мирское, а вовсе не сверхъестественное происхождение. Бог тут вовсе ни при чем.

— К.С. Льюис³ сказал бы... — начал Дэвид.

Жирный немедленно впал в ярость. Его страшно бесило, когда Дэвид прибегал для защиты своей ортодоксальной зашоренности к К. С. Льюису.

— А может, Шерри пересилила Бога? — предположил я. — Бог хотел, чтобы она заболела, а она переборолла его?

Обычным аргументом Дэвида было утверждение, что Шерри заработала рак

1 Могон (англ.) — слабоумный.

2 Оксюморон — сочетание противоположных по значению слов.

3 К.С. Льюис (1898 — 1963) — английский ученый и романист, большая часть его книг посвящена христианской тематике.

невротическим путем, поскольку все у нее шло наперекосяк, а Бог вмешался и спас ее. Я же все поставил с ног на голову.

— Нет, — заявил Жирный. — Все происходило иначе. Как когда Бог излечил меня.

К счастью, Кевина в этот момент не было. Он не считал, что Жирный Лошадник излечен (да и никто не считал), и уж точно это сделал не Бог. Рассуждения Кевина основаны на той самой логике, которую развенчивает Фрейд — автокомпенсационная структура, основанная на Двойном предположении. Фрейд рассматривает такую структуру как разоблачение рационализма. Вроде как кого-то обвиняют в краже лошади, а он отвечает: «Я не ворую лошадей, да и лошадь эта никудышняя». Если задуматься, можно увидеть стоящий за такими словами мыслительный процесс. Второе заявление не усиливает первое — так только кажется на первый взгляд.

Говоря в терминах наших бесконечных теологических споров, основанных на предполагаемом общении Жирного с Богом, автокомпенсационная структура, исходящая из двойного предположения, должна была бы выглядеть следующим образом:

1. Бога нет
2. И в любом случае он тупица

Внимательное изучение циничных разглагольствований Кевина совершенно разоблачает такую структуру. Дэвид постоянно цитировал К. С. Льюиса; Кевин сам себе противоречил в рьяном желании развенчать Бога; Жирный невнятно пытался пересказать информацию, вбитую в его голову при помощи луча розового света; Шерри, которая ужасно страдала, сипло твердила какую-то набожную чушь. Я же менял взгляды в зависимости от того, с кем в данный момент беседовал.

Никто из нас толком не понимал, в чем дело, зато у всех оказалось полно свободного времени. Эпоха наркотиков закончилась, и у нас должна была появиться новая страсть. Благодаря Жирному этой страстью стала теология.

Любимое античное изречение Жирного гласит:

Могу ли думать, что великий Яхве спит,
Как Шемош и другие сказочные боги?
Ах! Нет. Услышал мысли он мои и записал их...

Жирный не любит цитировать окончание:

Вот что мой разум мучит
И тысячью когтей впивается мне в грудь,
В безумие пытаюсь ввергнуть...

Это из арии Генделя. Мы с Жирным любили слушать пластинку «Серафим» в исполнении Ричарда Льюиса. *Все глубже и глубже...*

Однажды я сказал Жирному, что другая ария на пластинке точно передает состояние его разума.

— Что еще за ария? — поинтересовался Жирный.

— « Полное затмение », — ответил я.

Затмение полное! Ни солнца, ни луны,
Средь бела дня сплошная чернота.
О свет небесный! Жизнерадостных лучей
Не видно, чтоб порадовать мой взор.
Зачем же Ты нарушил Твой закон
И сделал солнце и луну, и звезды
Сокрытыми от взора моего?!

На это Жирный заявил:

— В моем случае все как раз наоборот. Я освещен божественным светом, который изливается на меня из другого мира. Я вижу то, чего не видят другие люди.

Такой у него был пунктик.

3

Вот какой вопрос нам все время приходилось решать в десятилетие наркоты: как сказать кому-то, что ему выжгло мозги? Сейчас такой же вопрос встал перед нами, друзьями Жирного Лошадника, погрузившегося в свой теологический мир.

В случае с Жирным можно было бы запросто связать одно с другим: наркотики, которые он принимал в шестидесятых, в семидесятых сдвинули-таки ему мозги. Если бы я мог заставить себя поверить в это, я так бы и сделал. Я люблю решения, которые отвечают сразу на несколько вопросов.

Все дело в том, что я так не считаю. Жирный не увлекался психоделиками. Он вообще принимал их всего-ничего. Однажды, в шестьдесят четвертом, когда достать сан-доксовский ЛСД-25 было легче легкого, особенно в Беркли, Жирный принял приличную дозу и отправился путешествовать во времени. То ли в прошлое, то ли в будущее, то ли вообще за изнанку. Так или иначе, он заговорил на латыни и пребывал в полной уверенности, что настал *Dies Irae* — День Гнева. Он слышал, как приближается Господь, полный ярости.

Восемь часов кряду Жирный молился и стенал на латыни. Позже он клялся, что в течение всего путешествия во времени он не только думал и говорил по-латыни, он еще нашел книгу с латинскими изречениями и мог читать ее так же легко, как любую английскую.

В конце концов, может, происхождение его помешательства на почве Бога действительно лежит именно здесь? В 1964-м его мозгу понравилось кислотное путешествие, и он — мозг — записал его, чтобы прокрутить позже.

С другой стороны, такие рассуждения возвращают нас в 1964 год. Насколько мне известно, способность читать, думать и говорить на латыни вовсе не характерна для кислотного прихода. Жирный не знает латыни. Сейчас он не может связать по-латыни двух слов. Не мог он их связать и до того, как раскумарился хорошей дозой ЛСД-25.

Позже, когда начался его религиозный опыт, Жирный думал на языке, которого *не понимал* (в шестьдесят четвертом он прекрасно понимал собственную латынь). Ему удалось записать несколько случайно запомненных слов. Для Жирного они вовсе не ассоциировались ни с каким языком, и он не сразу решился показать кому-нибудь то, что зафиксировал на бумаге. Жена Жирного — его следующая жена, Бет — прошла в колледже годичный курс греческого и опознала писанину Жирного как греческий *койне*. Или по крайней мере какой-то греческий — или аттический, или койне.

Греческое слово «койне» переводится просто как «общий». Ко времени Нового Завета койне стал самым ходовым языком Ближнего Востока, заменив арамейский, который, в свою очередь, пришел на смену аккадскому. (Я это знаю, потому что я профессиональный писатель, и мне просто положено обладать знаниями о языках). Манускрипты Нового Завета дошли до нас именно на греческом койне, хотя, возможно, источник, которым пользовались синоптики — апостолы Матфей, Марк и Лука, — был написан на арамейском, который, в свою очередь, является формой иврита.

Иисус говорил на арамейском. Получается, что, когда Жирный Лошадник начал думать на греческом койне, он думал на языке, который использовали закадычные дружки святой Луки и святой Павла (по крайней мере для письма).

Письменный койне выглядит забавно, потому что между словами нет пробелов. Это может привести к немалому разнобою с переводами, поскольку переводчик будет отделять слова друг от друга так, как ему нравится. Возьмем английский пример:

GOD IS NO WHERE GOD IS NOW HERE¹

¹ В данном английском предложении изменение положения всего лишь одного пробела приводит к

Собственно, мне об этом рассказала Бет, которая не воспринимала религиозный опыт Жирного всерьез, пока не увидела написанное им на койне. Она знала, что Жирный не имеет ни малейшего понятия о койне. Жирный утверждал, что... ну, он много чего утверждал. Я не должен начинать каждое предложение со слов: «Жирный утверждал, что».

За годы — годы! — работы над своей экзегезой Жирный, должно быть, создал не меньше теорий, чем звезд во вселенной. Каждый день возникала новая — более изощренная, более волнующая и более долбанутая. Главной темой, однако, во всех оставался Бог.

Жирный отваживался отойти от веры в Бога примерно так же, как собака, которая у меня когда-то была, отваживалась покинуть лужайку перед домом. Он — они оба — делали первый шаг, еще один, потом, возможно, третий, а затем поджимали хвост и опроретью мчались обратно, на привычную территорию.

Жирному было хуже, чем собаке, он не мог найти обратной дороги.

Надо бы узаконить вот что: если нашел Бога — не упускай его. Что до Жирного, тот, обретя Бога (если, конечно, и в самом деле обрел), совершенно обленился. Бог стал для него постоянно убывающим источником радости, вроде упаковки амфетамина, где таблеток остается все меньше и меньше.

Кто имеет дело с Богом? Жирный знал, что церковь тут не поможет. На всякий случай он попробовал проконсультироваться с одним из священников Дэвида. Не помогло.

Кевин предложил вернуться к наркотикам. Я, человек литературы, порекомендовал Жирному почитать малоизвестных английских поэтов-метафизиков семнадцатого века, таких как Воэн и Герберт:

Он знает, что имеет дом, но едва ли знает где.
По его словам, это так далеко,
Что он совершенно забыл туда дорогу.

Это строки из поэмы Воэна «Человек». Жирный, похоже, скатился на уровень этих поэтов и, таким образом, стал анахронизмом. Вселенная имеет привычку уничтожать анахронизмы. Я знал, что она уничтожит Жирного, если тот не приведет себя в порядок.

Мы много предложений сделали Жирному, однако самой многообещающей можно считать идею Шерри. В один из самых тяжелых дней Жирного Шерри, у которой как раз тогда настала ремиссия, сказала ему:

— Чем тебе неплохо бы заняться, так это изучить тактико-технические характеристики Т-34.

Жирный поинтересовался, что она имеет в виду. Выяснилось, что Шерри как раз читала книгу о вооружении России во Второй мировой войне. Танк Т-34 стал спасением Советского Союза, а значит, и спасением союзных сил, и, как следствие, спасением Жирного Лошадника, поскольку, не будь Т-34, Жирному пришлось бы говорить не по-английски и не на латыни, и даже не на койне — ему пришлось бы говорить по-немецки!

— Т-34, — объясняла Шерри, — были очень быстрыми. Под Курском они раздолбали даже поршевских «элефантов». А что они сотворили с Четвертой танковой армией!

Тут она начала излагать ситуацию под Курском в 1943 году, да еще с цифрами. Мы были просто потрясены.

— Чтобы переломить ход сражения, пришлось вмешаться самому Жукову, — хрипела Шерри. — Ватутин облажался. Его потом убили пронацистские партизаны. А теперь гляньте, какие у немцев были «тигры» и «пантеры».

Она показала нам фотографии немецких танков и проинформировала о том, как генерал Конев двадцать шестого марта успешно форсировал Днестр и Прут.

Суть идеи Шерри состояла в том, чтобы повернуть мозги Жирного от космического и абстрактного к частному и конкретному. Она посчитала, что нет ничего более реального, чем мощный советский танк времен Второй мировой. Шерри надеялась, что Т-34 станет

противоядием для безумия Жирного.

Ничего не вышло. Все ее объяснения, карты и фотографии напомнили Жирному о ночи, когда они с Бобом пошли смотреть фильм «Паттон» накануне похорон Глории. Шерри, само собой, об этом не знала.

— А может, Жирному заняться шитьем? — предположил Кевин. — У тебя ведь есть швейная машинка, Шерри. Научи его.

Шерри продемонстрировала, что степень ее упрямства достаточно высока.

— В танковом сражении под Курском, — продолжала она, — участвовали четыре тысячи боевых машин. Это была величайшая механизированная битва в истории. Все знают о Сталинграде, но никто не знает о Курске. Настоящая победа Советского Союза произошла под Курском. Если взять...

— Кевин, — прервал ее Дэвид, — мне кажется, немцы должны были показать русским дохлую кошку и попросить их объяснить ее смерть.

— Это остановило бы русских, — подтвердил я. — Жуков и по сей день пытался бы разобраться с причинами кошкиной смерти.

Шерри обратилась к Кевину:

— Говоря о великой победе правых сил под Курском, как можно думать о какой-то там кошке?

— В Библии что-то есть о падающих воробьях, — возразил Кевин. — И о том, что Он не спускает с них глаз. Беда только в том, что у Бога, видимо, всего один глаз.

— По-твоему, сражение под Курском выиграл Бог? — спросил я Шерри. — Вот удивились бы русские! Особенно те, кто строил танки, вел их в бой, и кого убили в этом бою.

Шерри терпеливо пояснила:

— Для Бога мы инструменты, при помощи которых он действует.

— Ладно, — сказал Кевин. — В случае Лошадника Богу достался бракованный инструмент. А может, они оба бракованные. Вроде как восьмидесятилетняя старушка за рулем «пинто», а у того бензобак пробит.

— Немцы должны были показать русским дохлую кошку Кевина, — сказал Жирный. — Не какую-то там любую дохлую кошку. Кевина беспокоит только эта, конкретная кошка.

— Этой кошки, — возразил Кевин, — и в природе не было во время Второй мировой.

— Ты горевал по ней? — осведомился Жирный.

— Как я мог горевать? Ее ведь тогда не было.

— То есть она пребывала в том же состоянии, что и сейчас, — констатировал Жирный.

— Неправильно, — обиделся Кевин.

— В каком смысле неправильно? — спросил Жирный. — Чем ее несуществование сейчас отличается от ее несуществования тогда?

— Ну, теперь у Кевина есть ее труп, — заметил Дэвид. — Есть за что цепляться. В этом вся суть кошкиного существования. Она появилась на свет, чтобы стать трупом, при помощи которого Кевин смог бы отрицать милость Божию.

— Кевин, а кто создал твою кошку? — спросил Лошадник.

— Бог создал, — ответил Кевин.

— По твоей логике выходит, что Бог создал отрицание своих собственных добрых качеств, — отметила Шерри.

— Бог туп, — сказал Кевин, — и божественность его тупа. Я всегда это говорил.

Шерри спросила:

— А много нужно умения, чтобы создать кошку?

— Нужны всего лишь две другие кошки. Самец и самка, — сказал Кевин. Однако он уже начал понимать, куда его заманили. — Нужно... — Он ухмыльнулся. — Ладно, нужно умение, если говорить о целях бытия.

— Ты не видишь целей? — удивилась Шерри. Поразмыслив, Кевин согласился:

— У живых существ есть цели.

— А кто вложил в них эти цели? — не унималась Шерри.

— Они... — Кевин помедлил. — Они сами и есть эти цели. Живых существ нельзя отделить от их целей.

— Выходит, животное — это выражение цели, — сказала Шерри. — Значит, у бытия есть цель.

— Только местами.

— Отсутствие цели порождает цель. Кевин окинул ее взглядом.

— Чтоб ты провалилась! — сказал он.

Я полагаю, что циничный подход Кевина сделал гораздо больше для подтверждения Лошадникова безумия, чем любой другой единичный фактор — ну, не считая, конечно, самой причины этого сумасшествия, какой бы она ни была. Кевин непреднамеренно стал инструментом в руках неведомых сил, и Жирный это понимал.

Кевин не мог предложить достойной альтернативы заболеванию Жирного. Его циничная ухмылка была в некотором роде оскалом самой Смерти — этаким ухмыляющийся череп. Кевин жил, чтобы доказать никчемность жизни. Меня всегда поражало, что Жирный при всем при этом продолжает общаться с Кевином, но позже я понял — почему. Всякий раз, как Кевин обрушивался на заблуждения Жирного — высмеивал и пародировал их, — Лошадник становился сильнее.

Насмешки являлись единственным противоядием для безумия Жирного, и он под их градом чувствовал себя только лучше. Жирный понимал это, как бы далеко ни унесло его крышу. Да что там — это прекрасно понимал и Кевин, однако контур обратной связи в голове вынуждал его продолжать нападки снова и снова.

Так что нападки усиливались, а Жирный становился все сильнее. Очень похоже на греческий миф.

В своей экзегезе Жирный вновь и вновь возвращался к этой теме. Он верил, что прожилки иррационального пронизывают всю вселенную, вплоть до Бога или Высшего Разума, стоящего за ней.

Жирный писал:

38. От потерь и несчастий Разум становится безумным. Следовательно, и мы как части вселенной и, соответственно, Разума частично безумны.

Очевидно, что Жирный экстраполировал свое личное горе — потерю Глории — до космических масштабов.

35. Разум говорит не с нами, но посредством нас. Его повествование течет сквозь нас, и его горе напитывает нас иррациональным. Как утверждал Платон, Мировая Душа пронизана иррациональным.

В параграфе 32 об этом еще больше:

32. Смена информации, которую мы воспринимаем как окружающий мир, есть развертывающееся повествование. *Оно рассказывает нам о смерти женщины* (курсив мой). Эта женщина, умершая давным-давно, была одной из изначальных близнецов, одной из половин божественной сизигии. Цель повествования — раздумья о ней и ее смерти. Разум не хочет забыть ее. Таким образом, размышления Разума состоят в постоянном свидетельстве ее существования и, прочитанные, могут быть поняты только так. Вся информация, произведенная Разумом и воспринимаемая нами как расстановка и перестановка физических объектов, — попытка сохранения ее; камни, скалы, палки и амебы — ее следы. Память о ее существовании и уходе записана на самом низком уровне физического бытия. Записана страдающим разумом, который остался один.

Если после прочтения вы не поймете, что Жирный пишет о себе — вы ничего не поняли.

С другой стороны, я не отрицаю того факта, что Жирный окончательно и бесповоротно свихнулся. Это началось после звонка Глории, и с тех пор он и остался сумасшедшим. Совсем

не похоже на Шерри с ее раком. У Жирного не было ремиссии. Обретение Бога нельзя назвать ремиссией. Впрочем, возможно, и ухудшения не наступало, что бы там ни говорил циничный Кевин. Нельзя сказать, что общение с Богом для психического заболевания то же самое, что смерть для рака — логические последствия разрушительной болезни прогрессируют. Технический термин для этого — теологический технический термин, не психиатрический — теофания.

Теофания состоит в самораскрытии божественного. Не в чем-то, что делает перципиент; она состоит в том, что творит божественное — Бог или боги, или высшая сила. Моисей не сотворял пылающий куст, Элия на горе Хорив не производил гром и ураган.

Как, с точки зрения перципиента, отличить теофанию от обычной галлюцинации? Если голос говорит ему что-то, чего он не знает и *не может знать*, разве это не влияние извне? Жирный никогда не знал койне, это доказывает что-нибудь? Он ничего не знал о врожденном заболевании сына — по крайней мере сознательно. Возможно, подсознательно он знал о существовании паховой грыжи и просто не хотел смотреть правде в глаза. Существует, собственно, и механизм, посредством которого Жирный мог знать койне — филогенетическая память; Юнг называет это коллективным или расовым бессознательным. Онтогения, то есть индивидуальное, суммирует в себе филогению, коллективное, и тогда можно обосновать знание Жирным языка, на котором говорили две тысячи лет назад. Если в глубинах мозга индивидуума существует филогенетическая память, все обстоит именно так. Однако концепция Юнга — всего лишь догадка, никто не доказал ее.

Допуская существование божественного, нельзя отрицать силу самораскрытия; очевидно, что любое существование, достойное называться божественным, должно обладать этой способностью. Настоящий вопрос (в моем понимании) не «почему теофания?», а «почему она случается так редко?». Единственная концепция, объясняющая это, — идея *deus absconditus*, тайного, скрытого или неизвестного Бога. Юнг почему-то рассматривает теофанию как общеизвестное, чтобы не сказать, обычное, дело. Но если Бог существует, он должен быть *deus absconditus* — за исключением редких теофаний. В противном случае он не существует вовсе. В последней точке зрения больше смысла, если не учитывать теофании, поскольку они редки.

Для опровержения требуется лишь одна-единственная абсолютно доказанная теофания.

Впечатление, произведенное теофанией на перципиента, нельзя считать доказательством ее реальности. То же касается и группового восприятия (по словам Спинозы, вся вселенная может быть одной теофанией, но тогда вселенная может и вовсе не существовать, о чем говорят буддийские идеалисты). Любая описанная теофания может оказаться фальшивкой, поскольку все может оказаться фальшивкой, будь то почтовые марки или ископаемые черепа, или черные дыры в космосе.

То, что вселенная, как мы ее воспринимаем, может оказаться иллюзией, лучше прочих выразил Гераклит. Если вы опираетесь на его утверждение или просто сомневаетесь в глубине души, вы готовы столкнуться с вопросом о существовании Бога.

Необходимо иметь понимание (*noos*), чтобы быть способным интерпретировать свидетельства глаз и ушей. Шаг от очевидного к скрытой правде подобен переводу манеры выражаться с языка, чужого для большинства людей. Гераклит... во Фрагменте 56 утверждает, будто люди в том, что касается знания воспринимаемых ими вещей «обманываются, подобно Гомеру¹. Дабы понять происходящее, необходимо интерпретировать, разгадывать головоломку... но хотя и кажется, что человек способен на такое, большинство людей никогда этого не делает. Гераклит неистово нападает на глупость обыкновенных людей и на то, что среди них считается знанием. Он сравнивает их со спящими в своих маленьких частных мирах.

Так говорит Эдвард Хасси, преподаватель античной философии Оксфордского университета и член совета Колледжа всех душ, в книге «Досократова философия», изданной Чарльзом Скрибнером в Нью-Йорке в 1972 году.

Никогда в прочитанном мной — я имею в виду, в прочитанном Жирным Лошадником —

¹ Здесь и далее Фрагменты Гераклита даны в переводе с древнегреческого М.А. Дынника.

не встречалось более значительного взгляда на природу вещей.

Во Фрагменте сто двадцать три Гераклит говорит: «Природа любит скрываться». А в пятьдесят четвертом — «Скрытая гармония лучше явной».

Эдвард Хасси добавляет к этому: «Следовательно, он (Гераклит) согласен, что реальность в какой-то мере скрыта».

А если реальность «в какой-то мере скрыта», что означает «теофания»? Ведь теофания есть вторжение Бога, вторжение, заполняющее наш мир. С другой стороны, наш мир только кажется нам, он лишь «явная гармония», подчиненная «скрытой гармонии».

Жирный Лошадник хотел бы, чтобы вы порассуждали над этим. Если Гераклит прав, то фактически не существует другой реальности помимо теофании. В таком случае все остальное является иллюзией, и Жирный единственный среди нас говорит правду. Однако Жирный свихнулся после звонка Глории.

Сумасшедшие — с психологической, а не с юридической точки зрения — не соприкасаются с реальностью. Жирный Лошадник сумасшедший, следовательно, он не соприкасается с реальностью. Параграф 30 его экзегезы гласит:

30. Мир явлений не существует, это гипостазис информации, произведенной Разумом.

35. Разум говорит не с нами, но посредством нас. Его повествование течет сквозь нас, и его горе напитывает нас иррациональным. Как утверждал Платон, Мировая Душа пронизана иррациональным.

Другими словами, сама вселенная, равно как и Разум, стоящий за ней, безумны. Следовательно, тот, кто соприкасается с реальностью, по определению, соприкасается с безумием, иррациональное напитывает его.

Короче, Жирный проверил свой собственный разум и обнаружил отклонения. Затем посредством этого дефектного разума он проверил внешнюю реальность, называемую макрокосмом. Там он тоже обнаружил неполадки. По утверждению философов-герметиков, макрокосм и микрокосм полностью отражают друг друга. Жирный, используя неисправный инструмент, изучил неисправный объект и сделал вывод, что неисправно вообще все.

Вдобавок ко всему, из этой ситуации не было никакого выхода. Взаимосвязь между неисправным инструментом и неисправным объектом создала еще одну китайскую ловушку. Жирный заблудился в собственном лабиринте подобно Дедалу, который построил для царя Миноса лабиринт на Крите, вошел в него и не мог выбраться наружу. Возможно, Дедал и по сей день там, равно как и все мы.

Единственное различие между нами и Жирным Лошадником состоит в том, что Жирный осознает свое положение, а мы нет. Следовательно, Жирный безумен, а мы — нет.

«Спящие в маленьких частных мирах», — говорит Хасси, а он должен знать — как-никак, величайший из живущих специалист по древнегреческой мысли. Ну, может, за исключением Фрэнсиса Корнфорда. По словам Корнфорда, Платон верил в то, что «Мировая Душа пронизана иррациональным»¹.

Из лабиринта нет выхода. Лабиринт меняется, пока вы пробираетесь по нему, потому что он живой.

Парсифаль: Я двинулся совсем немного, а оказался так далеко.

Гурнеманц: Вот видишь, сын мой, здесь время превращается в пространство.

(Весь ландшафт становится расплывчатым. Лес отступает, и на его месте появляется скала, сквозь которую видны ворота. Двое минуют ворота. Что случилось с лесом? Два человека не двигались с места, они никуда не шли и все же оказались совсем в другом месте. *Здесь время превращается в пространство.* Вагнер начал писать «Парсифаля» в 1845 году. Он умер в 1873-м, задолго до того, как Герман Минковский в 1908 году постулировал

¹ «Космология Платона, Тимей Платона», Библиотека свободных искусств, Нью-Йорк, 1937 год. — Примеч. автора.

четырёхмерное пространство-время. Корни «Парсифаля» лежат в кельтских легендах и вагнеровском изучении буддизма для так и не написанной оперы о Будде под условным названием «Победители» («*Die Sieger*»). Откуда Вагнер узнал, что время способно превращаться в пространство?)

И если время способно превращаться в пространство, способно ли пространство превращаться во время?

В книге «Миф и реальность» Мирчи Элиаде есть глава, которая называется «Время можно преодолеть». Преодоление времени — основная цель мистических и сакральных ритуалов. Жирный Лошадник заговорил на языке, бывшем в ходу две тысячи лет назад, на языке, на котором писал святой Павел.

Здесь время превращается в пространство. Жирный рассказал мне и еще об одном случае встречи с Богом. Однажды весь ландшафт Калифорнии 1974 года пастаял, а вместо него проявился Рим первого века нашей эры. Какое-то время Жирный видел оба пейзажа. Это было вроде эффекта наложения в кино. Или на фотографии. Почему? Как? Бог многое объяснил Жирному, здесь же ограничился одним утверждением. Он в дневнике под номером 3:

3. Он заставляет нас видеть вещи другими, поэтому нам кажется, что прошло время.

Кто «он»? Должны ли мы считать, что на самом деле время не прошло? И вообще оно когда-нибудь проходит? Было ли когда-либо реальное время, а значит, и реальный мир? А сейчас, значит, время фальшивое и мир поддельный? Как пузырь, который остается неизменным, а нам кажется, что он меняется?

Жирный Лошадник нашел этому объяснение и занес его в свой дневник, или экзегезу, или как там он его называл, под номером 4:

4. Материя пластична перед лицом Разума.

Существует ли вообще какой-либо реальный мир? По всему выходит, что Парсифаль и Гурнеманц стояли неподвижно, а ландшафт вокруг них менялся, поэтому они и оказались в другом пространстве — пространстве, которое первоначально воспринималось ими как время. Жирный думал на языке двухтысячелетней давности и видел древний мир, соответствующий этому языку. Внутреннее содержание его разума подошло к восприятию Жирным окружающего мира.

Некая логика тут налицо. Имело место нарушение Работы времени? Тогда почему его жена Бет не испытала того же? Она ведь жила с Жирным, когда он встретился с божественным. Для нее ничего не изменилось, разве что (как она сказала мне) Бет стала слышать странные хлопающие звуки, словно в результате неизвестной перегрузки взрывались какие-то объекты. Как будто эти объекты накачивали, накачивали чрезмерным количеством энергии. И Жирный, и его жена рассказали мне и кое-что еще о тех мартовских днях 1974 года. Их домашние животные претерпели неожиданную метаморфозу. Они стали более умными и миролюбивыми. Пока не погибли от опухоли мозга.

Жирный с женой рассказали мне о своих животных нечто, что навсегда засело у меня в памяти: животные пытались общаться с Жирным и Бет, пытались использовать язык. Это нельзя списать на психоз Жирного, как и их гибель.

Первое, что, по словам Жирного, пошло не так, было связано с радио. Однажды ночью, слушая приемник — Жирного тогда совсем замучила бессонница, — он обнаружил, что радио произносит ужасные вещи, такого на радио просто не может быть. Бет крепко спала и ничего не слышала.

Так что, возможно, это мозги Жирного пошли вразнос, и с тех пор его разум стал разрушаться со все возрастающей скоростью.

Психическое заболевание не слишком-то веселая штука.

Вследствие театральных попыток самоубийства при помощи таблеток, бритвенного лезвия и выхлопных газов, предпринятых Жирным после того, как Бет, забрав с собой Кристофера, оставила его, Лошадник оказался в психиатрической лечебнице графства Оранж. Вооруженный полицейский отвез его на инвалидной коляске по подземному коридору из реанимации напрямик в психиатрическое крыло.

Жирного никогда раньше не сажали под замок. После приема сорока девяти таблеток дигиталиса он несколько дней страдал от мерцательной аритмии, так как его попытки увенчались сильнейшим отравлением наперстянкой, определяемым по шкале цифрой три. Дигиталис Жирному прописали, чтобы бороться с аритмией, но не такой, какая случилась с ним после отравления.

Есть некая ирония в том, что передозировка дигиталиса вызывает ту самую аритмию, бороться с которой он предназначен. В какой-то момент, когда Жирный лежал на больничной койке и посмотрел на экран медицинского монитора, он увидел там прямую линию — его сердце остановилось. Жирный продолжал смотреть, и в конце концов на мониторе появились всплески. Бесконечна милость Божия.

Итак, совершенно ослабевший, под присмотром вооруженного охранника Жирный прибыл в психиатрическое отделение и вскоре уже сидел в прокуренном коридоре и трясся от слабости и страха. Следующую ночь он провел на больничной койке, которых в палате было шесть, и обнаружил, что койка оборудована кожаными наручниками. Через открытую дверь в коридор персонал мог наблюдать за пациентами, а Жирному со своей койки было видно, что идет по телевизору.

В гости к программе Джонни Карстона пришел Сэмми Дэвис-младший. Жирный лежал и думал, каково это, когда у тебя один глаз стеклянный. В тот момент он не совсем понимал, что с ним происходит. Жирный сознавал, что пережил отравление дигиталисом, сознавал, что находится под арестом после попыток самоубийства. Жирный не знал, где была Бет, пока он лежал в палате интенсивной терапии. Она не позвонила и не пришла навестить его. Первой пришла Шерри, потом Дэвид. Остальные были не в курсе. Жирный особенно не хотел, чтобы слухи дошли до Кевина, что дало бы пищу его циничным умозаключениям. Жирный не был готов к цинизму, пусть и добродушному.

Главный кардиолог Медицинского центра графства Оранж продемонстрировал Жирного группе студентов-медиков из университета Ирвина — МЦГО был учебной базой. Каждый из студентов хотел послушать, как бьется сердце после сорока девяти таблеток дигиталиса.

Еще Жирный потерял немало крови из-за пореза на левом запястье. Но что в первую очередь спасло ему жизнь, так это неисправность дроссельной заслонки автомобиля. Заслонка не полностью открылась, машина перегрелась, и двигатель заглох. Жирный тогда кое-как добрался до дома и лег в постель, чтобы умереть. На следующее утро он проснулся, обнаружил, что все еще жив, и начал выbleвывать дигиталис. Это второе, что спасло его. Третьими оказались все парамедики на свете, которые высадили стекло и вышибли раздвижные алюминиевые двери черного хода. Дело в том, что перед этим Жирный позвонил в аптеку, чтобы пополнить запасы либриума, который был ему прописан. Он принял тридцать таблеток либриума непосредственно перед дигиталисом. Аптекарь позвонил парамедикам. Можно много говорить о бесконечной милости Божией, но иной раз сообразительность хорошего аптекаря стоит большего.

После ночи в приемном покое психиатрического отделения Жирному пришлось вынести целый консилиум. Толпа хорошо одетых мужчин и женщин с планшетами в руках окружила пациента, и каждый из них принялся тщательно изучать его.

Жирный, как только мог, пытался казаться вменяемым. Он делал все, дабы убедить врачей, что с его мозгами все в порядке. Но вскоре понял, что никто ему не верит. С равным успехом он мог бы общаться с врачами на суахили. В результате Жирный добился лишь унижения и потери остатков собственного достоинства.

«Да хрен с ним!» — в конце концов решил Жирный и замолчал.

— Выйдите, — сказал один из психиатров. — Мы сообщим вам свое заключение.

— Я уже получил урок, — сказал Жирный, направляясь к выходу. — Самоубийство

являет собой интроспекцию враждебности, которую следовало бы направить на человека, который расстроил вас. Я долго размышлял в палате интенсивной терапии, или как там ее, и понял: в моем разрушительном поступке проявили себя годы самопожертвования и самоотречения. Однако что меня поразило, так это мудрость тела — оно знало не только, что должно защитить себя от мозга, но знало и как сделать это. Теперь я понял, что утверждение Йейтса: «Я есть бессмертная душа, привязанная к телу умирающего животного», диаметрально противоречит действительному положению вещей, касающихся человека. Психиатр сказал:

— Мы поговорим с вами после того, как вынесем заключение.

Жирный ответил:

— Я скачаю по сыну. Никто не взглянул на него.

— Я боялся, что Бет причинит ему вред, — сказал Жирный.

То была единственная правда, произнесенная им в этой комнате. Он пытался убить себя не потому, что Бет оставила его, а потому, что после ее отъезда не мог присматривать за маленьким сыном.

Потом Жирный сидел в коридоре на кушетке из пластика и хрома и слушал рассказ какой-то толстой старухи о том, как ее муж пытался разделаться с ней, закачивая газ под дверь старухиной спальни. Жирный думал о своей жене. Он не думал о том, что видел Бога. Он не говорил себе: «я одно из немногих человеческих существ, кто в самом деле видел Бога». Вместо этого он вспомнил о Стефани, что сделала для него маленький глиняный горшочек, который Жирный назвал О-хо, потому что горшочек казался ему похожим на китайский.

Интересно, думал Жирный, посадили ли Стефани на героин, или ее посадили под замок, как сейчас его? может, она умерла или вышла замуж, или живет в заснеженном Вашингтоне? Стефани без умолку болтала о штате Вашингтон, где она никогда не была, но куда всю жизнь мечтала попасть. Все это могло случиться со Стефани... а могло и не случиться. Любопытно, что бы сказала Стефани, увидь она его сейчас взаперти — жена с сыном уехали, дроссельная заслонка сломалась — и с выжженными мозгами.

Не будь мозги Жирного выжжены, он бы сейчас думал о том, какая удача остаться в живых — удача не в философском смысле, а в статистическом. Никто не выживает после сорока девяти таблеток высококачественного дигиталиса. Как правило, достаточно превысить предписанную дозу всего лишь вдвое. Жирному прописали четыре таблетки в день, он превысил дозу в 12, 25 раз и остался жив. Если рассматривать дело с практической точки зрения, бесконечная милость Божия тут вообще ни при чем, ведь вдобавок Жирный принял весь свой либриум, двадцать таблеток квиды и шестьдесят апресолина, влив сверху полбутылки вина. Из медикаментов в доме осталась только бутылочка «Нервина Майлса». Технически Жирный был мертв.

Он был мертв и духовно.

Он узрел Бога то ли слишком рано, то ли слишком поздно. Так или иначе, в смысле выживания это ничего ему не дало. Встреча с Богом не добавила выносливости к страданиям, с которыми вполне справляется большинство людей, такой милости не удостоенных.

Хотя необходимо отметить — и Кевин отметил, — что Жирный совершил кое-что еще вдобавок к тому, что узрел Бога. Кевин как-то позвонил Жирному в возбуждении от еще одной книги Мирчи Элиаде.

— Послушай, знаешь, что говорит Элиаде о «магическом времени» австралийских аборигенов? Он считает, что антропологи ошибаются, утверждая, что «магическое время» подразумевает прошлое. Элиаде полагает, что это другой вид времени, которое идет сейчас, а аборигены умеют проникать туда, к героям и их подвигам. Погоди, я тебе зачитаю. — Тишина. — Блин! — сказал затем Кевин. — Не могу найти. Короче, готовясь к этому, они претерпевают страшную боль, таков их ритуал инициации. Ты тоже терпел боль, когда получал свой опыт; у тебя резался зуб мудрости, и ты, — Кевин понизил голос, прежде он кричал, — боялся, что за тобой охотятся власти.

— На меня нашло помутнение, — ответил Жирный. — Никто за мной не охотился.

— Но ты думал, что охотятся. Ты был так перепуган, что спать не мог! Ночь за ночью. У тебя был сенсорный голод!

— Я просто лежал в кровати и не мог заснуть.

— Ты начал видеть цвета. Меняющиеся цвета. — В возбуждении Кевин опять сорвался на крик; когда отступал цинизм, Кевин становился сушим маньяком. — Это описано в «Тибетской Книге мертвых», путешествие в соседний мир! Ты духовно умирал от стресса и страха! Вот как оно происходит — проникновение в другую реальность! «Магическое время»!

И сейчас Жирный сидел на кушетке из пластика и хрома и духовно умирал. Фактически он уже был духовно мертв, и в соседней комнате эксперты решали его судьбу, вынося приговор тому, что осталось от Жирного. Это правильно, что квалифицированные не-психи судят психов. А как иначе?

— Раз они могли попадать в «магическое время», — кричал Кевин, — то это единственное реальное время, все реальные события происходят в «магическом времени»! Это деяния богов!

Огромная толстая старуха рядом с Жирным нагнулась над пластиковым бачком, куда норовила сблевать торазин, которым ее лечили. Она знает, переведя дыхание шепнула старуха Жирному, что торазин отравлен ее мужем; тот, проникнув на верхние этажи больницы, собирается прикончить ее.

— Ты нашел путь в высший уровень, — вещал Кевин. — Разве не это ты пишешь в своем дневнике?

48. Есть два уровня, верхний и нижний. Верхний уровень, происходящий из гипервселенной №1, или Ян, — Первой формы Парменида, чувственный и волевой. Нижний уровень, или Инь, — Вторая форма Парменида, уровень механический, управляемый чем-то слепым, детерминистическим и лишенным разума, поскольку происходит из мертвого источника. В древние времена это называли «астральным детерминизмом». Мы заключены в нижнем уровне, однако посредством таинств и при помощи плазматов можем вырваться оттуда. Пока не разрушен астральный детерминизм, мы даже и не подозреваем о нем, настолько мы закрыты. «Империя бессмертна».

Мимо Жирного и толстой старухи прошла хорошенькая миниатюрная темноволосая девушка с туфлями в руках. Во время завтрака она пыталась этими туфлями разбить окно, а потерпев неудачу, вырубил шестифутового чернокожего санитаря. Теперь весь ее облик излучал умиротворение.

«Империя бессмертна», — процитировал про себя Жирный. Эта фраза снова и снова появлялась в его экзегезе; стала своего рода красной нитью. Фраза явилась ему в замечательном сне. В этом сне Жирный был ребенком и рыскал по пыльным букинистическим лавкам в поисках старых научно-фантастических журналов, особенно «Поразительных историй», где мечтал найти бесценный сериал под названием «Империя бессмертна». Жирный знал, что если найдет сериал и прочтет его, он будет знать все на свете — в этом заключалась суть сна.

Прежде, когда Жирный наблюдал взаимопроникновение двух миров и видел не только Калифорнию 1974 года, но и Древний Рим, он наблюдал в этом взаимопроникновении одну общую структуру, присутствующую в обоих мирах, — Черную Железную Тюрьму. Именно она именовалась в его сне «Империей». Жирный был уверен в этом, потому что, как только увидел Черную Железную Тюрьму, сразу узнал ее. В ней были заключены все, не осознавая того. Черная Железная Тюрьма являлась их миром.

Кто построил тюрьму и зачем — Жирный не знал. Хотя кое о чем догадывался: тюрьму пытались разрушить. Организация христиан — не обычных христиан, тех, что каждое воскресенье посещают церковь и молятся, а тайных ранних христиан в серых балахонах — с энергией и воодушевлением начала осаду тюрьмы.

Жирный в своем безумии понимал: на сей раз тайные ранние христиане в серых балахонах должны взять тюрьму, *а не найти обходной путь*. Деяния героев в священном «магическом времени» — согласно аборигенам, единственном реальном времени — были реальными.

Однажды Жирный наткнулся в дешевом научно-фантастическом романе на точное описание Черной Железной Тюрьмы, только она находилась в далеком будущем. Поэтому если

наложить прошлое (Древний Рим) на настоящее (Калифорнию двадцатого века), а сверху добавить мир далекого будущего из романа «Андроид проливал море слез», получается Империя, или Черная Железная Тюрьма в форме супер — или трансвременной постоянной. Каждый из когда-либо живших был в буквальном смысле окружен железными стенами тюрьмы; ничего не подозревая, они находились внутри. Все, кроме тайных ранних христиан в серых балахонах.

Таким образом, тайные ранние христиане становились тоже супер — или трансвременными, то есть существующими во всех временах одновременно. Этого Жирный не мог понять. Как они могут быть ранними и существовать в настоящем и будущем? И если они существуют в настоящем, почему никто не может их видеть?

С другой стороны, почему никто не может видеть стен Черной Железной Тюрьмы, которые окружают всех, в том числе и самого Жирного? Почему эти противоположные силы становятся явными, только когда прошлое, настоящее и будущее по неизвестной причине накладываются друг на друга?

Может, в «магическом времени» аборигенов вообще не существует времени? Но если времени не существует, как могли тайные ранние христиане освободиться из Черной Железной Тюрьмы, которую им удалось взорвать? И как они могли взорвать что-то в Риме семидесятого года от Рождества Христова, если тогда не существовало взрывчатки? И как, если в «магическом времени» нет самого времени, могло завершиться существование тюрьмы?

Жирному вспомнился знаменательный фрагмент из «Парсифаля»: «Здесь время превращается в пространство». В своем религиозном опыте в марте 1974-го Жирный наблюдал расширение пространства: медленно и неуклонно, ярд за ярдом, до самых звезд. Было такое впечатление, будто вокруг Жирного убрали стены. Он чувствовал себя котом, которого вывезли за город в закрытой коробке, а Достигнув места назначения, выпустили. Ночью ему снилась бесконечная пустота, но эта пустота была живой. Пустота все расширялась — абсолютная, тотальная пустота, в то же время обладающая индивидуальностью. Пустота выразила удовольствие при виде Жирного, который во сне не обладал телом. Он, подобно пустоте, просто парил, воспринимая какое-то тихое мурлыканье, вроде музыки. При помощи этого мурлыканья пустота общалась с ним.

— Из всех людей, — говорила пустота, — из всех до единого, ты мой самый любимый.

Пустота жаждала объединиться с Жирным Лошадником, только с ним из всех когда-либо существовавших людей. Подобно пространству, любовь пустоты была безграничной, пустота и ее любовь заполняли все. Так счастлив Жирный не был никогда в жизни.

К нему подошел санитар.

— Мы продержим вас здесь четырнадцать дней.

— Мне нельзя пойти домой? — спросил Жирный.

— Нет, мы считаем, что вы нуждаетесь в лечении. Вы еще не готовы отправиться домой.

— Зачитайте мне мои права, — сказал Жирный. Он был ошеломлен и испуган.

— Мы можем держать вас четырнадцать дней без постановления суда. После этого, если так решит суд и мы сочтем необходимым, можем продержать еще девяносто дней.

Жирный знал: если он скажет хоть слово, его запрут на девяносто дней. Поэтому он ничего не сказал. Когда сходишь с ума, быстро учишься вести себя тихо.

Свихнуться и попасться на этом — значит почти наверняка отправиться за решетку. Теперь Жирный это знал. Кроме лечебницы для алкоголиков, в графстве Оранж имелся и сумасшедший дом. Именно сюда и угодил сейчас Жирный, причем не исключено, что надолго. Тем временем Бет наверняка забирала все, что хотела, из их дома и перевозила на новую квартиру. Она отказалась сказать Жирному адрес, не назвала даже город.

На самом деле, хотя Жирный не знал тогда об этом, в результате его неосмотрительности он задолжал за дом, за машину, перестал оплачивать счета за электричество и телефон. От Бет, расстроенной физическим и душевным состоянием бывшего мужа, трудно было ожидать, что она возьмет на себя решение созданных им проблем. Поэтому, когда Жирный вернулся из больницы, он обнаружил холодильник в луже воды, полное отсутствие машины и извещение: его лишили права выкупа дома. При попытке позвонить кому-нибудь и попросить помощи Жирный услышал в телефонной трубке мертвую тишину. Это окончательно добило его.

Впрочем, он понимал: сам виноват, такова его карма.

Однако в тот момент Жирный ничего подобного не подозревал. Он знал только, что просидит под замком по меньшей мере две недели. Еще кое-что ему рассказали другие пациенты: за эти две недели графство Оранж выставит ему счет. Сумма, включая оплату за услуги палаты интенсивной терапии, превышала две тысячи долларов.

Жирного отвезли в больницу графства, поскольку денег на частную клинику у него не было. Теперь он на собственной шкуре почувствовал, что быть сумасшедшим еще и стоит немалых денег — помимо того, что тебя держат взаперти. За сумасшествие тебе выставят счет, а если ты не хочешь или не можешь платить, подадут в суд, а если не выполнишь решение суда, то за оскорбление этого самого суда сядешь за решетку.

Если вспомнить, что попытка самоубийства Жирного проистекала из глубокого отчаяния, прелесть его нынешнего положения как-то исчезает. Рядом с ним на кушетке из пластика и хрома толстая старуха продолжала сблевывать свои таблетки в пластиковый бачок, заботливо предоставленный администрацией. Подошедший санитар взял Жирного под локоть, чтобы отвести в отделение, где ему предстояло провести две недели. Это отделение называлось Северным. Жирный покорно последовал за санитаром из приемного отделения в Северное, где за ним снова защелкнули замок.

«Вот гадство!» — сказал себе Жирный.

Санитар сопровождал Жирного в палату — вместо шести коек там стояли две кровати, — а потом в маленькую комнатку для опроса. «Всего пару минут», — сказал санитар.

В маленькой комнатке находилась девушка-мексиканка, коренастая, с грубой темной кожей и огромными глазами. Невероятно темными и добрыми глазами: они были словно два огненных озера. Жирный остановился как вкопанный, увидев эти пылающие, добрые, огромные глаза.

Девушка держала в руках журнал и показывала напечатанную картинку, изображающую Царствие Небесное. Журнал, как понял Жирный, назывался «Смотровая башня». Девушка, улыбающаяся Лошаднику, была свидетельницей Иеговы.

Мягким, тихим голосом она сказала Жирному (не санитару):

— Господь наш приготовил для нас место без боли и страха. Видите? Животные мирно возлежат вместе, лев и ягненок, как должны возлежать и мы, все мы, друзья, возлюбившие друг друга, не зная ни страдания, ни смерти, на веки вечные с Господом нашим Иеговой, который любит нас и никогда не оставит, что бы мы ни делали.

— Дебби, пожалуйста, покинь помещение, — попросил санитар.

По-прежнему улыбаясь Жирному, девушка показала на грубо нарисованных корову и ягненка:

— Все твари, все люди, все живые создания, большие и малые, будут нежиться в тепле любви Иеговы, когда придет Царствие. Вы думаете, это еще не скоро, но Христос Иисус уже сегодня с нами.

Закрыв журнал, девушка с улыбкой вышла из комнатки.

— Извините, — сказал санитар.

— Ни фиги себе, — потрясенно пробормотал Жирный.

— Она вас расстроила? Простите. Ей запрещают читать подобную литературу; наверное, кто-то подсунул.

— Все в порядке, — ответил Жирный. Он был изумлен.

— Давайте запишем ваши данные, — начал санитар, вооружившись планшетом и ручкой. — Дата рождения?

«Ну, ты и дурак, — подумал Жирный. — Долбанный дурак! Бог здесь, в твоём долбаном сумасшедшем доме, а ты и не знаешь. Ты видишь его, но не ведаешь этого. Бог уже вошел в тебя, а ты и помыслить такого не можешь».

Жирному стало хорошо.

Он вспомнил девятый параграф своей экзегезы.

Он по-прежнему жив, подумал Жирный. После всего, что произошло. После таблеток, разрезанного запястья, угарного газа. После того, как его посадили под замок. Он по-прежнему жив.

Минуло несколько дней, и любимым обитателем психиатрического отделения стал для Жирного Дуг. Этот крупный молодой гебефреник никогда не надевал нормальной одежды — постоянно ходил в больничной рубашке с открытой спиной. Женщины в отделении мыли, расчесывали и стригли волосы Дуга, поскольку сам он был беспомощен. Дуг не принимал происходящее с ним всерьез, разве что когда пациентов приглашали к завтраку. Каждое утро Дуг встречал Жирного в ужасе.

— В телевизионной комнате обитают демоны, — говорил он. — Я боюсь заходить туда. Ты их чувствуешь? Я их всегда чую, когда прохожу мимо.

Когда заказывали завтрак, Дуг написал:

ПОМОИ

— Я заказал помои, — сказал он Жирному.

— Я заказал грязь, — ответил Жирный.

В центральном офисе со стеклянными стенами и запертой дверью медперсонал следил за больными и делал записи. Про Жирного написали, что когда пациенты играют в карты (это занимало большую часть времени, поскольку никакого лечения не проводилось), Жирный участия в игре не принимает. Другие пациенты резались в покер и очко, а Жирный сидел себе в сторонке и читал.

— Почему вы не играете в карты? — спросила санитарка по имени Пенни.

— Покер и очко не карточные игры, а денежные, — ответил Жирный, опуская книгу. — Поскольку нам здесь не разрешено иметь деньги, в игре нет смысла.

— Думаю, вам стоило бы играть в карты, — заметила Пенни.

Жирный понял, что ему приказали играть в карты, поэтому они с Дебби стали играть в детские игры вроде «пьяницы». Они играли в «пьяницу» часами, а медперсонал наблюдал из-за стеклянных стен и делал пометки в блокнотах.

Одной из женщин каким-то образом удалось заполучить Библию. Это была единственная Библия на тридцать пять пациентов. Дебби не разрешали читать ее. Однако как-то раз в коридоре, где персонал не мог наблюдать за ними — палаты днем запирались, чтобы пациенты не спали, — Жирному удалось передать Библию, их общую Библию, Дебби, чтобы та быстро пробежалась по псалмам. Медперсонал знал, что они делают, и санитарам это не нравилось, но когда один из них отправился инспектировать коридор, Дебби уже прогуливалась взад-вперед.

Больные в сумасшедших домах всегда передвигаются с одной и той же скоростью, и никак иначе. Дебби, массивная и коренастая, двигалась медленно, как и Дуг. Жирный, который всегда гулял с Дугом, подстраивался под его шаг. Беседуя, они час за часом кружили по коридору. Беседы в сумасшедших домах напоминают разговоры на автобусной станции, ибо и на автобусной станции «Грейхаунд» все томятся ожиданием, и в психиатрической лечебнице — особенно в закрытой психиатрической лечебнице графства — все тоже ждут. Ждут, когда смогут уйти.

В психиатрической лечебнице почти ничего не происходит, все совсем не так, как в романах. Пациенты на самом деле не сопротивляются персоналу, а персонал не убивает пациентов. Люди читают или смотрят телевизор, или просто сидят и курят, или пытаются подремать на кушетке, или пьют кофе, играют в карты, гуляют, а трижды в день им подают еду. Время измеряют прибытием тележек с едой. К вечеру приходят посетители, они всегда улыбаются. Пациенты психиатрических лечебниц никак не могут взять в толк, почему гости из внешнего мира улыбаются. Для меня это и по сей день загадка.

Медикаменты, обычно называемые «пилюлями», с нерегулярными интервалами подают в картонных стаканчиках. Каждый принимает торазин плюс что-нибудь еще. Вам не говорят, чем вас пичкают, и внимательно следят, чтобы пилюли были проглочены. Иногда сестры забывают

и обносят пациентов одними и теми же лекарствами по второму разу. Пациенты, само собой, сообщают им, что приняли пилюли десять минут назад, но сестры все равно заставляют их проглотить еще одну порцию. Ошибка обычно обнаруживается в конце дня, однако персонал не желает беседовать с пациентами, в чьей крови циркулирует двойная доза торазина.

Я никогда не встречал пациента, даже среди параноиков, который бы считал, что передозировку делают намеренно. Совершенно ясно, что медсестры просто тупы. Им слишком сложно запомнить, кто из пациентов есть кто, и найти правильный картонный стаканчик для каждого. Дело еще и в том, что персонал постоянно меняется; одни увольняются, другие приходят на их место. Самое опасное, это когда пациент, подсевший на «Пи-Си-Пи»¹ — его еще называют «ангельской пылью», — попадает в психиатрическую лечебницу. Большинство психиатрических клиник норовит передавать любителей «Пи-Си-Пи» полиции, и неспроста. В газетах то и дело появляются сообщения о том, как какой-нибудь любитель «пыли», попавший в психушку, откусил кому-то нос или выцарапал собственные глаза.

Жирный с этим не столкнулся. Он даже не подозревал что бывают такие страсти. И все благодаря дальновидности МЦГО, где старались не допустить любителей «ангельской пыли» в Северное отделение. Собственно, Жирный был обязан МЦГО жизнью (что там какие-то две тысячи), хотя его мозги были слишком выжжены, чтобы он понял это.

Когда Бет получила подробный счет от МЦГО, она поразилась, как много было сделано, чтобы спасти жизнь ее мужа — список занимал пять страниц. Туда включили даже кислород. Жирный не знал, что сестры в отделении интенсивной терапии были уверены, что он не выживет. За ним наблюдали постоянно. В отделении без конца звенели сигналы тревоги. Это означало, что у кого-то пропали признаки жизни. Жирный, зафиксированный на своей койке, чувствовал себя так, будто в нескольких ярдах от него находится железнодорожная станция; системы жизнеобеспечения звенели на все голоса.

Для душевнобольных характерно ненавидеть тех, кто им помогает, и любить тех, кто им попустительствует. Жирный по-прежнему любил Бет и ненавидел МЦГО — лишнее свидетельство того, что ему самое место было в Северном отделении. Когда Бет забрала Кристофера и отправилась куда глаза глядят, она не сомневалась, что Жирный попытается покончить с собой, он ведь уже пробовал в Канаде. Собственно говоря, Бет собиралась вернуться, как только Жирный сведет счеты с жизнью. Она сама ему потом об этом сказала. Еще она сказала, что Дико разозлилась, узнав, что его попытка не удалась. Когда Жирный спросил ее, почему она так разъярилась, Бет ответила:

— Ты в очередной раз доказал свою неспособность хоть что-то сделать.

Разница между нормальностью и безумием тоньше лезвия бритвы, острее собачьего клыка. Неуловимей призрака. Возможно, ее вовсе не существует, возможно, она сама призрак.

По иронии судьбы Жирного засадили в психушку не потому, что он сумасшедший (хотя он был сумасшедшим). Формально причина заключалась в законе о «нанесении себе ущерба». Жирный создал угрозу собственной жизни, что могло побудить множество других людей сделать то же самое. Пока Жирный находился в Северном отделении, с ним провели множество психологических тестов. Он их прошел, и у него хватило ума помалкивать о Боге. Собственно, все тесты Жирный фальсифицировал.

Убивая время, он без конца рисовал тевтонских рыцарей, которых Александр Невский загнал умирать на лед. Жирный идентифицировал себя с тяжеловооруженными тевтонскими рыцарями в железных шлемах с бычьими рогами. Каждый рыцарь нес в одной руке огромный щит, в другой обнаженный меч. На щите Жирный написал: «*In hoco signo vinces*». Эту надпись Жирный обнаружил на пачке сигарет, она означала: «Этому знаку вы покоритесь». Знак имел форму железного креста.

Любовь Жирного к Богу превратилась в злость, в мрачную злость. Жирный представлял себе Кристофера, как тот бежит по поросшему травой полю, полы маленького голубого плаща развеваются. Кристофер все бежал и бежал. Нет сомнений, это бежал сам Жирный Лошадник, то, что еще было в нем от ребенка. Бежал от чего-то столь же мрачного, как его злость.

¹ Фенилциклидин, «ангельская пыль» — наркотик, получаемый из транквилизатора для животных, появившийся в начале 1970-х и распространенный преимущественно в США, обладает галлюциногенным эффектом, нарушает координацию движений и мысли.

Вдобавок он несколько раз написал:

Dico per spiritum sanctum. Haec veritas est. Mihi crede et mecum in aeternitate vivebis.
Параграф 28.

То есть: «Я говорю с вами посредством Духа Святого. Это правда. Уверуйте в меня и будете жить со мною вечно».

Однажды на плакате с инструкциями, висящем на стене в коридоре, Жирный написал:

Ex Deo nascitur, in Jesu mortimur, per spiritum sanctum reviviscimus.

Дуг спросил Жирного, что это значит.

— От Бога мы рождаемся, — перевел Жирный, — в Иисусе мы умираем, а со Святым Духом возрождаемся.

— Сидеть тебе здесь девяносто дней, — прокомментировал Дуг.

Как-то раз Жирный обнаружил объявление, которое его потрясло. В объявлении в порядке убывания важности указывалось то, что запрещается делать. Почти в самом верху было написано:

ЗАПРЕЩЕНО ВЫНОСИТЬ ПЕПЕЛЬНИЦЫ ИЗ ОТДЕЛЕНИЯ

Ближе к концу списка красовалась надпись:

ЗАПРЕЩЕНО ПРОВОДИТЬ ФРОНТАЛЬНУЮ ЛОБОТОМИЮ БЕЗ ПИСЬМЕННОГО СОГЛАСИЯ ПАЦИЕНТА

— Правильно писать «перфронтальную», — сказал Дуг и подписал «пер».

— А ты откуда знаешь? — удивился Жирный.

— Есть два пути, — объяснил Дуг. — Или ты получаешь знание от органов чувств, и тогда оно называется эмпирическим, или оно само появляется в твоей голове, и тогда это называют *a priori*. Дуг приписал на плакате:

ЕСЛИ Я ВЕРНУ ПЕПЕЛЬНИЦЫ, МОГУ Я ПОЛУЧИТЬ СВОЮ ЛОБОТОМИЮ?

— Сидеть тебе здесь девяносто дней, — сказал Жирный.

Снаружи лил дождь. Лил не переставая, с тех пор как Жирный попал в Северное крыло. Если встать в прачечной на стиральную машину, сквозь зарешеченное оконце можно было увидеть парковку. Люди ставили свои машины и бежали под дождем. Жирному было приятно, что он находится в тепле Северного отделения.

Доктор Стоун, заведующий отделением, вызвал Жирного на беседу.

— Когда-нибудь раньше вы пытались покончить с собой? — спросил доктор Стоун.

— Нет, — ответил Жирный.

В тот момент он просто забыл про Канаду. Ему казалось, что жизнь началась две недели назад, когда ушла Бет.

— Полагаю, — сказал доктор Стоун, — что, попытавшись покончить с собой, вы впервые соприкоснулись с реальностью.

— Может, и так, — ответил Жирный.

— Я собираюсь дать вам, — продолжал доктор Стоун, открывая черный саквояж, — эликсир Баха. — Он произнес «Бага». — Это органическая вытяжка из определенных цветов, произрастающих в Уэльсе. Доктор Бах бродил по полям и лугам Уэльса, испытывая самые разнообразные душевные муки. И каждый раз срывал разные цветы. Если цветок был выбран правильно, он дрожал в руке доктора Баха. Таким образом доктор Бах подобрал нужную

комбинацию цветов, а потом разработал уникальный метод, как сделать из них эликсир. Я настоял его на роме. — Доктор Стоун выставил на стол три бутылочки, потом достал одну побольше и слил в нее содержимое остальных трех. — Принимайте по шесть капель в день. Эликсир Баха не повредит вам, здесь нет токсинов. Эликсир избавит от чувства беспомощности, страха и неспособности действовать. Я полагаю, у вас блоки в трех областях: страх, беспомощность и неспособность к действиям. Вам следовало не пытаться покончить с собой, а просто забрать у жены сына. Закон Калифорнии предписывает оставлять ребенка с отцом до тех пор, пока суд не решит иначе. А потом следовало слегка побить вашу жену свернутой газетой или телефонной книгой.

— Спасибо, — сказал Жирный и взял бутылочку.

Он понял, что доктор Стоун сумасшедший, но сумасшедший как-то по-хорошему. Доктор Стоун был единственным в Северном отделении, кроме пациентов, кто относился к Жирному по-человечески.

— В вас слишком много агрессии, — продолжал доктор Стоун. — Я одолжу вам экземпляр «Дао Де Цзин». Вы когда-нибудь читали Лао Цзы?

— Нет, — признался Жирный.

— Позвольте я прочту вам отрывок. И начал читать вслух:

Смотрю на него и не вижу, и зову незримым. Внимаю и не различаю, и зову неслышимым. Хватаю и не могу удержать, и зову неуловимым. Не стремись узнать, откуда оно — оно едино. Сверху оно не в свете и внизу не во тьме. Оно бесконечно и безмянно, Оно вечно возвращается в небытие.

Его называют формой без формы, образом без сущности. Его зовут неясным и туманным. Стою перед ним и не вижу лица его. На путях древнего ДАО Познаешь изначальное, овладеешь сущим. ДАО называют законом всего¹.

Жирный вспомнил первый и второй пункты своего дневника и по памяти процитировал их доктору Стоуну:

1. Существует один Разум, но в нем борются два принципа.

2. Разум производит свет, затем тьму; от их взаимодействия образуется время. В конце Разум дает победить свету, время исчезает, и Разум становится совершенным.

— Однако, — возразил доктор Стоун, — если Разум дает победить свету, а тьма исчезает, тогда исчезнет и сама реальность, ведь реальность это единство Ян и Инь.

— Ян — Первая форма Парменида, — сказал Жирный. — Инь — Вторая форма. Парменид утверждает, что Второй формы не существует. Есть только Первая форма. Парменид верил в моноистический мир. Люди верят, что существуют обе формы, но они заблуждаются. Аристотель говорит, что, по утверждению Парменида, Первая форма это «то, что есть», а Вторая — «то, чего нет». Таким образом люди введены в заблуждение.

Доктор Стоун внимательно посмотрел на Жирного.

— Каким источником вы пользовались?

— Эдвард Хасси.

Он из Оксфорда, — заметил доктор Стоун. — Я учился в Оксфорде. Думаю, Хасси нет равных. *Вы правы*, — согласился Жирный.

— Что еще скажете? — поинтересовался доктор Стоун.

— Времени не существует. Эта великая тайна была известна Аполлонию Тианскому, Павлу из Тарса, Симону Волхву, Парацельсу, Бёме и Бруно. Вселенная сжимается в единую сущность, которая становится совершенной. Нашему восприятию, напротив, кажется, что нарастают беспорядок и хаос. Параграф 18 моей экзегезы гласит:

18. Реальное время закончилось в 70-м году о. э. с падением Храма Иерусалимского. Оно снова началось в 1974 году о. э. Промежуточный период был высококачественной подделкой, интерполяцией, подражающей творению Разума.

¹ Перевод Н. и Т. Доброхотовых.

— А кто интерполировал? — спросил доктор Стоун.

— Черная Железная Тюрьма, олицетворение Империи. Мне было... мне было открыто... Самое важное из моих открытий это то, что «Империя бессмертна».

Откинувшись на стуле, доктор Стоун скрестил руки на груди и принялся раскачиваться взад-вперед, ожидая продолжения.

— Это все, что я знаю, — сказал Жирный, запоздало вспомнив об осторожности.

— То, что вы говорите, очень заинтересовало меня, — промолвил доктор Стоун.

Одно из двух, понял вдруг Жирный: либо доктор Стоун абсолютно безумен — именно абсолютно, — либо он искусно и профессионально заставил пациента разговориться; он изблещил Жирного и теперь знал, что абсолютно безумен именно он, Жирный. А значит, скорее всего придется Жирному предстать перед судом и получить свои девяносто дней.

Такое вот печальное открытие.

1) Те, кто согласен с тобой, безумен.

2) Те, кто не согласен с тобой, обладают властью.

Эти два умозаключения мелькнули в мозгу Жирного, и он решил пойти напролом и поделиться с доктором Стоуном самыми фантастическими записями из своей экзегезы.

— Параграф номер двадцать четыре, — сказал Жирный. — Подобно спящему семени, как живая информация, плазмат покоился в захороненной библиотеке в Кенобоскионе до...

— Что такое «Кенобоскион»?

— Наг-Хаммади.

— А, библиотека гностиков, — кивнул доктор Стоун. — Найдена и прочитана в 1945-м, но никогда не была опубликована. Живая информация? — Он внимательно посмотрел на Жирного. — Живая информация, — повторил он. А потом сказал: — Логос.

Жирный задрожал.

— Да, — произнес доктор Стоун. — Живой информацией, способной к воспроизводству, должен быть Логос.

— Воспроизводящийся не посредством информации, — подхватил Жирный, — не в информации, а как сама информация. Именно это имел в виду Иисус, говоря о горчичном зерне, что, по его словам, вырастет в большое дерево, в котором птицы смогут вить гнезда.

— Горчичных деревьев не бывает, — согласился доктор Стоун. — Так что Иисус не имел это в виду буквально. Вполне согласуется с Марком — тот утверждал, будто Иисус не хотел, чтобы посторонние знали истину. А вы знаете?

— Иисус предвидел не только свою смерть, но и смерть всех, — Жирный помедлил, — гомоплазматов. Это человеческие существа, соединенные с плазматами. Межвидовой симбиоз. Как живая информация, плазмат по оптическому нерву проникает в шишковидное тело мозга человека. Он использует человеческий мозг как женскую особь...

Доктор Стоун заворчал и потянулся.

— ...где может воспроизвести себя в активной форме, — продолжал Жирный. — Герметические алхимики теоретически знали это из древних текстов, однако не могли воспроизвести, поскольку не могли обнаружить спящего плазмата.

— Но вы говорили, что плазмат — Логос — был найден в Наг-Хаммади.

— Да, когда расшифровали записи.

— А вы уверены, что плазмата не было в Кумране? В пятой пещере?

— Ну-у... — неуверенно пробормотал Жирный.

— Откуда изначально взялся плазмат? Помолчав, Жирный произнес:

— Из другой звездной системы.

— Можете назвать ее?

— Сириус.

— Тогда, по-вашему, получается, что догоны Западного Судана являются источником христианства.

— По крайней мере они использовали символ рыбы, — сказал Жирный, — для

обозначения Номмо, одного из изначальных близнецов.

— Это Первая форма, или Ян.

— Верно, — согласился Жирный.

— Тогда Йуругу — Вторая форма. А вы говорите, что Второй формы не существует.

— Номмо пришлось убить ее, — пояснил Жирный.

— Так гласят японские мифы, — кивнул доктор Стоун. — Космогонические мифы. Из двух близнецов женщина дает рождение огню, затем спускается под землю Мужчина идет за ней, чтобы спасти, но обнаруживает что она начала разлагаться и теперь рождает чудовищ. Женщина преследует его, и мужчина оставляет ее в заключении под землей.

Жирный был потрясен.

— Разлагаясь, она продолжала рожать?

— Только чудовищ, — сказал доктор Стоун.

К тому моменту в мозгу Жирного возникли два новых предположения.

1) Некоторые из обладающих властью безумны.

2) И они правы.

Под словом «правы» имелось в виду «находятся в соприкосновении с реальностью». Жирный вернулся к самому мрачному из своих умозаключений: вселенная и Разум, управляющий ею, полностью иррациональны. Он подумал, не поделиться ли этим знанием с доктором Стоуном, который понял Жирного лучше, чем кто-либо другой за всю его жизнь.

— Доктор Стоун, — сказал Жирный. — Я хочу кое о чем спросить вас. Хотелось бы услышать ваше профессиональное мнение.

— Говорите.

Возможно ли, чтобы вселенная была иррациональной?

Не управляемой разумом? Полагаю, вы обращаетесь к Ксенофану.

— Верно, — кивнул Жирный. — К Ксенофану Колофонскому. «Есть один только бог, меж богов и людей величайший, Не похожий на смертных ни обликом, ни сознаньем. Весь целиком он видит, весь сознает и весь слышит. Вечно на месте одном пребывает, не двигаясь вовсе. Неправильно...»

— «Не пристало, — поправил доктор Стоун. — Переходить то туда, то сюда ему не пристало». И вот еще важно — Фрагмент 25: «Но без труда, помышленьем ума он все потрясает»¹.

— Но он мог быть иррациональным.

— Откуда нам знать?

— Вся вселенная иррациональна.

— По сравнению с чем? — поинтересовался доктор Стоун.

Об этом Жирный не подумал.

А когда подумал, его страх не исчез, наоборот, усилился. Если вся вселенная иррациональна, потому что управляется иррациональным — можно сказать, безумным — разумом, то живые создания, появляющиеся на свет, никогда не догадаются об этом по причине, которую только что указал доктор Стоун.

— Логос не иррационален, — вслух предположил Жирный. — Это то, что я называю плазматом. Он был похоронен в виде информации в скрижалях Наг-Хаммади. А сейон снова среди нас и создает новых гомоплазматов. Римляне, Империя, уничтожили первых гомоплазматов.

— Но вы же сказали, что реальное время исчезло в семидесятом году нашей эры, когда римляне разрушили Храм. Следовательно, сейчас по-прежнему времена древних римлян, римляне и сейчас здесь. Сейчас примерно, — доктор Стоун посчитал, — сотый год от Рождества Христова.

Это объясняло все, и особенно наложение времен когда Жирный увидел Древний Рим и Калифорнию семьдесят четвертого. Доктор Стоун разрешил загадку.

Психиатр, который должен был лечить безумие Жирного, обосновал и одобрил его.

¹ Фрагменты ранних греческих философов, ч. I, п/р А. В. Лебедева, М., 1989

Жирный теперь уже никогда не отречется от связи с Богом.

5

Тринадцать дней провел Жирный в Северном отделении, попивая кофе, читая и гуляя с Дугом, однако побеседовать с доктором Стоуном ему больше не довелось. Человек занятой и облеченный ответственностью, доктор Стоун отвечал за все отделение и за каждого в отдельности, будь то пациент или обслуживающий персонал.

Только когда Жирного выписывали, ему удалось перебраться с доктором Стоуном несколькими словами.

— Думаю, вы готовы к выписке, — бодро заявил доктор Стоун.

— Позвольте вопрос? — попросил Жирный. — Я не утверждаю, что никакой разум вообще не управляет вселенной. Я говорю о Разуме, описанном Ксенофаном, но считаю, что этот Разум безумен.

— Гностики верили, что божественный создатель безумен, — произнес доктор Стоун. — Слеп. Хочу кое-что показать, это еще нигде не публиковалось. Я получил машинопись от Орвала Винтермюта, который сейчас занят расшифровкой записей Наг-Хаммади. Отрывок из раздела о сотворении мира. Прочтите.

Жирный взял бесценную страничку и прочитал:

И сказал он: «Я есть Бог, и нет никого кроме меня». Но когда он произнес это, то согрешил против всех бессмертных (вечных), и они защитили его. Более того, когда Пистис узрела дерзость верховного правителя, она разгневалась. Оставаясь невидимой, она произнесла: «Ты согрешил, Самаэль (т.е. „слепой бог“). Просветленный, бессмертный человек существовал до тебя и существует. Придет он среди вылепленных тобою тел и сомнет тебя, как гончар мнет глину. И падешь ты вместе с ними вниз, к своей матери, имя которой Бездна».

Жирный сразу понял, о чем речь. Самаэль, божественный создатель, решил, что он единственный бог, как в Книге Бытия. Однако он был слеп. Так сказать, закрыт. «Закрыт» — одно из любимых словечек Жирного. Оно включает в себя все другие понятия: безумный, сумасшедший, иррациональный, долбанутый, с приветом, псих. В своей слепоте (состояние иррациональности, то есть оторванности от реальности) Самаэль не понимал, что...

Как там написано? Жирный торопливо начал просматривать текст, а доктор Стоун добродушно похлопал его по плечу и сказал, что Жирный может оставить текст себе — доктор Стоун снял несколько копий на ксероксе.

Просветленный, бессмертный человек существовал до божественного создателя, и этот просветленный, бессмертный человек должен был появиться среди созданных Самаэлем людей. И этот просветленный, бессмертный человек, который существовал ДО божественного создателя, должен смять придурочного слепого божественного создателя как гончарную глину.

Поэтому встреча Жирного с Богом — настоящим Богом — произошла посредством маленького горшочка О-Хо который Стефани вылепила на своем гончарном круге.

— Значит, я прав насчет Наг-Хаммади, — сказал Жирный доктору Стоуну.

— Вам виднее, — ответил доктор Стоун, а потом произнес слова, которых прежде Жирному не говорил никто: — Вы специалист, — сказал доктор Стоун.

Жирный осознал, что доктор Стоун возродил его — Жирного — духовную жизнь. Стоун, великолепный психиатр, спас его. Все, о чем доктор Стоун беседовал с Жирным наедине, было направлено на его лечение. Не важно, о чем говорил доктор Стоун; его целью с самого начала было вернуть Жирному веру в себя, которая исчезла с уходом Бет, а на самом деле гораздо раньше, когда Жирный не смог спасти Глорию.

Доктор Стоун был не безумцем, он был целителем. Наверняка он излечил многих, самыми разными способами. Стоун подгонял свое лечение к человеку, а не человека к лечению.

«Будь я проклят!» — подумал Жирный.

Простой фразой «Вы специалист» Стоун вернул Жирному его душу.

Душу, которую отняла у него Глория своей отвратительной, мерзкой психологической игрой со смертью.

Они — обратите внимание на «они» — платят доктору Стоуну за то, чтобы он понял, что привело очередного пациента в Северное отделение. Можно сравнить каждого пациента с раненым — в него угодила пуля, причинив боль, которая все нарастает, пока не расколется его точно пополам. Задача персонала, да и других пациентов — собрать человека в единое целое. Увы, это невозможно, пока пуля внутри. Посредственные врачи отмечают, что человек раздвоен, и пытаются всякими способами вернуть его в общество, но терпят неудачу — они не могут найти и извлечь пулю. Фрейд понимал, что такое роковая пуля, угодившая в человека. Он называл это психологической травмой. Доктора устают искать пулю — слишком много требуется времени, слишком много надо узнать о пациенте.

Доктор Стоун обладал паранормальным даром вроде его паранормального эликсира Баха, который был не чем иным, как явной мистификацией, прелюдией к тому, чтобы выслушать пациента. Ром, настоящий на цветах, не более того, однако цепкий ум не упускал ничего из сказанного больным.

Доктор Леон Стоун оказался одним из самых значимых людей в жизни Жирного Лошадника. Чтобы попасть к Стоуну, Жирному пришлось едва не убить себя физически после того, как наступила духовная смерть. Не это ли имеют в виду, когда говорят о неисповедимости Господних путей? Как еще мог Жирный познакомиться с Леоном Стоуном? Только зловещий акт попытки самоубийства — настоящей попытки — мог привести к цели. Жирному надлежало умереть, или почти умереть, чтобы излечиться — или почти излечиться.

Интересно, где сейчас практикует доктор Стоун? Каков процент выздоровления среди его пациентов? Интересно, как он применяет свои паранормальные способности? Многое мне интересно. Самое ужасное событие в жизни Жирного — уход Бет с Кристофером и попытка самоубийства — повлекло за собой неисчислимые положительные последствия. Если оценивать события по их результату, Жирный пережил лучший период в своей жизни. Он покинул Северное отделение сильным, как никогда. В конце концов никто не может быть постоянно сильным; для любого бегающего, прыгающего, ползающего или летающего создания существует предел, которого не избежать. Но доктор Стоун дал Жирному то, чего тому не хватало, то, чего полусознанно лишила его Глория Кнудсон, которой хотелось забрать с собой как можно больше народу. Стоун вернул Жирному веру в себя. «Вы специалист», — сказал доктор Стоун, и этого оказалось достаточно.

Я всегда говорил, что для каждого человека существует определенное предложение — последовательность слов, — способное уничтожить его. Когда Жирный рассказал мне о докторе Стоуне, я понял, что существует и другое предложение, другая последовательность слов, способная излечить. Если повезет, вам достанется второе словосочетание, но нельзя забывать и о первом, так уж все устроено. Люди инстинктивно, без обучения умеют составить первое предложение, однако второму нужно научиться. Стефани была близка к этому, когда вылепила маленький горшочек О-Хо и подарила его Жирному в знак любви, которую не умела выразить словами.

Когда Стоун подарил Жирному перепечатку из скрижалей Наг-Хаммади, откуда он знал о важности для Лошадника гончара и глины? Для этого надо было быть телепатом. У меня на сей счет нет никакой теории, а у Жирного, само собой, есть. Он убежден, что, как и Стефани, доктор Стоун был микроформой Бога. Потому я и говорю, что Жирный не излечился, а почти излечился. В то же время Жирный, считая добрых людей микроформами Бога, по крайней мере оставался в контакте с Богом добрым, а не слепым, злым и коварным. Этот момент надо рассмотреть поподробнее. Жирный очень внимателен в вопросах о Боге. Если Логос рационален, и Логос равен Богу, то рационален и Бог. Вот почему библейское определение Логоса так важно. «*Kai theos en ho logos*», что означает «И Слово было Бог».

В Новом Завете Иисус говорит, что никто не видел Бога, кроме него. То есть Иисус Христос есть Логос. Если так, то Жирный познал Логос. Однако Логос есть Бог, соответственно познать Христа — значит познать Бога. Возможно, в Новом Завете есть еще кое-что, чего люди не видят. Они читают Евангелия и послания Павла, но кто читал Первое послание Иоанна?

Возлюбленные! Мы теперь дети Божий; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть.

Первое соборное послание Иоанна, 3:1, 2

Можно спорить с тем, наиболее ли это важное утверждение в Новом Завете; наверняка оно самое важное из малоизвестных утверждений. «Будем подобны Ему». Значит, человек изоморфен Богу. «Увидим Его, как Он есть». Значит, произойдет теофания, по крайней мере с некоторыми. Жирный вполне мог обосновать произошедшее с ним именно этим отрывком. Он мог заявить, что его встреча с Богом была выполнением обещания, данного Иоанном в своем Первом послании 3:1, 2 — как его называют схоласты, изучающие Библию. Эдакий код, который они понимают мгновенно, каким бы зашифрованным он ни казался.

Странно, но каким-то боком этот фрагмент соприкасается с перепечатанными на машинке отрывками из «Наг-Хаммади», теми, что доктор Стоун подарил Жирному, когда тот выписывался из Северного отделения.

Человек и истинный Бог суть одно, так же, как истинный Бог един с Логосом. Однако безумный, слепой создатель и его вывернутый наизнанку мир отделяют человека от Бога. То, что слепой создатель полагает себя истинным Богом, только обнаруживает его ограниченность. Сие есть гностицизм. В гностицизме человек объединен с Богом ПРОТИВ мира и создателя этого мира (причем и тот, и другой безумны, не важно, сознают они это или нет).

Ответ на вопрос Жирного: «Иррациональна ли вселенная, и потому ли она иррациональна, что ею управляет иррациональный Разум?» существует, и дан доктором Стоуном: «Да, вселенная иррациональна, и Разум, управляющий ею, тоже иррационален, но надо всем этим стоит другой Бог, истинный Бог, который НЕ иррационален. Более того, истинный Бог смог перехитрить иррациональность нашего мира, он явился помочь нам, и мы знаем его как Логос». А Логос, согласно Жирному — это живая информация.

Возможно, Жирный разгадал великую тайну, назвав Логос живой информацией. Хотя, возможно, и нет. Такие утверждения труднодоказуемы. Кого спросить? Жирному повезло, он задал вопрос доктору Стоуну. А мог бы спросить кого-нибудь из obsługi и по сей день сидел бы в Северном отделении, попивал кофе, читал и прогуливался с Дугом.

Самое главное во встрече Жирного с Богом — качество встречи. Жирный стал свидетелем того, как божественная сила *овладела нашим миром*. Никакое другое слово не годится: божественная сила именно *овладела* миром. Это ужаснуло Жирного и в то же время восхитило его. Жирный Лошадник понял: помощь пришла!

Пусть Вселенная иррациональна; в нее, аки тать в ночи, ворвалось нечто рациональное, не ожидаемое ни во времени, ни в пространстве. Жирный увидел это нечто. Увидел не потому, что был каким-то особенным. Нет, увидел, потому что ОНО захотело, чтобы Жирный увидел.

Обычно оно замаскировано. Его просто никто не видит. Оно, так сказать, сливается с пейзажем. У Жирного нашлось для него имя.

Зебра. Потому что оно все время разное. Это называется подражанием. А еще мимикрией. Так поступают некоторые насекомые: притворяются чем-то другим, иногда другими насекомыми — чаще ядовитыми — или веточками. Некоторые биологи и натуралисты полагают, что должны существовать высшие формы мимикрии, поскольку низшие формы — так сказать, формы, дурачащие себе подобных, но не нас — встречаются повсеместно.

Что, если существует высшая форма сознательной мимикрии, которую никто (кроме единиц) не способен распознать? Что, если ее можно распознать, только если она сама того хочет? Такое даже нельзя назвать распознаванием, поскольку эта форма сама сбрасывает маскировку, чтобы ее могли увидеть. В нашем случае это и есть теофания. Потрясенный человек скажет: «Я узрел Бога». А на самом деле он увидел всего лишь высокоразвитую сверхчеловеческую форму жизни (СФЖ) или внеземную форму жизни (ВФЖ), когда-то пришедшую к нам и, как предположил Жирный, таившуюся две тысячи лет в форме семени информации в скрижалях Наг-Хаммади. Тогда понятно, почему о ней ничего не было слышно примерно с 70 года от Рождества Христова.

Параграф 33 дневника Жирного (т.е. его экзегезы):

33. Одиночество, страдание по утраченному Разуму ощущает каждая составляющая вселенной. Все составляющие вселенной живые. Поэтому древнегреческие мыслители были гилозоистами.

Гилозоисты верят, что вселенная живая. Это почти то же, что панпсихизм, утверждающий, будто все во вселенной живое. Панпсихизм и гилозоизм делятся на два лагеря.

1. Каждый объект во вселенной — живой независимо от других.
2. Всё является единым. Вселенная едина, она живая и обладает единым Разумом.

Жирный нашел нечто среднее. Вселенная представляет собой иррациональное единое целое, в которое проникла высокоорганизованная форма жизни, обладающая способностями к изоощренной мимикрии. Пока она маскируется, эта форма жизни остается незамеченной нами. Она имитирует объекты и процессы, а также то, что эти объекты делают. Из вышесказанного можете заключить, что Зебра, по мнению Жирного, очень велика.

После года размышлений над своей встречей с Зеброй, или Богом, или Логосом Жирный сначала пришел к заключению, что Зебра, или Бог, или Логос вторглись в нашу вселенную. Годом позже он понял, что Логос, или Бог, или Зебра потребляют — точнее, пожирают — вселенную. При помощи процесса, подобного преобразованию вещества. Подобно тому, как хлеб и вино незримо претворяются в тело и кровь Христову.

Жирный узрел это не в церкви — он увидел процесс в окружающем мире. Не в микро-, а в макроформе, причем таких масштабов, что его сознание просто отказывалось воспринимать их. Возможно, вселенная есть незримый процесс превращения в Бога. И с этим процессом приходит вменяемость.

Для Жирного это стало великим облегчением. Слишком долго он имел дело со своим безумием и безумием окружающего мира. Ничто не могло бы обрадовать его больше.

Если Жирный был психом, следует признать, что он страдал странной формой психоза — полагать, что ты столкнулся с проникновением рационального в иррациональный мир. Как лечить такое? Вернуть пациента туда, откуда он начал? Тогда он будет оторван от рационального. Подобное лечение не имеет никакого смысла: это оксюморон, вербальное противоречие.

Но существует и более глубокая семантическая проблема. Предположим, я или Кевин говорим Жирному: «Ты не познал Бога. Ты просто встретил нечто, обладающее качествами, свойствами, природой, силой, мудростью и божественностью Бога». Очень похоже на анекдот о немецкой склонности к двойным абстракциям. Немецкий специалист по английской литературе утверждает: «Гамлет написан не Шекспиром, он написан человеком по имени Шекспир». В английском языке это одно и то же, зато в немецком (стоит подивиться странности германского ума) разница очевидна.

— Я видел Бога, — утверждает Жирный. Кевин, я и Шерри возражаем:

— Нет, ты просто видел что-то, похожее на Бога, точь-в-точь похожее на Бога.

Сказав это, мы не дожидаемся ответа, мы подобны Понтию Пилату, который спрашивал: «Что есть истина?».

Зебра ворвалась в нашу вселенную и принялась выстреливать насыщенными информацией лучами прямо в мозг Жирного, ослепляя, оглушая его, сводя с ума, и в то время наполняя знанием, что за пределами понимания. В конце концов это спасло жизнь Кристоферу.

Говоря еще точнее, Зебра уже таилась в нашей вселенной, а теперь лишь приоткрыла маскировку, обнаружила себя и начала выстреливать в Жирного информацию, количество которой не поддается человеческим способам измерения. Она вбивала в его мозг целые библиотеки за какие-то наносекунды. Общее затраченное время передачи информации составило восемь часов. В восьми часах ОЗВ очень много наносекунд. За наносекунду можно загрузить в правое полушарие человеческого мозга фантастическое количество графических изображений.

Павел из Тарса пережил подобный опыт. Давным-давно. О многом он так и отказался

говорить. По его собственному утверждению, большая часть информации, которой выстрелили ему в голову — прямо между глаз — на пути в Дамаск, умерла вместе с ним. Вселенной правил хаос, но святой Павел точно знал, с кем ему довелось столкнуться.

Зебра тоже идентифицировала себя Жирному. Она назвалась «Святой Софией». Жирный раньше не знал этого имени. Святая София — одна из необычных ипостасей Христа.

Люди и мир — друг для друга яд. Однако Бог — истинный Бог — проник и в людей, и в мир и сделал все более ясным. Но Бог встретил яростное сопротивление. Безумие натянуло маску и прикинулось своим антиподом — разумом. Тем не менее маска тает, и безумие проявляет себя. Проявляет свой уродливый лик.

Средство от безумия здесь, но здесь же и болезнь. Как не уставал повторять Жирный: «Империя бессмертна». Пытаясь преодолеть кризис, Бог имитирует вселенную везде, где Он проник в нее. Принимает форму палочек, деревьев, пивных жестянок в сточных канавах — мусор нынче не замечает никто. Пребывая в тени, истинный Бог буквально из засады нападает на реальное? и соответственно на нас. Выступая в роли противоядия, Бог атакует нас, причиняет нам боль. Жирный на себе испытал, какой это страшный опыт — встреча с Богом живым. Следует вывод: Бог скрывается от нас. Двадцать пять сотен лет прошло с тех пор, как Гераклит написал: «Скрытая гармония лучше явной» и «Природа любит скрываться».

То есть рациональное подобно семени спрятано в нагромождении иррационального. Какой цели служит нагромождение иррационального? Спросите себя, чего достигла Глория своей смертью — не для себя, а для тех, кто любил ее. Она отплатила за их любовь... Чем? Злобой? Не доказано. Ненавистью? Не доказано. Иррациональным? Совершенно верно! Для ее друзей, таких как Жирный, в самоубийстве Глории не прослеживалось никаких четких целей, кроме самой цели самоубийства. Можно назвать это целью без цели. Ее мотивом было отсутствие мотива.

Мы говорим здесь о нигилизме. Даже под самой смертью и желанием смерти лежит что-то еще, и это *что-то* есть *ничто*. Фундамент реальности — ирреальность. Вселенная иррациональна, поскольку основана на ирреальном.

Знание это не помогло бы Жирному. «Дрянь, — сказал бы Жирный, успеи он схватить Глорию, когда та выпрыгивала из окна — Какого хрена? Просто скажи мне, какого хрена?»

А вселенная ответила бы: «Мои пути неисповедимы, о человек». Что можно перевести как „В путях моих нет смысла, как нет его в путях тех, кто часть меня“.

Все это оставалось неизвестно Жирному, когда он покидал Северное отделение. Он не знал, что делать. К Бет Жирный вернуться не мог, а к кому идти? К счастью, он не забыл, что в Северном отделении его навещала Шерри, у нее как раз был период ремиссии. Жирный решил, что его единственный друг на всем белом свете — Шерри Сольвиг. Он нарисовал себе яркие перспективы: решил пожить у Шерри, поддержать ее дух во время ремиссии и ухаживать за ней в случае, если Шерри снова станет худо.

Нет, доктор Стоун не излечил Жирного, когда в конце концов выяснилось, что им двигает. Жирный мчался к гибели все быстрее и на этот раз куда более умело, чем когда-либо раньше. В поисках боли он стал настоящим профессионалом: он изучил правила игры. В своем безумии, — полученном, по теории Жирного, от безумной вселенной, — он хотел быть с кем-то, кто тоже жаждет смерти.

«Хитро, Жирный, — сказал бы я ему, знай я о его планах на будущее, еще в Северном отделении. — Сейчас ты поступил ловко». Я хорошо знал Шерри: она делала все возможное, чтобы избавиться от ремиссии. Я Уверен в этом, потому что Шерри с завидной регулярностью срывала злость именно на тех докторов, которые ей помогали.

в глубинах помутившегося рассудка Жирного созрело решение. «Я помогу Шерри остаться здоровой, но если — и когда — ей снова станет худо, я буду рядом, я все для нее сделаю».

Вот в чем состояла его ошибка: Шерри не просто хотела вновь заболеть; она, как и Глория, планировала забрать с собой как можно больше народа — прямо пропорционально ее любви к окружающим. Жирный любил Шерри. Что еще хуже, он был благодарен ей. Из этой глины Шерри на своем извращенном гончарном круге, коим являлся ее мозг, могла вылепить такой горшок, который разбил бы то, что сделал Леон Стоун, что сделала Стефани, даже то, что

сотворил Бог. Слабое тело Шерри скрывало такую силу, коей хватило бы расправиться со всеми, включая Бога живого.

Жирный решил отдаться в лапы Антихриста. Причем мотивы его были самыми благородными: любовь, благодарность и желание помочь.

Именно то, что питает ад — благие намерения.

Шерри Сольвиг жила в крохотной комнатке без кухни; посуду ей приходилось мыть в раковине в ванной комнате. Потолок был весь в разводах от прорвавшейся этажом выше канализации. Жирный пару раз навещал Шерри; ее жилье портило ему настроение. Он полагал, что если бы Шерри перебралась в нормальную современную квартиру с ванной, то наверняка воспряла бы духом.

Разумеется, Жирному было невдомек, что Шерри нуждалась именно в таком жилище. Неряшливые апартаменты являлись результатом ее болезни, а вовсе не причиной. Любое ее жилье скоро становилось именно таковым, в чем Жирный вскорости и убедился.

В тот момент времени Жирный, однако, был готов к бесконечной серии добрых поступков по отношению к той, которая самой первой посетила его в палате интенсивной терапии и позже в Северном отделении. У Шерри имелись официальные документы, подтверждающие, что она христианка. Дважды в неделю она причащалась и один раз посещала службу. А еще она называла своего священника по имени. Благочестивее быть просто невозможно.

Жирный рассказывал Шерри о своих контактах с Богом. Рассказ не произвел на нее впечатления, поскольку Шерри Сольвиг полагала, что с Богом возможно общаться только через посредников. У самой Шерри имелся такой посредник в лице ее священника Ларри.

Однажды Жирный прочел ей в энциклопедии «Британника» о «тайной теме» у Марка и Матфея. Они считали, что Христос говорил иносказаниями, дабы большинство людей посторонних не поняли его и таким образом не спаслись. Выходит, Христос желал спасения только кучке своих сподвижников? «Британника» не соглашалась с этим.

— Чушь собачья, — заявила Шерри. Жирный сказал:

— Ты имеешь в виду «Британнику» или Библию? «Британника» просто...

— В Библии такого нет, — сказала Шерри, которая постоянно читала Библию или по крайней мере носила ее с собой.

Жирный потратил несколько часов, чтобы найти цитату из Луки. Наконец он показал ее Шерри:

И спрашивали Его ученики Его: что могла бы значить притча эта? Он же сказал: вам дано познать гайны Царства Божия, а прочим в притчах, чтобы они видя не видели и слыша не слышали.

Лука 8:9.10

— Я спрошу у Ларри, может, это из неканонической части Библии, — заявила Шерри.

Поставленный таким образом на место, Жирный начал раздражаться:

— Шерри, почему бы тебе не вырезать те части Библии, которые ты считаешь верными, и не склеить их вместе? А с остальными вообще не иметь дела.

— Не груби, — ответила Шерри, запихивая вещи в тесный шкафчик.

Несмотря ни на что, Жирный решил, что они с Шерри сходятся в главном. Оба верили, что Бог есть; что Христос умер, чтобы спасти человечество; что те, кто не верит в Бога, вообще не знают, что происходит. Жирный сказал Шерри, что видел Бога. Она отнеслась к этой новости невозмутимо (в то время Шерри без конца иронизировала).

— Это называется теофания, — сообщил Жирный. — Или епифания — богоявление.

— Богоявление, — ирония только чуть-чуть проявилась в тоне Шерри, — это праздник, который отмечают шестого января, поминая крещение Христа. Я всегда на этот праздник хожу в церковь, а почему ты не ходишь? Такая чудесная служба.

Шерри бубнила и никак не могла остановиться. Жирный был заинтригован. Он попытался сменить тему; как раз сейчас Шерри рассказывала, как Ларри — для Жирного отец Минтер — пролил церковное вино прямо на коленопреклоненную прихожанку с глубоким декольте.

— Как ты думаешь, Иоанн Креститель был есеей? — спросил Жирный.

Шерри Сольвиг никогда не признавала, что не знает ответа на теологический вопрос. В самом крайнем случае она говорила: «Я уточню у Ларри». Жирному она спокойно сказала:

— Иоанн Креститель был Илия, который вернулся перед явлением Христа. Христа спрашивали, и он ответил, что Иоанн Креститель это Илия, вернувшийся согласно пророчеству.

— Но он был есеем?

На мгновение оставив иронию, Шерри заметила:

— Разве есеи жили не на Мертвом море?

— Ну да, в Кумране.

— А разве твой друг епископ Пайк умер не на Мертвом море?

Жирный всегда с гордостью упоминал о знакомстве с Джимом Пайком.

— Да, — кивнул он. — Джим с женой отправились в пустыню Мертвого моря на «форде-картина». У них были с собой всего две бутылки кока-колы.

— Это я уже слышала. — Ирония вновь вернулась к Шерри.

— Чего я так и не могу понять, — продолжил Жирный, — так это почему они не выпили воду из радиатора. Так всегда делают, когда машина ломается посреди пустыни.

Жирный уже не первый год обсуждал гибель Джима Пайка. В его воображении это событие было как-то связано с убийствами Джона Кеннеди и доктора Кинга, хотя он и не мог сказать почему.

— Может, у них в радиаторе был антифриз? — предположила Шерри.

— В пустыне Мертвого моря? Шерри заметила:

— У меня машина барахлит. Парень на станции говорит, что подвеска разболталась. Это серьезно?

Жирный вовсе не хотел говорить о старом разбитом рыдване Шерри, ему хотелось обсуждать смерть Джима Пайка.

— Не знаю.

Жирный ломал голову, как бы вернуть разговор в русло гибели его друга, но ничего не получалось.

— Чертова тачка! — выругалась Шерри.

— Ты ж ее не покупала, тебе ведь ее подарили.

— Да он вел себя, как будто я его собственность только потому, что подарил мне эту машину.

— Напомни, чтобы я никогда не дарил тебе машин, — попросил Жирный.

Все было как на ладони. Шерри не любит принимать помощь, потому что испытывать ответную благодарность для нее тягостная обязанность. Однако Жирный справился и с этой проблемой: он что-либо сделает для Шерри, не ожидая получить что-то взамен; следовательно, не ожидая благодарности. *Следовательно*, если он ничего не получает взамен — это хорошо.

Жирный не заметил, что благодарность не просто отсутствовала (с этим он был способен справиться психологически) — ее место заняла открытая злоба. Жирный считал это раздражительностью, некоей формой нетерпения. Он не мог принять, что кто-то способен ответить злобой на помощь. Таким образом он отказывался верить собственным чувствам.

Однажды, когда я читал лекции в Калифорнийском университете в Фуллертоне, один студент попросил меня дать определение реальности. Подумав, я ответил:

— Реальность не исчезает, если вы перестаете верить в нее.

Жирный не верил, что Шерри отвечает злом на помощь, однако это никак не изменило ситуацию. Таким образом реакция Шерри оказывалась за пределами того, что мы называем «реальностью». Нравилось это Жирному или нет, нужно было как-то справляться с этим, в противном случае ему просто не стоило видеться с Шерри.

Визиты Жирного к Шерри стали одной из причин ухода Бет. Жирный полагал, что его визиты не более чем благотворительность. На самом деле тут были замешаны сексуальные желания, поскольку Бет утратила к нему интерес, и Жирный, как говорят, не получал своего. Шерри во многом казалась ему симпатичной, да, собственно, она и была симпатичной. Во время химиотерапии она носила парик. Дэвид был одурачен и постоянно делал Шерри комплименты по поводу ее волос, что немало удивляло ее.

Изучая формы, которые принимает мазохизм у современного человека, Теодор Райк пришел к интересным выводам. Мазохизм более распространен, чем мы думаем, поскольку его формы весьма размазаны. Основной процесс таков: человек видит нечто плохое, что кажется неизбежным. Нет способа остановить этот процесс; человек беспомощен. Чувство беспомощности генерирует необходимость как-то обуздать боль — контролировать ее любым способом. В этом есть смысл; субъективное чувство беспомощности более болезненно, нежели неотвратимое страдание.

Однако в процессе обретения контроля над неотвратимым страданием человек автоматически становится агедоничным, то есть неспособным или не желающим наслаждаться удовольствиями. Агедония приходит исподтишка. Она год за годом овладевает человеком. Например, первая стадия процесса агедонии — когда начинаешь откладывать удовольствие.

Учась контролировать необратимое страдание, человек учится самоконтролю, становится дисциплинированным стойком, перестает поддаваться импульсам. Он контролирует все: свои порывы и внешнюю ситуацию. Он одновременно контролирует и сам находится под контролем. Совсем скоро он начинает контролировать других людей, считая их частью внешней ситуации. Человек становится манипулятором — конечно, того не сознавая, он лишь хочет ослабить чувство собственного бессилия. Но при этом незаметно пытается ограничивать свободу других. Впрочем, это не доставляет ему удовольствия.

У Шерри Сольвиг был рак — рак лимфатических узлов; благодаря усилиям врачей наступила стадия ремиссии. Однако где-то в ячейках памяти ее мозга хранилась информация о том, что ремиссия у пациентов, страдающих лимфомой, рано или поздно проходит. Они неизлечимы — болезнь таинственным образом переходит из физической стадии в стадию метафизическую, неопределенную. Она и есть, и ее нет.

Посему, несмотря на нормальное самочувствие, в Шерри (так говорил ей мозг) по-прежнему тикали часы. Когда завод кончится, она умрет. С этим ничего нельзя поделать, разве что надеяться еще на одну ремиссию. Хотя и та, вторая ремиссия, следуя все той же логике, неизбежно должна закончиться.

Время держало Шерри полностью в своей власти. Время предлагало ей только один выход — смерть от рака. Мозг пришел к заключению, и не важно, насколько хорошо чувствовала себя Шерри, факт оставался неизменным. Таким образом раковый пациент в стадии ремиссии несколько впереди любого другого человека на пути к все той же общей цели — умереть.

Где-то на задворках ума Шерри думала о смерти по-стоянно. Все остальное — люди, предметы, события — теряло в ее сознании смысл, практически до состояния зыбких призраков. Хуже того, глядя на людей, Шерри видела в них несправедливость вселенной. У них не было рака, а значит, говоря в терминах психологии, они бессмертны. Это казалось Шерри несправедливым: все вокруг состояли в заговоре, имевшем целью лишить ее молодости, счастья и, в конце концов, самой жизни. На Шерри взвалили бремя невыносимой боли и, вполне вероятно, втайне наслаждались этим. «Наслаждаться просто» и «наслаждаться чем-то» в глазах Шерри являлось одинаковым злом. Следовательно, у нее был мотив послать весь мир к черту.

Благодаря раку Шерри стала совершенно агедоничной. Следуя логике, Шерри должна была бы в период своей ремиссии стараться выжать из жизни все возможное удовольствие, но, как выяснил Жирный, ум не функционирует логически. Шерри жила ожиданием конца ремиссии.

В этом отношении Шерри не заслуживает жалости — ведь она наслаждалась возвращением лимфомы.

Жирный никак не мог разобраться в этом сложном умственном процессе. Он видел в Шерри просто молодую женщину, которая много страдала. Он считал, что жизнь дерьмово обошлась с ней, и надеялся сделать существование Шерри лучше. Это было бы добрым поступком. Он любил бы ее, любил бы себя, а Бог любил бы их обоих.

Жирный видел в мире любовь, а Шерри — лишь бесконечную боль и неотвратимую смерть, над которой она была не властна. Вряд ли два более разных мира когда-то встречались.

Суммируя вышесказанное (как выразился бы Лошадник), современный мазохист не наслаждается болью: он просто не в состоянии не быть беспомощным.

«Наслаждение болью» есть семантическое противоречие, на что не раз указывали

некоторые философы и психологи. «Боль» определяется как нечто, что вы ощущаете как неприятное. «Неприятное» — это то, чего вы не хотите. Попробуйте-ка определить это как что-нибудь другое — куда вас занесет?

«Наслаждаться болью» — значит «наслаждаться тем, что вы находите неприятным». Райк умудрился справиться с ситуацией — он распознал истинную динамику современного ослабленного мазохизма... и понял, что тот весьма широко распространен и присутствует практически в каждом из нас в той или иной форме и в той или иной степени. Мазохизм стал вездесущим.

В действительности Шерри нельзя обвинить в том, что она наслаждалась гложущим ее раком. Или в том, что желала его. Просто она верила, что рак лежит перед ней: случайная карта в колоде. Каждый день Шерри снимала одну карту, а раковая все не открывалась. Но если карта в колоде, когда-то вы откроете ее, вот тут-то все и кончится.

Посему, хотя на самом деле в том нет ее вины, Шерри была предназначена долбить Жирного так, как не долбала до тех пор кого-либо еще. Различие между Глорией Кнудсон и Шерри очевидно. Глория желала умереть по причинам чисто воображаемым. Шерри должна была умереть независимо от того, хотела она того или нет. Глория могла прекратить свою смертельную игру в любой момент; у Шерри такой возможности не было.

Такое впечатление, что Глория, разбившись в лепешку о мостовую в Окленде, возродилась к жизни, причем вдвое сильнее и физически, и душевно. В то же время Бет, уйдя от Жирного и забрав с собой Кристофера, оставила Лошадника съезжившимся примерно в половину его реального размера. Разница не в пользу благополучного конца.

Настоящая мотивация симпатии Жирного к Шерри на самом деле неотделима от смерти Глории, скорее даже исходит из нее. Однако, вообразив, что доктор Стоун вылечил его, Жирный с вновь обретенной надеждой отправился в мир и попал прямиком в лапы сумасшествия и смерти. Он так ничему и не научился. Справедливости ради можно сказать, что из тела Жирного пулю извлекли, а рана, соответственно, зарубцевалась. Но цель-то его состояла в другом, ему просто до смерти хотелось переехать к Шерри и начать спасать ее.

Если помните, Жирному давным-давно посоветовали бросить заниматься двумя вещами: помогать людям и принимать наркоту. Наркотики он бросил, однако вся энергия и энтузиазм Лошадника теперь полностью обратились на то, чтобы помогать кому-то. Лучше бы он продолжал ширяться.

6

Бракоразводная машина прожевала Жирного и выплюнула его, теперь уже человека не семейного, предоставив свободу разрушать себя. Как же ему не терпелось!

Пока суд да дело, Жирный начал посещать психотерапевта, предоставленного ему Департаментом здравоохранения графства Оранж. Звали психотерапевта Морис. Морис был не какой-то там обычный психотерапевт, нет. В семидесятых он контрабандой доставлял в Калифорнию оружие и наркотики, используя порт на Лонг-Бич, состоял в «Студенческом координационном комитете против насилия» и «Конгрессе расового равноправия», а в рядах израильского спецназа воевал с сирийцами. Его мускулы бугрились под рубашкой, так что едва не отлетали пуговицы. Как и у Жирного Лошадника, у Мориса была черная курчавая борода.

Обычно Морис стоял посреди комнаты и орал на Жирного, заканчивая каждую свою сентенцию фразой: «Я не шучу!» Жирный и не сомневался.

Проблема была не в этом.

Морис полагал, что его задача — заставить Жирного наслаждаться жизнью вместо того, чтобы спасать других.

У Жирного концепция наслаждения отсутствовала как таковая, хотя он и знал значение слова. Для начала Морис велел ему составить список из десяти вещей, которые Жирный хотел больше всего на свете.

Жирный решил, что под словом «хотеть» подразумевается «хотеть сделать».

— Что бы я хотел сделать, — начал он, — так это помочь Шерри. Чтобы она снова не разболелась.

— Ты думаешь, что должен помочь ей! — взревел Морис. — Думаешь, это сделает тебя хорошим. Да ничто и никогда не сделает тебя хорошим. Ты на фиг никому не нужен!

Жирный слабо запротестовал.

— Ты бесполезен, — заявил Морис.

— А ты — кусок дерьма, — ответил Жирный, на что Морис ухмыльнулся. События развивались по его плану.

— Послушай, — сказал Морис. — Я не шучу. Иди курни травки, завали какую-нибудь телку с большими сиськами, только чтоб она не помирала. Ты же знаешь, что Шерри помирает, так? Она помрет, и что ты тогда будешь делать? Вернешься к Бет? Бет ведь пыталась тебя убить.

— Убить? — Жирный был потрясен.

— Конечно. Она настроила тебя на смерть. Она знала, что ты решишь себя убить, если она заберет сына и смоеется.

— Ага, — сказал Жирный.

Он даже немного обрадовался, ведь это означало, что он не параноик. В глубине души Жирный всегда подозревал, что именно Бет спровоцировала его попытку самоубийства.

— Когда умрет Шерри, — продолжал Морис, — умрешь и ты. Ты хочешь умереть? Могу организовать прямо сейчас. — Он посмотрел на свои большие наручные часы, которые показывали все на свете, включая положение звезд. — Так, сейчас половина третьего... Как насчет шести вечера?

Жирный не мог понять, серьезно тот говорит или нет, но почему-то не сомневался, что Морис вполне способен устроить такое.

— Послушай, — сказал Морис. — Я не шучу. Есть гораздо более легкие способы умереть, чем те, что ты испробовал. Ты, смотрю, легких путей не ищешь. Как только Шерри не станет, ты опять начнешь искать повод покончить с собой. А зачем тебе еще какой-то повод? Жена и сын тебя бросили, Шерри помирает. Учитывая твою к ней любовь...

— Да кто сказал, что Шерри умирает? — прервал Жирный.

Он не сомневался, что сможет спасти ее при помощи своих новых способностей, именно это лежало в основе его стратегии.

Морис пропустил вопрос мимо ушей.

— Почему ты хочешь умереть? — вместо этого спросил он.

— Я не хочу.

— Если бы у Шерри не было рака, ты также рвался бы жить с ней?

Морис подождал, но ответа не последовало, поскольку Жирному пришлось признаться себе: нет, не рвался бы.

— Почему ты хочешь умереть? — повторил Морис.

— А? — Жирный был совсем сбит с толку.

— Ты плохой человек?

— Нет.

— Кто-то велит тебе умереть? Какой-то голос? Кто-то шлет тебе приказы?

— Нет.

— Твоя мать хотела, чтобы ты умер?

— Ну, с тех пор, как Глория...

— Да насрать на Глорию! Кто такая Глория? Ты даже не спал с ней. Ты и не знал ее толком, а все равно готовился умереть. Хватит нести чушь! — Морис, как обычно, начал орать. — Хочешь помогать людям, так езжай в Эл-Эй выдавать бесплатный суп в католической столовке для бедных или отдай сколько можешь денег в КРР. Пусть людям помогают профессионалы! Ты лжешь самому себе. Лжешь, что Глория для тебя что-то значила, что, как ее там, Шерри не умрет. Да конечно же, умрет! Поэтому и рвешься к ней — чтобы присутствовать в момент ее смерти. Она хочет утащить тебя с собой, а ты и рад. Вы с ней сговорились! Каждый, кто входит в эту дверь, хочет смерти. Такова суть душевных болезней. Не знал? Так послушай меня. Я бы с удовольствием подержал твою голову под водой до того момента, пока ты не начал бы бороться за жизнь. А не начал бы, так и насрать на тебя! Жаль, не дают мне делать такого. У твоей подруги рак? Сама виновата. Человек выключает свою

иммунную систему — и вот, пожалуйста, рак. Такое бывает, когда теряешь кого-то близкого. У каждого из нас в крови имеются раковые клетки, но иммунная система присматривает за ними.

— У нее умер друг, — подтвердил Жирный. — И мать умерла от рака.

— И Шерри почувствовала вину за то, что ее друг умер, и ее мать умерла. Ты чувствуешь вину за то, что умерла Глория. Не лучше ли нести вместо этого ответственность за собственную жизнь? Ты обязан защищать себя.

— Я обязан помочь Шерри, — сказал Жирный.

— Давай-ка вернемся к списку.

Склоняясь над списком из десяти вещей, которые он больше всего хотел бы сделать, Жирный спрашивал себя, все ли шарики на месте у самого Мориса. Конечно же, Шерри не хотела умирать. Она упорно и отважно боролась, справилась не только с раком, но и с химиотерапией.

— Ты хочешь прогуляться по пляжу в Санта-Барбаре, — сказал Морис, изучая список. — Это номер первый.

— И что не так? — насупился Жирный.

— Ничего. Зачем?

— Читай второй пункт, — сказал Жирный. — Я хочу, чтобы со мной была симпатичная девушка.

— Возьми Шерри, — предложил Морис.

— Она...

Жирный замялся. На самом деле он просил Шерри поехать с ним на пляж в Санта-Барбару и провести там уикенд в одном из шикарных отелей. Она сказала, что слишком занята в церкви.

— Она не поедет, — заключил Морис. — Она слишком занята — чем?

— Церковью.

Они посмотрели друг на друга.

— Ее жизнь не слишком изменится, когда вернется рак, — заключил Морис. — Она говорит о своем раке?

— Да.

— С продавцами в магазинах? С любым, кого встретит?

— Да.

— Ну вот. Ее жизнь изменится, ее будут жалеть. Лучше бы ей помереть.

Жирный с трудом проговорил:

— Однажды она сказала мне, — он едва мог ворочать языком, — что ее болезнь — лучшее, что когда-либо случилось с ней. Потому что тогда...

— Она стала получать деньги от федеральных властей.

— Верно, — кивнул Жирный.

— Ей больше не нужно работать. Думаю, она до сих пор пишет, что у нее обострение, хотя на самом деле — ремиссия.

— Да, — уныло согласился Жирный.

— Ее поймают. Справятся у ее доктора. Тогда ей придется искать работу.

— Шерри никогда не станет искать работу, — с горечью проговорил Жирный.

— Ты ненавидишь эту девушку, — сказал Морис. — И, что еще хуже, не уважаешь. Она просто бездельница. Мошенница высшего класса. Обдирает тебя как липку — и эмоционально, и финансово. Ты ее кормишь, а она еще и получает пособие. Рэкет, раковый рэкет. А ты лопух. Ты в Бога веришь? — неожиданно спросил он.

Судя по вопросу, можно понять, что Жирный не слишком распространялся о своей связи с Богом на психотерапевтических сеансах Мориса. Не очень-то хотелось обратно в Северное отделение.

— В некотором смысле, — сказал он. Но лгать на эту тему Лошадник не мог, так что продолжил: — У меня собственная концепция Бога. Она основана на моих собственных... — Жирный помедлил, думая, как избежать ловушки, образованной этими словами, — ...мыслях.

— Это для тебя очень трепетная тема? — поинтересовался Морис.

Жирный не понимал, к чему тот клонит, если вообще клонит к чему-то. Сам он не видел своей истории болезни, не знал, видел ли ее Морис, и что там написано.

— Нет, — сказал он.

— Ты веришь, что человек создан по образу и подобию Божьему?

— Верю, — ответил Жирный. И тут Морис опять заорал:

— В таком случае самоубийство — прямое оскорбление Бога! Ты об этом подумал?

— Я думал об этом, — сказал Жирный. — Я очень много думал об этом.

— Да? И что же ты надумал? Давай-ка я скажу тебе, что написано в Книге Бытия на случай, если ты забыл. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествует он над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом...»

— Ладно, — прервал Жирный. — Но это сказал божественный создатель, а не настоящий Бог.

— Что? — спросил Морис. Жирный объяснил:

— Это Йалдабаот. Его иногда называют Самаэлем, слепым богом. Он отступник.

— О чем ты, черт возьми, толкуешь? — взорвался Морис.

— Йалдабаот — это чудовище, порожденное Софией, которое изверглось из Плеромы¹, — сказал Жирный. — Он решил, что он единственный бог, и ошибся. У него есть одна проблема — он слеп. Он создает наш мир, но, поскольку он слеп, получается плохо. Истинный Бог наблюдает за происходящим сверху и, преисполненный жалости, решает нам помочь. Отблески света Плеромы...

Не спуская с Жирного глаз, Морис поинтересовался:

— Кто это понапридумывал? Ты?

— По большей части, — ответил Жирный, — это доктрина Валентина. Второй век о. э.

— Что еще за «о. э.»?

— Общая эра. Это вместо «нашей эры». Гностицизм Валентина — самая незначительная ветвь по сравнению с иранской, которая, само собой, подверглась сильному влиянию зороастрийского дуализма. Валентин чувствовал онтологическую ценность гносиса, поскольку знание противостоит первичному состоянию не-знания, являющегося основой неправильно созданного мира явлений и вещей. Истинный Бог, будучи полностью трансцендентным, не создавал мир. Однако увидев, что натворил Йалдабаот...

— Да какой еще Йалдабаот? Мир создал Иегова! Так гласит Библия!

— Божественный создатель, — пояснил Жирный, — решил, что он — единственный бог. Именно поэтому он был так ревнив и заявлял: «Да не будет у тебя других богов, кроме меня».

— Да ты читал-то Библию?! — взревел Морис. Сообразив, что столкнулся с религиозным идиотом, Жирный попробовал действовать по-другому.

— Послушай, — проговорил он насколько возможно спокойно. — По поводу сотворения мира существует масса мнений. Например, если рассматривать мир как артефакт — чего быть не может, поскольку, согласно древним грекам, мир это организм, — нельзя опираться на создателя. Например, создателей в разные времена могло быть несколько. Буддистские идеалисты указывают...

— Ты никогда не читал Библию, — скептически заметил Морис. — Знаешь, что ты должен сделать? И я не шучу. Я хочу, чтобы ты отправился домой и изучил Библию. Я хочу, чтобы ты прочел «Книгу Бытия» дважды, слышишь меня? Два раза. Внимательно. И выпиши оттуда все важнейшие события в порядке убывания важности. На следующей неделе я хочу видеть этот список.

Морис не на шутку рассердился. Не подозревая, что лучше не поднимать тему Бога, он просто хотел обратиться к этическим принципам Жирного. Будучи евреем, Морис был убежден, что религия и этика неразделимы, поскольку они объединены в иудейском монотеизме. Этические принципы были переданы напрямую от Иеговы к Моисею, это всем известно. Всем, кроме Жирного Лошадника, чья проблема заключалась в том, что он слишком много знал.

Морис, тяжело дыша, принялся изучать свой график приема. Когда он уничтожал сирийских убийц, то не оценивал космос как разумное существо с *псиho* и *сомой*, как

¹ Плерома (греч. «полнота») — совокупность эонов — то есть времен и миров во времени.

макрокосмическое зеркало человеческого микрокосма.

— Я вот что еще хотел сказать... — начал Жирный. Морис раздраженно кивнул.

— Божественный создатель, — продолжил Жирный, — может быть безумным. Тогда и вся вселенная безумна. То, что мы воспринимаем как хаос на самом деле является иррациональностью. В том-то и разница.

Он замолчал.

— Вселенная такая, какой мы ее делаем, — сказал Морис. — Главное — что ты делаешь с ней. Ты обязан совершать жизнеутверждающие, а не разрушительные поступки.

— Это экзистенциализм, — сообщил Жирный. — Он основан на утверждении: «Мы то, что мы делаем», а не «Мы то, что мы думаем». Впервые об этом написал Гете в своем «Фаусте», часть первая. Там Фауст говорит: «*In Anfang war das Wort*». Цитирует начало Четвертого Евангелия: «В начале было слово». Фауст говорит: «*Neirt, Im Anfang war die Tat*». «В начале было дело». Отсюда и пошел весь экзистенциализм.

Морис посмотрел на Жирного, как на мерзкое насекомое.

Возвращаясь в современные апартаменты с двумя спальнями и двумя ваннами в нижней Санта-Ане, апартаменты с сигнализацией, электрическими воротами, подземной парковкой и следящими телекамерами, где жили они с Шерри, Жирный осознал, что вновь пал с позиций авторитета и вернулся к скромному положению психа. Пытаясь помочь, Морис, сам того не подозревая, разрушил бастион безопасности Жирного Лошадника.

Впрочем, хорошо, что сейчас он жил в похожем на крепость — или на тюрьму — здании, напичканном системами безопасности, посреди мексиканского района. Чтобы попасть в подземную парковку, требовалась специальная магнитная карточка. Это немного поддерживало маргинальную мораль Жирного. Поскольку квартира располагалась на верхнем этаже, он мог в буквальном смысле свысока смотреть на Санта-Ану и на бедолаг, ежечасно обираемых до нитки местными пьянчугами и шпаной.

Что еще более важно, с ним была Шерри. Она прекрасно готовила, хотя ему и приходилось мыть посуду и ходить за покупками. Шерри без конца шила и гладила, ездила по каким-то делам, болтала по телефону со старыми школьными подружками и держала Жирного в курсе церковных дел.

Я не могу сказать, как называлась церковь Шерри, поскольку она и сейчас еще существует (как, впрочем, и Санта-Ана), поэтому пользуюсь определением Шерри: Иисусова кондитерская. Полдня Шерри проводила на телефонах в приемной. Она участвовала в благотворительных программах, то есть распределяла дармовую пищу, субсидии на жилье, советовала, как прожить на пособие, и старалась оградить церковь от проникновения шпаны и наркоманов.

Шерри не любила наркоманов, и на то были причины. Наркоманы ежедневно появлялись с новыми уловками. Особенно ее бесило даже не то, что они выдурили у церкви деньги, а то, что потом похвалялись этим. Однако поскольку наркоманы не слишком-то любят друг друга, они обычно появлялись в церкви, чтобы заложить своих приятелей. Шерри вносила имена в черный список.

Как правило, после работы в церкви она приходила домой, ругая на чем свет стоит ужасные условия, рассказывала, что наркоманы придумали на сей раз и как Ларри, священник, сидит сложа руки и ничего не предпринимает.

Прожив с Шерри неделю, Жирный узнал о ней намного больше, нежели за предыдущие три года знакомства. Шерри была обижена на все живое. Чем больше она имела дела с кем-то или чем-то, тем больше обижалась. Великая эротическая любовь ее жизни приняла форму священника — Ларри. В тяжелые времена, когда она в буквальном смысле умирала от рака, Шерри сказала Ларри, что самое сильное ее желание — переспать с ним. На что Ларри ответил (это поразило Жирного, который ожидал иного ответа), что он, Ларри, никогда не смешивает свою общественную жизнь с деловой. (Ларри был женат и имел троих детей и внука.) Шерри по-прежнему любила его и хотела лечь с ним в постель. Она понимала, что потерпела фиаско.

Единственный, по ее мнению, положительный момент состоял в том, что когда Шерри жила у сестры — или, наоборот, умирала у сестры, как любила она говаривать, — у нее случился приступ, и отец Ларри приехал, чтобы отвезти ее в больницу. Когда он взял Шерри на

руки, она поцеловала его, и Ларри ответил ей «французским поцелуем». Шерри не раз рассказывала об этом Жирному. Она тосковала по тем временам.

— Я люблю тебя, — сообщила Шерри Жирному однажды ночью, — но *по-настоящему* я люблю Ларри, потому что он спас меня, когда мне было плохо.

Вскоре Жирный пришел к мнению, что религия в церкви Шерри — дело десятое. Главным же было отвечать на телефонные звонки и рассылать почту. Какие-то мутные личности — которых могли звать Ларри или Мо, или Кёрли, как казалось Жирному, — толкались в церкви, получая жалованье несравнимо выше, чем у Шерри, и при этом ни черта не делали. Шерри всем им желала скорейшей смерти. Она всегда с удовольствием рассказывала об их неприятностях — как у кого-то не завелась машина, кого-то оштрафовали за превышение скорости, а кого-то отругал отец Ларри.

— Эдди скоро вытурят с работы, — говорила Шерри, едва войдя в дом. — Так и надо маленькому говнюку.

Один нищий вызывал у Шерри хроническое раздражение. Этот человек по имени Джек Бамбина, по словам Шерри, рылся в помойках и выискивал там презентики для нее. Джек Бамбина обычно появлялся, когда Шерри была в церкви одна, и вручал ей замызганную коробку с «гостинцами» и приложенной запиской, в которой сообщал о своем намерении посвататься. Шерри с первого взгляда распознала в нем маньяка и всерьез опасалась, что когда-нибудь Джек Бамбина прикончит ее.

— Когда он опять придет, я позвоню, — говорил он Жирному. — Не собираюсь оставаться с ним наедине. Во всем Епископальном фонде не найдется таких денег, чтобы компенсировать мне общение с Джеком Бамбиной, особенно учитывая, сколько они мне платят, а платят мне ровно вполтину меньше, чем получает говнюк Эдди.

Мир для Шерри разделялся на бездельников, маньяков, наркоманов, гомиков и друзей-предателей. Не видела она пользы и в мексиканцах с неграми. Жирный не уставал удивляться полному отсутствию в ней христианского милосердия. Как могла Шерри работать в церкви — и хотеть работать там, — если она не любила, боялась и презирала любое человеческое существо из числа ныне живущих и все время жаловалась на жизнь?

Шерри обижалась даже на свою сестру, которая приютила ее, кормила и заботилась о ней, когда Шерри была больна. Причина: Мэй ездила на «мерседесе» и имела богатого мужа. Но больше всего Шерри обижалась на свою лучшую подругу Элеонору; та сделала карьеру — стала монахиней.

— Вот я тут подыхаю в Санта-Ане, — не уставала повторять Шерри, — а Элеонора разгуливает по Лас-Вегасу.

— Ты не подыхаешь, — поправлял ее Жирный. — У тебя ремиссия.

— Но она-то об этом не знает. Что за место для религиозной деятельности, Лас-Вегас? Небось торгует своей задницей в...

— Ты говоришь о монахине.

Жирный встречался с Элеонорой, и та ему понравилась.

— Если бы я не заболела, то тоже была бы монахиней, — сказала Шерри.

Чтобы беспрестанно не выслушивать бред Шерри, Жирный заперся в спальне, которую использовал в качестве кабинета, и снова взялся за экзегезу. Написано было уже почти триста тысяч слов, и из всей этой груды он начал извлекать то, что окрестил: «Трактат: Scriptura» (смотри Приложение), то есть «Тайные размышления».

Жирному казалось, что заглавие на латинском выглядит солиднее.

Здесь он начал терпеливо излагать свою космогонию. Космогония — технический термин, описывающий «как появился космос». Мало какие личности создают космогонию, обычно для этого требуются целые культуры, цивилизации, народы или племена. Жирный прекрасно знал об этом, а посему безмерно гордился тем, что изобрел свою собственную космогонию. Он назвал ее

ДВА ИСТОЧНИКА КОСМОГОНИИ

В его дневнике — или экзегезе — она шла под номером 47 и стала на тот момент самым

длинным пассажем его записей.

47. Единый *был* и одновременно *не-был*, и стремился отделить *не-было* от *было*. Поэтому он генерировал диплоидный сосуд, который, подобно скорлупе яйца, содержал пару близнецов — каждый из них андрогинной природы, — вращающихся в противоположных направлениях (Инь и Ян даосизма, где Единый есть Дао). Единый планировал, что оба близнеца «вылупятся» одновременно. Однако, мотивируемый желанием *быть* (которое Единый имплантировал в обоих близнецов), близнец, вращающийся против часовой стрелки, пробился сквозь скорлупу и вышел оттуда преждевременно, то есть до срока. Это был темный близнец, или Инь. Следовательно, он оказался дефектным. Более мудрый близнец оставил скорлупу в срок. Каждый из близнецов сформировал унитарную энтелехию — единый живой организм, обладающий *психо* и *сомой* и вращающийся в направлении, противоположном вращению двойника. Полностью развившийся близнец, именуемый Первой формой Парменида, правильно проходил все стадии роста, тогда как преждевременно «вылупившийся» близнец, называемый Второй формой, начал чахнуть.

На следующем этапе плана Единого Двум надлежало стать Множеством посредством диалектического взаимодействия. Как гипервселенные они проецировали подобный голографическому интерфейс, который является полиформенной вселенной, где мы, создания, и обитаем. Два источника должны были в равных долях участвовать в создании нашей вселенной, но Вторая форма продолжала скатываться в болезнь, безумие и хаос. Эти аспекты она и проецировала в нашу вселенную.

По замыслу Единого, наша голографическая вселенная должна была служить обучающим инструментом для всего многообразия живых существ до тех пор, пока они не станут изоморфичны Единому. Однако постоянное разрушение гипервселенной II стало фактором, разрушающим нашу голографическую вселенную. В этом причина энтропии, незаслуженных страданий, хаоса и смерти, равно как и Империи и «Черной Железной Тюрьмы». Короче, причина прекращения нормального и здорового развития форм жизни в голографической вселенной. Чудовищно ослабла и обучающая функция, поскольку только сигнал из гипервселенной I нес информацию, тогда как сигнал из гипервселенной II превратился в помехи.

Психо гипервселенной I отправило микроформу себя в гипервселенную II в попытке излечить ее. В нашей голографической вселенной эта микроформа проявилась в виде Иисуса Христа. Однако гипервселенная II, будучи безумной, немедленно ввергла в мучения, унизила, отвергла и, в конце концов, уничтожила микроформу целительного *психо* своего здорового близнеца. Затем гипервселенная II продолжила превращаться в слепой, механический, бесцельный и произвольный процесс. Тогда задачей Христа (точнее, Святого Духа) стало либо спасти формы жизни голографической вселенной, либо устранить все влияние гипервселенной II. Действуя с максимальной осторожностью, он приготовился уничтожить больного близнеца, так как излечить его было невозможно — он не позволял излечить себя, поскольку не понимал, что болен. Эта болезнь и безумие проникают в нас, делая идиотами, обитающими в личных нереальных мирах.

Изначальный план Единого теперь можно осуществить, только разделив гипервселенную I на две здоровые гипервселенные, которые превратят голографическую вселенную в действующую обучающую машину, какой она и должна быть. Для нас настанет то, что мы привыкли называть Царством Божьим.

В реальном времени гипервселенная II пока остается живой — «Империя бессмертна». Но в вечности, где существуют гипервселенные, она была уничтожена — в силу необходимости — здоровым близнецом, нашим защитником. Единый скорбит, поскольку любил обоих близнецов, следовательно, информация Вселенского Разума содержит трагическую историю о смерти женщины, генерируя душевные страдания и муки во всех существах голографической вселенной. Этому придет конец, когда здоровая гипервселенная разделится, и наступит Царство Божье.

Эта трансформация — от Века Железного к Веку Золотому — в реальном времени сейчас идет, в вечности же она полностью завершена.

Вскоре Шерри по горло сыта была Жирным, день и ночь корпящим над своей экзегезой, а еще он взбесил ее, попросив выделить часть своего пособия на оплату квартиры — по решению суда, Жирный должен был регулярно выплачивать кругленькую сумму Бет и Кристоферу.

Шерри подыскала себе квартиру, которую ей, как раковой больной, согласились оплачивать власти Санта-Аны, и собиралась жить там, не заботясь о счетах и о том, что приготовить Жирному на обед. К тому же она могла бы встречаться с другими мужчинами, что Жирный категорически не приветствовал, когда они с Шерри жили вместе. Однажды вечером, когда Жирный впал в ярость, увидев, как Шерри входит в дом под ручку с каким-то типом, она взорвалась:

— Да плевала я на все!

Жирный пообещал больше не возражать против встреч Шерри с другими мужчинами и не просить ее помощи в оплате квартиры, хотя у самого Лошадника к тому времени на банковском счету осталось всего девять долларов.

Это не помогло, Шерри была непреклонна.

— Я съезжаю, — сообщила она Жирному.

Когда Шерри уехала, Жирному пришлось поднапрячься, чтобы купить мебель, тарелки, телевизор, столовые приборы, полотенца — всё, поскольку он пришел к Шерри практически в чем был и надеялся, что ее домашней утвари хватит на них обоих. Разумеется, Жирному без Шерри было одиноко — апартаменты с двумя спальнями и двумя ванными наводили на него тоску. Друзья встревожились и пытались подбодрить его. В феврале Жирного бросила Бет, а вот теперь, в сентябре, от него ушла Шерри. Жирный опять начал медленно умирать. Он все время проводил за пишущей машинкой или с тетрадкой и ручкой, продолжая экзегезу — единственное, что осталось в его жизни.

Бет уехала в Сакраменто — за семь сотен миль, чтобы оградить Кристофера от встреч с Жирным. Он уже опять начал подумывать о самоубийстве, но не слишком много — понимал, что это не понравится Морису, и тот заставит его составлять очередной список.

Что всерьез беспокоило Жирного, так это предчувствие, что ремиссия Шерри вскоре закончится. Посещения занятий в колледже Санта-Аны и работа в церкви совсем вымотали ее. Каждый раз, встречая Шерри — а он старался делать это как можно чаще, — Жирный отмечал, какой она стала худой и изможденной. В ноябре Шерри подцепила грипп и теперь постоянно кашляла и жаловалась на боли в груди.

— Засраный грипп! — говорила Шерри.

В конце концов Жирный отвез ее к врачу сделать рентген и анализ крови. Он знал, что стадия ремиссии закончилась — Шерри едва волочила ноги.

В тот день, когда Шерри узнала, что рак вернулся к ней, Жирный был рядом. Поскольку доктор назначил прием на восемь утра, Жирный не спал всю ночь. Просто сидел и ждал. Он отвез Шерри к врачу вместе с Эдной, старинной подругой Шерри. Жирный с Эдной ждали в приемной, пока Шерри общалась с доктором Аппельбаумом.

— Обычный грипп, — сказала Эдна.

Жирный не ответил. Он знал. Тремя днями раньше они с Шерри заходили в бакалейную лавку, и Шерри едва переставляла ноги. Так что Жирный знал наверняка и, сидя рядом с Эдной в приемной, боялся, что сейчас разрыдается, такой его охватил ужас. Невероятно, но именно сегодня был его день рождения.

Шерри вышла из кабинета доктора Аппельбаума, промокая глаза клинksom. Жирный и Эдна вскочили как раз вовремя, чтобы успеть подхватить Шерри, когда она падала на пол со словами: «Он вернулся, рак вернулся».

Теперь рак был в лимфатических узлах на шее и в виде опухоли в правом легком, которая мешала Шерри нормально дышать. В ближайшие сутки Шерри предстояло начать принимать сеансы химиотерапии и облучения.

Эдна была потрясена.

— Я не сомневалась, что это обычный грипп. Я хотела, чтобы Шерри поехала в Мелодилэнд и свидетельствовала, что Иисус излечил ее.

Жирный промолчал.

Можно, конечно, сказать, что к тому моменту у Жирного не было никаких моральных

обязательств по отношению к Шерри. По совершенно пустой причине она ушла, оставив одного в тоске и отчаянии наедине с бесконечной экзегезой. Все друзья Жирного говорили ему об этом. Даже Эдна ему об этом говорила, когда Шерри не было рядом. И все же Жирный по-прежнему любил ее. И попросил ее вернуться, чтобы он заботился о ней — ведь Шерри так ослабла, что уже не могла готовить, а с началом химиотерапии ей должно было стать еще хуже.

— Нет, спасибо, — безжизненным голосом ответила она.

Как-то раз Жирный отправился в ее церковь и поговорил с отцом Ларри. Он просил Ларри надавить на власти с тем, чтобы к Шерри приставили кого-нибудь готовить еду и убирать квартиру (ему Шерри — не позволяла).

Ларри пообещал, но ничего не изменилось. Жирный опять отправился к нему с просьбой, даже не выдержал и разрыдался.

Ларри ответил загадочной фразой:

— Я уже выплакал по ней все слезы, которые собирался выплакать.

Жирный не мог понять, значит ли это, что у Ларри перегорели от горя предохранители, или он сознательно, из чувства самосохранения, ограничил степень своего горя. Жирный и по сей день не знает наверняка.

У самого Лошадника горе достигло критической массы. Шерри положили в больницу. Навещая ее, Жирный видел на больничной койке маленькую грустную тень вдвое меньше той Шерри, к которой он привык. Тень захлебывалась кашлем, в ее глазах застыли боль и отчаяние. Жирный после этих визитов не мог садиться за руль, и домой его отвозил Кевин. Кевин, неисправимый циник, от горя едва мог говорить. Раз они ехали молча, и тут Кевин воспользовался единственным способом, каким мужчинам дозволяется выказать свою любовь друг другу. Он похлопал Жирного по плечу.

— Что же мне делать? — простонал Жирный.

Это означало: «Что же мне делать, когда она умрет?».

Он в самом деле любил Шерри, несмотря на ее плохое отношение — а ведь все друзья видели, что она себе позволяла. Что до Жирного — он никогда не замечал этого, да и не старался замечать. Сейчас он мог думать лишь о том, что Шерри лежит на больничной койке, а по ее телу распространяются метастазы.

Ночами Жирный делал то единственное, что еще ему оставалось — писал экзегезу. И дошел до важного момента.

48. О НАШЕЙ ПРИРОДЕ. Правильно сказать, что мы являемся некими контурами памяти (цепочками ДНК, способными приобретать опыт) в компьютероподобной мыслящей системе, которая — хотя мы и правильно записывали и хранили информацию, полученную с опытом за тысячи лет, и каждый из нас хранит информацию, несколько отличающуюся от той, что хранят другие формы жизни, — работает со сбоями. Причина сбоев — в наших отдельных микросхемах. «Спасение» посредством гнозиса — более верный анамнез, хотя он обладает своим значением для каждого из нас — есть квантовый скачок в восприятии, отождествлении, распознавании, понимании личного и мирового опыта, включая бессмертие. Этот скачок имеет огромное значение для системы в целом, поскольку индивидуальная память есть составляющая всеобщей базы данных. Таким образом, процесс восстановления включает в себя перестройку нашей микросхемы путем линейных и ортогональных временных изменений и постоянную подачу сигнала для стимуляции заблокированных банков данных с целью получения из них информации. Внешняя информация, или гнозис, состоит из растормаживающих команд, содержимое которых знакомо нам, то есть оно уже есть в нас. Это заметил еще Платон, когда сказал, что познание есть форма «вспоминания».

Древние владели техниками, (таинствами и ритуалами), используемыми в основном в греко-римских тайных верованиях, включая раннее христианство, позволяющими индуцировать восстановление заблокированной информации, ценной для индивидуума. Гнозис, однако, правильно распознавал онтологическую ценность того, что называли Божественной Сущностью, всеобщим бытием.

Божественная сущность разрушается. С ней произошел какой-то фундаментальный кризис, которого мы не в силах понять.

Жирный переработал 29 параграф экзегезы и добавил его к параграфу «О нашей природе».

29. Наша ошибка не моральная, она интеллектуальная. Все дело в том, что мы считаем мир вещественный миром реальным. Следовательно, в моральном плане мы невинны. Это Империя в ее полиформной сущности утверждает, что мы грешны. «Империя бессмертна».

К тому моменту мозги у Жирного окончательно съехали набекрень. Он не делал больше ничего, лишь писал экзегезу или просто слушал стерео, или навещал Шерри в больнице. Жирный начал вставлять параграфы в свой трактат в совершеннейшем беспорядке.

30. Мир явлений не существует — это гипостазис информации, производимой Разумом.

27. Если вычеркнуть столетия фальшивого времени, то реальная сегодняшняя дата не 1978 о. э., а 103 о. э. В Новом Завете сказано, что Царствие Духа настанет до того, как «ныне живущие умрут». Следовательно, мы живем в апостольские времена.

20. Герметические алхимики знали о существовании тайной расы трехглазых пришельцев, но, несмотря на все попытки, не смогли установить с ними контакт. Потому-то их попытки поддержать Фридриха Пятого, короля Богемии, провалились. «Империя бессмертна».

21. Братство Розенкрейцеров написало: «Ex Deo nascimur, in Jesu mortimur, per spiritum sanctum reviviscimus», что означает: «От Бога мы рождаемся, с Иисусом умираем, с Духом Святым снова живем». Значит, они вновь открыли утерянную формулу бессмертия, уничтоженную Империей. «Империя бессмертна».

10. Аполлоний Тианский в послании к Гермесу Трисмегисту сказал: «Что НАВЕРХУ, то и ВНИЗУ». Он имел в виду, что наша вселенная — голограмма, просто не знал термина.

12. Бессмертного греки знали как Диониса, евреи — как Элию, христиане — как Иисуса. Когда его человеческое вместилище умирает, Бессмертный переходит в другое и таким образом живет вечно. На кресте Иисус сказал: «Eli, Eli, lama sabachthani», на что присутствующие совершенно резонно заметили: «Этот человек зовет Элию». Элия оставил его, и Иисус умер в одиночестве.

К моменту написания последнего пассажа Жирный Лошадник умирал в одиночестве. Элия, вернее, то божественное, что закачивало в его череп тонны информации в 1974-м, оставило Жирного. Ужасный вопрос, который снова и снова задавал себе Лошадник, не попал в его трактат. Вопрос этот можно сформулировать так:

Если божественное знало о врожденном дефекте Кристофера и приняло меры для исправления ошибки, почему оно не сделало ничего с раковой опухолью Шерри? Как оно могло обречь ее на смерть?

Жирный не мог понять, в чем дело. Девушке целый год не могли поставить правильный диагноз. Почему Зебра не выстрелила информацией в Жирного, или в доктора Шерри, или в саму Шерри — в кого-нибудь?

Почему не сделала этого вовремя?

Однажды, когда Жирный пришел к Шерри в больницу, у ее кровати стоял ухмыляющийся придурок, простофиля, которого Лошадник уже встречал раньше. Этот тип вечно ошивался поблизости, когда Жирный и Шерри жили вместе, частенько обнимал Шерри за плечи, целовал, твердил, что любит ее, — совершенно не обращая внимания на Жирного. Когда Лошадник вошел в палату, этот так называемый «друг детства» говорил Шерри:

— Чем мы с тобой займемся, если я стану царем, а ты царицей?

На что Шерри, корчась от боли, пробормотала:

— Все, чего я хочу — так это избавиться от проклятых комков в глотке.

Жирный никогда раньше не был настолько близок к тому, чтобы убить человека на месте. Кевин, пришедший вместе с ним, еле удержал Лошадника.

В машине, по пути из больницы в одинокую квартиру Жирного, которую он так недолго делил с Шерри, Лошадник сказал Кевину:

— Я с ума схожу. Не могу этого вынести.

— Нормальная реакция, — ответил Кевин. В те дни он воздерживался от своего обычного цинизма.

— Скажи мне, — спросил Жирный, — почему Бог не хочет ей помочь?

Он держал Кевина в курсе того, как продвигается экзегеза. Контакт Жирного с Богом в 1974-м не был для Кевина тайной, так что Лошадник мог говорить открыто.

Кевин ответил:

— Неисповедимы пути Великого Пунты.

— Что еще за хрень? — поинтересовался Жирный.

— Я не верю в Бога, — сказал Кевин. — Я верю в Великого Пунту. А пути Великого Пунты неисповедимы. Никто не знает, почему он делает то, что делает, и почему не делает того, что не делает.

— Шутишь? — спросил Жирный.

— Нет, — ответил Кевин.

— Откуда взялся Великий Пунта?

— Один Великий Пунта знает.

— Он милостивый?

— Одни считают, что да, другие — что нет.

— Если бы он хотел, то мог бы помочь Шерри. Кевин сказал:

— Никто не ведает путей Великого Пунты. Оба рассмеялись.

Преследуемый мыслью о смерти, безумно страдающий из-за Шерри, Жирный написал параграф пятнадцатый своего трактата.

15. Сивилла Кумекая защищала Римскую республику, делая своевременные предсказания. В первом веке о. э. она предсказала убийства братьев Кеннеди, доктора Кинга и епископа Пайка. Она обнаружила у четырех убитых два общих знаменателя: во-первых, все они защищали республиканские свободы, а во-вторых — каждый из них был религиозным лидером. За это их и убили. Республика опять превратилась в империю с цезарем. «Империия бессмертна».

16. В марте 1974-го сивилла сказала: «Заговорщики известны и предстанут перед судом». Она увидела их третьим глазом, Глазом Шивы, который открывает внутреннее зрение. В августе 1974-го предсказания сивиллы сбылись.

Жирный решил вставить в свой трактат все пророчества, выстреленные Зеброй в его голову.

7. Аполлон скоро вернется. Святая София возродится вновь — ранее мир не мог принять ее. Будда уже сидит в парке. Сиддхартха спит, но вот-вот проснется. Время, которое вы ждали, пришло.

Подобного рода знание, полученное напрямую от божественного начала, делало Жирного пророком нашего времени. Однако, поскольку крыша у него все больше и больше съезжала, Жирный поместил в свой трактат и очевидные нелепости.

50. Первичный источник всех наших верований восходит к предкам догонских племен, которые получили свою космогонию и космологию от трехглазых пришельцев, посетивших Землю в незапамятные времена. Трехглазые пришельцы — глухонемые телепаты. Они не могли дышать земным воздухом, а черепа у них по форме походили на удлинённый череп Эхнатона. Прибыли пришельцы с планеты в звездной системе Сириуса. Вместо рук у них имелись подобные крабьим клешни, поэтому пришельцы были великими зодчими. Их тайное влияние ощущается на

протяжении всей истории человечества.

Тогда-то Жирный и утратил последнюю связь с реальностью.

7

Можно понять, почему Жирный перестал видеть разницу между своими фантазиями и божественным откровением — если эта разница вообще существует, что ничем не доказано. Он вообразил, будто Зебра прибыла к нам с планеты в звездной системе Сириуса, свергла тиранию Никсона в августе 1974-го и приступила к созданию на Земле Царства Божьего, где не будет ни болезней, ни боли, ни одиночества, а лев возляжет рядом с ягненком.

Жирный обнаружил гимн Эхнатону и переписал отрывки из него в свой трактат.

...Когда птенец в яйце и слышался голос его,
Ты посылаешь ему дыхание сквозь скорлупу
И даешь ему жизнь.
Ты назначаешь ему срок разбить яйцо,
И вот выходит он из яйца, чтобы подать голос
В назначенный тобою срок.
И он идет на лапках своих,
Когда покинет свое яйцо.

О, сколь многочисленно творимое тобою
И скрытое от мира людей, бог, единственный,
Нет другого, кроме тебя!
Ты был один — и сотворил землю
По желанию сердца твоего,
Землю с людьми, скотом и всеми животными,
Которые ступают ногами своими вниз
И летают на крыльях своих вверх.

Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя, Кроме сына твоего Эхнатона, единственного у Ра, Ты даешь сыну своему постигнуть Предначертания твои и мощь твою.

Вся земля во власти твоей десницы...

Параграф 52 показывает, что Жирный в этот момент жизни цеплялся за любую соломинку, свято веря в то, что какое-то добро должно хоть где-то существовать.

52. Нашим миром по-прежнему тайно управляет раса, восходящая к Эхнатону. Его Знание — это информация, полученная от самого Макроразума.

*Скот радуется на лугах своих,
Деревья и травы зеленеют,
Птицы вылетают из гнезд своих,
И крылья их славят твою душу.
Все животные прыгают на ногах своих,
Все крылатое летает на крыльях своих —
Все оживают, когда озаришь ты их сияньем своим.*

От Эхнатона знание перешло к Моисею, от Моисея — к Элии, Бессмертному, который стал Христом. Но под всеми этими именами скрывается один Бессмертный.
И мы и есть этот Бессмертный.

Жирный по-прежнему верил в Бога и Христа — и много во что еще, однако хотел знать, почему Зебра — его термин для Единого Божественного Всемогущего — не предупредила

никого о болезни Шерри и теперь не желает излечить ее. Загадка иссушила мозги Жирного, повергая его в бездну безумия.

Жирный, ищущий смерти, не мог смириться с тем, что Шерри позволяют умереть, и умереть в муках.

Позвольте мне выступить вперед и сделать кое-какие предположения. Маленький мальчик с врожденным дефектом не совсем то же самое, что взрослая женщина, которая желает смерти и играет в пагубную игру, такую же болезнетворную, как и лимфома, разрушающая ее тело. В конце концов, Единое Божественное Всемогущее не пыталось помешать и попытке самоубийства Жирного; Божественное позволило Лошаднику проглотить сорок девять таблеток чистейшего дигиталиса; Божественное не запретило Бет бросить Жирного и уехать вместе с сыном, тем самым сыном, который излечился в результате теофанического открытия.

Упоминание о трехглазых пришельцах с клешнями вместо рук и глухонемых телепатах с другой звезды заинтересовало меня. Тут Жирный оказался чрезвычайно скрытным и не стал трезвонить о своем открытии всем и вся. В марте 1974-го, когда он познал Бога (а точнее, Зебру), Жирного преследовали реалистичные сны о трехглазых людях — он сам говорил мне. Они напоминали киборгов — были в каких-то стеклянных пузырях, оснащенных массой технических приспособлений.

Одна вещь здорово озадачила нас с Жирным — иногда в видениях появлялись советские техники, спешащие устранить неполадки в мудреных коммуникационных устройствах, которые носили на себе трехглазые люди.

— Может, это русские посылают тебе ультракороткие психогенные или психотронные или иные сигналы? — предположил я, поскольку только прочитал статью о том, что Советы научились передавать телепатические послания посредством УКВ.

— Сомневаюсь, что Советам интересна паховая грыжа Кристофера, — кисло ответил Жирный.

Однако он помнил, что в этих видениях, или снах, или гипнотическом трансе слышал русскую речь и видел сотни страниц русских технических руководств, описывающих — Жирный понял это по диаграммам — инженерные принципы и конструкции.

— Ты перехватил двухстороннюю передачу, — предположил я, — между русскими и пришельцами.

— Такой вот я везунчик, — пробормотал Жирный.

К тому времени у Жирного подскочило давление до опасной отметки, и его уложили в больницу. Доктор запретил ему принимать стимуляторы.

— Я не принимаю стимуляторы, — запротестовал Жирный, и он говорил правду.

Доктор сделал все возможные анализы, чтобы установить физическую причину такого скачка давления, но так ничего и не смог обнаружить. Постепенно давление стало само собой приходить в норму. Доктор подозревал, что виноваты все-таки те времена, когда Жирный принимал стимуляторы.

Но мы-то с Жирным знали: стимуляторы тут ни при чем. Артериальное давление у Лошадника подскочило до отметки 280 на 180, что считается смертельным. Его нормальное давление — 135 на 90. Такой сумасшедший скачок и по сей день остается загадкой. А еще гибель домашних животных Жирного.

Я говорю вам, как оно было. Все это правда и происходило на самом деле.

По мнению Жирного, его квартира подверглась какому-то облучению. Собственно, Лошадник даже видел его — голубые искры, пляшущие, словно огни святого Эльма.

Более того, сияние, кипящее в квартире, было живым и чувствующим. Вступая во взаимодействие с предметами, оно вмешивалось в их привычное существование. А когда сияние достигло головы Жирного, оно начало передавать в его мозг не только информацию, но еще и личность. Личность, которая не была Жирным. Личность с другими воспоминаниями, привычками и вкусами.

Впервые в жизни Жирный перестал пить вино и начал покупать пиво — импортное пиво. Он начал называть свою собаку «он», а кошку «она», хотя и знал — раньше знал, — что его собака — «она», а кошка — «он». Это раздражало Бет.

Жирный стал иначе одеваться и аккуратно подстригал бороду. Однажды, подстригая

бороду перед зеркалом в ванной, Жирный увидел отражение совершенно другой личности, хотя внешне это был все тот же Лошадник. Его перестал устраивать климат: воздух казался слишком сухим и теплым, перестала устраивать высота над уровнем моря и влажность. У Жирного появилось ощущение, что совсем недавно он жил в высокогорном, прохладном и влажном месте, а вовсе не в калифорнийском графстве Оранж.

А еще добавим тот факт, что внутренняя речь Жирного теперь велась на греческом койне, который он не знал раньше ни как язык, ни как продукт работы собственного мозга.

А еще Жирный испытывал затруднения с вождением автомобиля — не мог найти рычаги и педали, поскольку искал их совсем в других местах.

А еще, что довольно знаменательно, Жирному приснился весьма реалистичный сон — если это был сон — о советской женщине, которая должна была прислать ему письмо. Во сне ему показали фотографию женщины с белокуроыми волосами и сообщили, что ее имя Садасса Улна. В мозгу Жирного запечатлелось указание, что он должен обязательно ответить на ее письмо.

Два дня спустя из Советского Союза авиапочтой пришло письмо, что повергло Жирного в состояние ужаса. Письмо прислал мужчина, о котором Жирный раньше никогда не слышал (да он и вообще не имел привычки получать письма из Советского Союза) и который прислал:

- 1) Фотографию Жирного.
- 2) Образец почерка Жирного, особенно его подпись.

Жирный сказал Бет:

— Сегодня понедельник. В среду придет еще одно письмо. От женщины.

В среду Жирный получил целую кучу писем — всего семь. Он, не вскрывая, перебрал конверты и выбрал один, без обратного адреса.

— Вот оно, — сообщил он Бет; та к тому моменту тоже была напугана. — Открой его и прочитай, только не позволяй мне увидеть ее имя или адрес, а то я обязательно ей отвечу.

Бет вскрыла конверт. Вместо написанного от руки письма в конверте оказался ксерокопированный листок с обзором двух книг в левой нью-йоркской газете «Дэйли уорлд». Обозреватель назвал автора книг советским гражданином, проживающим в Штатах. Из статьи становилось очевидным, что автор — член партии.

— Боже мой! — проговорила Бет, переворачивая листок. — Имя и адрес автора написаны на обороте.

— Женщина? — поинтересовался Жирный. — Да.

Мне так и не удалось выяснить, что Жирный и Бет сделали с теми двумя письмами. По каким-то намекам Жирного мне кажется, что он ответил на первое письмо, решив, что тут нет ничего страшного. А вот как Жирный поступил с ксерокопированным листком, который в строгом смысле слова нельзя назвать письмом, я не знаю по сей день, да и не желаю знать. Может, сжег его, или отправил в полицию, или в ФБР, или в ЦРУ. В любом случае — вряд ли ответил.

Во-первых, он отказался посмотреть на оборот ксерокопии, где были написаны имя и адрес женщины. У Жирного было чувство, что если он увидит эту информацию, то вынужден будет ответить на письмо, хочет он того или нет. Может, и так, кто знает? Сначала в тебя выстреливают из неизвестного источника графической информацией в виде пылающих восьмидесятицветных абстрактных полотен; потом тебе снятся трехглазые люди в стеклянных пузырях, увешанные электроникой; затем твоя квартира заполняется огнями святого Эльма — плазматической энергией, похоже, живой и мыслящей; твои домашние животные погибают; в тебе обнаруживается другая личность, которая думает на греческом; и в довершение ты за три дня получаешь два советских письма — о которых тебя предупредили. При всем при этом общее впечатление от происходящего не слишком плохое, поскольку информация спасает жизнь твоему сыну.

Ах да, еще одно: Жирный видел Древний Рим, наложенный на Калифорнию 1974 года.

Я вот что вам скажу: может, Жирный и не встретился с Богом, но с *чем-то* он определенно встретился.

Неудивительно, что Жирный начал исписывать страницу за страницей своей экзегезы. Я сделал бы то же самое. Он не стал придумывать теории ради самих теорий — Жирный пытался выяснить, что, черт побери, с ним произошло.

Будь Жирный просто психом, он выбрал бы для своего сумасшествия какую-нибудь одну форму и придерживался ее. Находясь в то время под врачебным наблюдением (Жирный всегда находился под наблюдением), он попросил провести с ним тест Роршаха, чтобы определить, не страдает ли он шизофренией. Тест показал лишь легкий невроз. Так что с этой теорией можно распрощаться.

В своем романе «Помутнение», опубликованном в 1977 году, я поместил описанные Жирным восемь часов, когда в него выстреливали графической светящейся информацией.

Экспериментируя с возбуждающими веществами, действующими на нервные клетки, как-то ночью он сделал себе инъекцию препарата IV, который считался безопасным и должен был вызывать лишь лёгкую эйфорию, и испытал катастрофическое падение мозговой активности. После чего его субъективному взору на стене спальни предстали пылающие образы, в которых он тут же узнал произведения абстрактной живописи. На протяжении шести часов С. А. Пауэрс зачарованно наблюдал тысячи картин Пикассо, сменяющих друг друга с фантастической скоростью. Затем он просмотрел работы Пауля Клее, причем их было больше, чем художник написал за всю свою жизнь. Когда наступила очередь шедевров Модильяни, С. А. Пауэрс пришел к выводу (а в конце концов все явления нуждаются в разъясняющей теории), что его гипнотизируют розенкрейцеры, используя высокосоввершенные микроскопические передающие системы. Но потом, когда его стали изводить Кандинским, он вспомнил о музее в Ленинграде, в котором хранились как раз такие нерепрезентативные полотна, и решил, что с ним пытаются вступить в телепатический контакт русские.

Утром Пауэрс вспомнил, что резкое падение мозговой активности нередко сопровождается подобными цветными видениями, так что дело было вовсе не в телепатическом контакте, с помощью микросистем или без таковой.

Падение мозговой активности блокирует нейронные цепи, предотвращая их уничтожение, и держит их в дремлющем или латентном состоянии, пока у организма (в данном случае у Жирного Лошадника) не появляется растормаживающий стимул. Иными словами, это нейронные цепи, которые включаются по особому сигналу в особое время и при особых обстоятельствах.

Получил ли Жирный растормаживающий стимул до своих цветных видений, было ли у него падение мозговой активности, после которого под действием стимула вновь включились заблокированные цепи, точнее, мета-цепи?

Все эти события имели место в марте 1974-го. Месяцем раньше у Жирного удалили зуб мудрости. Перед операцией хирург вколол ему хорошую дозу пентатола натрия. Позже в тот день, дома, мучаясь от боли, Жирный попросил Бет позвонить, чтобы ему доставили обезболивающее. Как ему ни было худо, дверь курьеру Жирный открыл сам. Курьером оказалась симпатичная темноволосая молодая женщина. В руке у нее был маленький белый саквояжик с дарвоном-Н, однако Жирному, несмотря на жуткие боли, было наплевать на пилюли — все его внимание приковало блестящее золотое ожерелье на шее девушки, он не мог оторвать от него глаз. Ошалевший от боли — и от пентатола натрия, — измученный операцией, Жирный все же спросил у девушки, что значит символ в центре ожерелья: схематическое изображение рыбы.

Дотронувшись до золотой рыбки тонким пальцем, девушка сказала:

— Этот знак использовали ранние христиане.

Тут с Жирным случился флэшбэк — мгновенная ретроспектива. Он вспомнил — всего лишь на какие-то полсекунды — Древний Рим и себя в обличье раннего христианина. Весь древний мир и собственная тайная, в постоянном страхе жизнь катакомбного христианина, преследуемого римскими властями, все это мгновенно предстало перед внутренним взором

Жирного... а потом он вновь оказался в Калифорнии 1974 года, где девушка протягивала ему белый саквояжик с таблетками.

Месяцем позже, ворочаясь в кровати не в силах уснуть, в полумраке, под бормотание радиоприемника, Жирный увидел странные плавающие цветочные пятна. Затем радио принялось выстреливать в него пронзительные уродливые фразы. А через два дня световой поток обрушился на Жирного с такой силой, что казалось, будто сам он несется навстречу этому потоку, все быстрее и быстрее. Затем, как я описывал в «Помутнении», расплывчатые цвета резко сфокусировались и предстали в виде современных абстрактных картин. Буквально десятки миллионов их мелькали перед Жирным с невероятной скоростью.

Мета-цепи в мозгу Жирного активизировались при помощи золотой рыбки и слов, произнесенных девушкой-курьером.

Вот так все просто.

А еще несколько дней спустя Жирный проснулся и увидел Древний Рим, наложенный на Калифорнию 1974

года, и начал думать на койне — просторечном языке ближневосточной части Римской империи. Жирный не знал, что разговорным языком там был койне, он всегда думал, что в Римской империи говорили на латыни. А вдобавок ко всему, как я уже указывал, Жирный даже не понял, что это какой-то другой язык.

Жирный Лошадник живет в двух разных временах и двух разных местах? то есть в двух пространственно-временных континуумах. Вот что случилось через месяц после того, как он увидел древний символ рыбы: оба его пространственно-временных континуума перестали быть раздельными и слились. И обе личности Жирного тоже слились.

Позже он слышал в своей голове голос, который говорил:

— Кто-то еще живет во мне, и он не из нынешнего времени.

Так что другая личность тоже догадалась, в чем дело. Другая личность мыслила. И Жирный — особенно перед сном — мог слышать мысли этой другой личности. По крайней мере мог еще месяц назад, а с момента слияния прошло четыре с половиной года.

Сам Жирный очень хорошо мне все объяснил в начале 1975-го — он тогда начал делиться со мной. Он называл личность, живущую в нем и в другом времени и месте, Фомой.

— Фома, — говорил Жирный, — умнее меня и знает больше. Из нас двоих Фома главный.

Жирный полагал, что это хорошо, куда лучше, чем иметь в качестве второй личности преступника или тупицу.

Я сказал:

— Ты имеешь в виду, что когда-то был Фомой. Ты — реинкарнация Фомы и помнишь его и...

— Нет, он живет сейчас. Живет в Древнем Риме *сейчас*. И он — не я. Реинкарнация тут ни при чем.

— Но твое тело!..

Жирный посмотрел на меня и кивнул:

— Точно. Значит, мое тело либо существует в двух пространственно-временных континуумах одновременно, либо не существует вообще нигде.

14. Вселенная есть информация, и мы статичны в ней — не трехмерны, не существуем ни в пространстве, ни во времени. Полученную информацию мы ипостатируем в материальный мир.

Параграф 30, подводящий итог. Мир явлений не существует — это гипостазис информации, производимой Разумом.

Жирный до смерти перепугал меня. Он вывел параграфы 14 и 30 из собственного опыта, когда обнаружил, что в нем есть кто-то еще, и этот кто-то живет в другом месте и в другое время — на расстоянии восьми тысяч миль и двух тысяч лет.

Мы не индивидуальны. Мы лишь точки в едином Разуме и должны существовать раздельно друг от друга. Однако Жирный случайно получил сигнал (золотую рыбку),

предназначавшийся Фоме. Это Фома имел дело с символом рыбы, вовсе не Лошадник. Если бы девушка не объяснила, что означает рыбка, ничего бы не случилось. Пространство и время стали для Жирного — и для Фомы! — видимыми. Глазам Жирного открылись одновременно две реальности, и, по-видимому, то же самое произошло с Фомой. Фома небось гадал, что это за чужой язык звучит в ЕГО голове. А потом понял, что и голова-то не его.

— Кто-то еще живет во мне, и он не из нынешнего времени.

Так думал Фома, а не Жирный. Хотя все это можно отнести и к Жирному.

У Фомы, однако, было преимущество. Как сказал Жирный, Фома был умнее, он стал главным. Он взял Жирного под контроль: переключил его с вина на пиво, подстриг бороду, стал пытаться водить машину... Но что самое важное, Фома вспомнил — если можно употребить здесь это слово — других себя. Одного на Крите Миносском, за три тысячи лет до римского Фомы — куда как давно. Фома даже вспомнил себя еще раньше — себя, прилетевшего на эту планету со звезд.

Фома жил и в позднем неолите. И в качестве раннего христианина в апостольские времена. Он не видел Христа, но знал людей, которые его видели, — Бог мой, когда я пишу такое, то едва не теряю контроль над собой. Фома придумал, как возродиться после физической смерти — все ранние христиане знали как. Посредством воспоминания. Система должна была работать следующим образом: прежде чем умереть, Фома поместит свою энграмму в символ раннего христианства — рыбу, съест какую-то странную розовую — такого же цвета, как видения Жирного, — странную розовую пищу, запьет ее питьем из священного сосуда, хранящегося в холодном месте, а когда возродится, то будет расти совсем другой личностью, пока ему не покажут символ рыбы.

Фома полагал, что это произойдет примерно лет через сорок после его смерти. Тут он ошибся — понадобилось почти две тысячи.

Вот таким образом, при помощи такого механизма, время было упразднено. Точнее, была упразднена тирания смерти. Обещание вечной жизни, предложенное Христом своим немногочисленным последователям, не было ложью. Христос научил их, как действовать — тут все дело в бессмертном плазмате, о котором говорил Жирный. Это живая информация, век за веком скрывающаяся в Наг-Хаммади.

Римляне выявили и убили всех гомоплазматов, коими являлись ранние христиане. Христиане умерли, а их плазматы отравились в Наг-Хаммади и перенесли информацию на скрижали.

Так было до 1945 года, когда библиотеку нашли, раскопали и прочитали. Поэтому Фоме пришлось подождать не сорок лет, а две тысячи. Одной золотой рыбки недостаточно — бессмертие, уничтожение времени и пространства, достигается только при посредстве Логоса или плазмата. Только он бессмертен.

Мы говорим о Христе. Христос — внеземная форма жизни, которая прибыла на нашу планету много тысяч лет назад и, будучи живой информацией, вошла в мозг человеческих существ, уже живших здесь. Мы говорим о межвидовом симбиозе.

До того как стать Христом, он был Элией. Евреи знали все о бессмертии Элии — и его способности делиться бессмертием с другими путем «разделения духа». Люди Кумрана знали об этом и искали способ получить частичку духа Элии.

Ты видишь, сын, здесь время превращается в пространство.

Сначала вы превращаете время в пространство, затем идете сквозь него. Однако Парсифаль осознал, что сам он не двигался; он стоял на месте, а изменился, претерпел метаморфозу пейзаж. Наверное, какое-то время Парсифаль наблюдал двойную экспозицию, наложение, как и Жирный. Это время-сон, оно существует сейчас, а не в прошлом, когда жили и творили свои деяния герои и боги.

Шокирующим умозаключением, к которому пришел Жирный, стала его концепция вселенной как иррациональной и управляемой иррациональным разумом, Божественным Создателем. Если считать вселенную рациональной, тогда что-либо, проникающее в нее извне, будет выглядеть иррациональным, поскольку не принадлежит ей. Жирный, поставив все с ног на голову, увидел рациональное, проникающее в иррациональное. Бессмертный плазмат проник в наш мир, и плазмат этот абсолютно рационален, тогда как наш мир — нет. В этом основа

Лошадникова видения мира. Его отправная точка.

Две тысячи лет единственный рациональный элемент в нашем мире спал. В 1945-м он пробудился, вышел из зародышевого состояния и начал расти. Он прорастал в себя самого и в некоторых людей. И вовне, в макромир.

Как я уже говорил, Жирный не мог детерминировать его значение. Когда нечто начинает проникать в мир — это не шутка. Если это нечто — злое или безумное, тогда ситуация не просто серьезна, она зловеща. Впрочем, Жирный рассматривал происходящее по-другому, совсем как Платон в своей космологии: рациональный разум (*ноос*), сдерживает иррациональное (случай, слепой детерминизм, *анапке*).

Процесс этот прервала Империя.

«Империя бессмертна».

Так было до сегодняшнего дня, до августа 1974 года, когда Империи был нанесен сокрушающий, возможно даже смертельный удар. Нанесен бессмертным плазматом, который наконец возвратился к жизни и использует людей в качестве своих агентов.

Жирный Лошадник был одним из этих агентов. Так сказать, руками плазмата, протянутыми к горлу Империи.

Из всего вышесказанного Жирный заключил, что избран для некой миссии, а плазмат овладел им, чтобы использовать в благом деле.

Мне самому тоже одно время снилось другое место — озеро на севере, и усадьбы, и маленькие сельские домишки на его южном берегу. Во сне я прибывал туда из Южной Калифорнии, где живу. Я знал, что это местечко — курорт, хотя и очень старомодный. Дома все деревянные, из коричневых досок, так популярных в Калифорнии перед Второй мировой войной. Пыльные дороги, старые автомобили.

Странно то, что на самом деле в северной части Калифорнии такого озера не существует. В реальной жизни я проехал всю Калифорнию на север до границы с Орегон и сам Орегон. Семьсот миль сухой равнины — ничего больше.

Где же это озеро — и дома, и дороги вокруг него — существует на самом деле? Оно снилось мне несчетное количество раз. Во сне я знал, что нахожусь в отпуске и что мое настоящее убежище — в Южной Калифорнии, иногда я ехал на машине домой, в графство Оранж. Однако по возвращении оказывалось, что я живу в доме, хотя на самом деле снимаю квартиру. Во сне я женат, тогда как в реальной жизни — холост. Что совсем уж странно: моя жена — женщина, которую я никогда в жизни не видел.

Вот один из снов: мы с женой в садике позади нашего дома поливаем и подстригаем розы. Я вижу соседний дом — особняк, отделенный от нашего цементной стеной. Стена украшена вьющейся дикой розой. Я с граблями в руках иду мимо пластиковых мусорных баков, которые мы наполняем обрезками веток, вижу жену — она что-то поливает из лейки, — смотрю на украшенную дикими розами стену, и мне хорошо. Невозможно было бы счастливо жить в Южной Калифорнии, не будь у нас этого милого домика с чудесным садом. Мне бы хотелось владеть соседней усадьбой, и я каким-то образом попадаю туда, гуляю по большому саду. На жене моей голубые джинсы. Она стройна и привлекательна.

Просыпаясь, я думаю, что надо бы съездить на то северное озеро — там так же чудесно, как и здесь, где у меня есть жена, сад и дикие розы, даже лучше. И тут я осознаю, что на дворе январь, и к северу от Залива в предгорьях лежит снег — не самое подходящее время, чтобы жить в хижине на озере. Придется подождать до лета, тем более что я не очень хороший водитель. Хотя машина у меня вполне ничего, почти новый красный «капри».

А потом, по мере того как я все больше просыпаюсь, я начинаю понимать, что живу один в квартире в Южной Калифорнии. У меня нет жены. Нет дома с садом и стеной, увитой дикими розами. Что еще удивительнее — у меня нет хижины на берегу озера на севере, более того, в Калифорнии вообще нет такого озера. Карта, которую я видел во сне, — ненастоящая. На ней вовсе не Калифорния. Так какой же штат на ней изображен? Вашингтон? На севере штата Вашингтон есть какая-то вода, мы пролетали над ней, когда я возвращался из Канады. А еще однажды я был в Сиэтле.

Кто такая моя жена? Я не просто холостяк, я вообще никогда не был женат и в глаза не

видел этой женщины.

И в то же время во сне я испытывал к ней глубокое, знакомое чувство — любовь, которая бывает только после многих лет жизни вдвоем. Но как я могу знать это, если никогда в моей жизни такого не было?

Встав с постели — вечером я немного вздремнул, — я иду в гостиную и неожиданно замираю, потрясенный искусственной сущностью своего существования. Стереопроигрыватель (он искусственный), телевизор (уж точно искусственный); книги — жизненный опыт из вторых рук — по крайней мере сравнимы с поездкой по широкой пыльной дороге, ведущей к озеру, мимо деревьев, к моей хижине. Какая хижина? Какое озеро? Я помню, как приезжал туда много лет назад. Меня привозила мать. Сейчас я порой летаю самолетом — есть прямой рейс из Южной Калифорнии к озеру... остается только проехать несколько миль от аэродрома. Какой аэродром? И главное, как я могу жить этой эрзац-жизнью в пластиковой квартире, один, без нее, без моей стройной жены в голубых джинсах?

Если бы не Жирный Лошадник и не его встреча с Богом, или Зеброй, или Логосом, если бы не другая личность, живущая в его голове и в то же время в другом времени и другом месте, я считал бы свои сны не более чем снами. Но я помню статьи в газетах о людях, живущих у озера: они принадлежат к небольшой религиозной секте, что-то вроде квакеров (меня воспитывали квакером), с той лишь разницей, что эти убеждены — нельзя класть детей в деревянные колыбели. Это их особое еретическое убеждение. Дело в том, что — я прямо вижу перед собой страницу газеты — среди них время от времени рождаются колдуны. А если положить ребенка-колдуна в деревянную колыбель, он постепенно утратит свои способности.

Сны о другой жизни? Но где? Постепенно карта Калифорнии, карта-фальшивка, тает перед глазами, а с ней тает и озеро, тают дома, дороги, люди, машины, аэропорт, тают члены религиозной секты с их специфическим отношением к деревянным колыбелям...

Единственная связь между снами и реальным миром — мой красный «капри».

Почему этот единственный элемент существует в обоих мирах?

Говорят, что сны — контролируемый психоз или, другими словами, психоз — сон, прорывающийся в реальность перед пробуждением. Как объяснить мой сон, в котором есть женщина, которую я никогда в жизни не видел, но к которой испытываю настоящую, умиротворенную любовь? Может, у меня в голове, как и в голове Жирного, существует еще одна личность? Только в моем случае нет никакого символа, случайно включившего эту личность и позволившего ей прорываться в мою реальность.

Может, все мы такие же, как Жирный Лошадник, только не знаем этого?

В скольких мирах мы существуем одновременно?

Еще не совсем проснувшись, я включаю телевизор и пытаюсь смотреть программу под названием «Старые добрые деньки с Диком Кларком, часть вторая». На экране появляются слабоумные, несущие идиотскую околесицу; ребятишки с физиономиями дебилов взрываются восторженными криками, услышав очередную банальность. Я выключаю телевизор — нужно покормить кошку. Какую кошку? В моем сне у нас с женой нет домашних животных, у нас прелестный домик с большим, ухоженным садом, где мы любим проводить уик-энды. Гараж на две машины... Внезапно я осознаю, что дом весьма недешевый — я неплохо зарабатываю во сне. Я живу жизнью верхнего среднего класса.

Это не я. Я никогда так не жил, а если бы и жил, то чувствовал бы себя неловко. Благополучие и собственность смущают меня — я вырос в Беркли и обладаю типичными для Беркли левыми взглядами, несовместимыми с сытой жизнью.

Во сне я владею и собственностью на берегу озера. Вот только чертов «капри» один и тот же. Я недавно купил новенький «капри» — не совсем та машина, которую я могу себе позволить; этот автомобиль больше подходит личности из моего сна. Таким образом, сон логичен. Там эта машина как раз для меня.

Через час после пробуждения я по-прежнему вижу мой сон внутренним взором — или как его там, третьим глазом? Моя жена в голубых джинсах тянет садовый шланг по цементной подъездной дорожке. Мне хочется стать владельцем усадьбы по соседству с моим домом. Хочется ли? Я презираю богачей. Кто я? СКОЛЬКО меня? Где я? Маленькая пластиковая квартирочка в Южной Калифорнии — это не мой дом, но вот, как мне кажется, я проснулся, и я

живу именно здесь. Вместе с телевизором (привет, Дик Кларк), и стереосистемой (привет, Оливия Ньютон-Джон), и книгами (привет, девять миллионов экземпляров занудства).

По сравнению с моей жизнью во взаимопроникающих снах эта одинокая, паршивая жизнь ничего не стоит — она совершенно не подходит интеллигентному образованному человеку.

Где розы? Где озеро? Где стройная, улыбочивая, привлекательная женщина, сматывающая зеленый садовый шланг?

Нынешний я по сравнению со мной в снах — жалкий бедолага, который лишь думает, что живет полной жизнью. В снах я вижу, что такое по-настоящему полная жизнь. Совсем не то, что я имею на самом деле.

Тут ко мне приходит странная мысль. Я не слишком близок с отцом. Ему сейчас за восемьдесят, и он живет в Северной Калифорнии, в Менло-Парке. Я навестил его всего лишь дважды, да и то двадцать лет назад. Его дом был похож на тот, в котором я живу во сне. Его стремления перекликаются с желаниями человека из моих снов. Может, во сне я стал своим отцом? Мужчина в моем сне — я! — был примерно моего возраста или моложе. Да! Это можно понять по моей жене — прилично моложе.

Во сне я возвращаюсь назад во времени, но не в свою молодость, а в молодость отца. Во сне я разделяю взгляды отца на то, что такое хорошая жизнь, как все должно быть устроено. Я разделяю его взгляды даже через час после того, как проснусь. Ясно, почему после пробуждения меня раздражает моя кошка — отец терпеть не мог кошек.

Лет за десять до моего рождения отец часто ездил на север, на озеро Тахо. Возможно, у них с матерью была там хижина. Не знаю, никогда там не был.

Филогенетическая память, память поколений. Не моя личная, онтогенетическая память. Как говорят: «Филогенез обобщается онтогенезом». Индивид содержит в себе историю всей расы, вплоть до ее истоков. Назад, в Древний Рим, в Минос на Крите; назад, к звездам. Генетическая память, память ДНК.

Тогда вполне объясним случай с Жирным Лошадником, когда рыба — символ христианства — пробудила личность, жившую две тысячи лет назад. Дело в том, что самому символу две тысячи лет. Покажи кто Жирному другой, более древний символ, и он погрузился бы в прошлое еще дальше. В конце концов, условия для этого были идеальные — Жирный как раз пытался завязать с пентатолом натрия, «сывороткой правды».

У Жирного, правда, другая теория. Он считает, что сейчас на дворе 103 год общей эры (то есть нашей эры, черт бы побрал Жирного с его хипповым модернизмом!). На самом деле мы живем в апостольские времена, но слой *майи*, или того, что греки называли «*dokos*», меняет ландшафт. Вот ключ к концепции Жирного: *dokos* — иллюзорное наслоение, которое мы видим. Мы имеем дело со временем, с тем временем, которое реально.

Прочитую Гераклита на свой страх и риск, не испрашивая разрешения Жирного: «Время — ребенок, играющий в шахматы; царство ребенка». Господи, и что это значит? Вот что говорит Эдвард Хасси об этом фрагменте: «Здесь, как, возможно, у Анаксимандра, „Время“ есть имя Бога — этимологическое определение его вечности. Бесконечно древнее божественное — это дитя, играющее в шахматы космическими величинами в соответствии с правилами игры».

Иисусе Христе, с чем же мы тут имеем дело?

Кто мы, где мы и когда мы?

Сколько нас, в скольких местах и в скольких временах?

Фигуры на доске, которыми двигает «бесконечно древнее божественное», да к тому же «ребенок»!

Скорее назад, к коньячной бутылке! Коньяк успокаивает меня. Временами, особенно после вечера, проведенного с Жирным, мне просто необходимо успокоиться. Меня охватывает пугающее чувство, что Жирный столкнулся с чем-то реальным и потому ужасным. Лично я не желаю ступать на какую-либо новую теологическую или философскую почву. Но мне суждено было встретить Жирного Лошадника, суждено было узнать его и его безумные теории, основанные на встрече Жирного бог знает с чем! Возможно, с истинной реальностью. Что бы это ни было, оно живое и мыслящее. И ни в коей мере не похожее на нас, что бы там ни говорил Иоанн в своем Первом послании в стихе третьем.

Прав был Ксенофан.

«Есть только один бог, и он не похож на нас ни телесной формой, ни мышлением».

Чем не оксюморон: Я НЕ Я? Разве это не вербальное противоречие, утверждение, семантически бессмысленное? Жирный оказался Фомой; если изучить мои сны, можно прийти к заключению, что я — мой собственный отец, женатый на моей матери, когда она была еще молода, то есть задолго до моего рождения.

Думаю, зашифрованное послание: «Время от времени рождаются один-два волшебника» — какое-то сообщение для меня.

Совершенная технология представляется нам формой волшебства, это отметил еще Артур Кларк. Волшебник имеет дело с волшебством, следовательно, «волшебник» — это некто, обладающий высокоразвитой технологией, которую мы не понимаем.

Некто играет в шахматы со временем, кто-то, кого мы не можем видеть. Это не Бог. Бог — архаичное имя, данное этому некто людьми прошлого, ограниченными архаичным мышлением. Нужен новый термин, но то, с чем мы имеем дело, — отнюдь не ново.

Жирный Лошадник способен путешествовать во времени на тысячи лет в прошлое. Трехглазые люди, возможно, живут в далеком будущем, они — наши высокоэволюционировавшие потомки. Не исключено, что именно их технология позволила Жирному совершать его путешествия. Собственно говоря, главная личность Жирного может существовать не в прошлом, а, напротив, в далеком будущем, и она выразила себя в форме Зебры. Я имею в виду те огни святого Эльма, которые Жирный распознал как живые и мыслящие — его собственные потомки, проявляющиеся в нашем времени.

8

Я не собирался сообщать Жирному, что, по моему мнению, его встреча с Богом — не что иное, как встреча с самим собой из далекого будущего. С самим собой эволюционировавшим, изменившимся и уже не являющимся человеческим существом. Жирный вспомнил время рождения звезд и встретил существо, готовое вернуться к звездам, а по пути, в разных точках временной линии, встретил еще нескольких себя. И все они — один и тот же человек.

13. Паскаль сказал: «Вся история — это один бессмертный человек, который постоянно учится». Бессмертный, которому мы поклоняемся, не зная его имени. «Он жил давным-давно, но жив и сейчас». И еще: «Аполлон вот-вот вернется». Имя изменилось.

В какой-то момент Жирный предположил правду: он встретился со своими прошлыми «я» и с будущими «я» — с двумя из них, один из которых более ранний (трехглазый человек), а другой — Зебра, у которой вообще нет физического тела.

Каким-то образом время для Жирного перестало существовать, и многократное повторение его «я» на линейной временной оси превратилось во множество Жирных, собранных в одном месте.

Из этого множества образовалась Зебра — супер — или транстемпоральная энергия, чистейшая живая информация. Бессмертная, милостивая, разумная и полезная. Квинтэссенция рационального человеческого существа.

В центре иррациональной вселенной, управляемой иррациональным Разумом, находится рациональный человек, и Жирный Лошадник — всего лишь один из примеров.

Божественное, с которым он столкнулся в 1974-м, — на самом деле сам Жирный. Однако Лошаднику нравилось считать, что он встретил Бога.

По некотором размышлении я решил не посвящать Жирного в свои теории. В конце концов я могу и ошибаться.

Все дело во времени. «Время можно преодолеть», — писал Мирча Элиаде. Вот в чем вся штука. Великая тайна Элевсина, орфиков, ранних христиан, Сераписа, тайных греко-римских верований, Гермеса Трисмегиста, герметических алхимиков Возрождения, Братства

Розенкрейцеров, Аполлония Тианского, Симона Волхва, Асклепия, Парацельса, Бруно состоит в уничтожении времени. Для этого существуют специальные методики. Данте обсуждает их в своей «Божественной комедии».

Речь идет о, так сказать, потере амнезии. Когда теряется способность забывать, истинные воспоминания простираются назад и вперед, в прошлое и будущее, а также, как ни странно, в параллельные вселенные, то есть как линейно, так и ортогонально.

Вот почему Элию можно назвать бессмертным: он вошел в верхний уровень (термин Жирного) и больше не является субъектом времени. Время есть то, что древние называли «астральным детерминизмом». Целью мистерий было освободить инициата от астрального детерминизма, грубо говоря — от времени. Жирный так написал в своем трактате:

48. Есть два уровня, верхний и нижний. Верхний уровень, происходящий из гипервселенной №1, или Ян, — Первой формы Парменида, чувственный и волевой. Нижний уровень, или Инь, — Вторая форма Парменида, уровень механический, управляемый чем-то слепым, детерминистическим и лишенным разума, поскольку происходит из мертвого источника. В древние времена это называли «астральным детерминизмом». Мы заключены в нижнем уровне, однако посредством таинств и при помощи плазматов можем вырваться оттуда. Пока не разрушен астральный детерминизм, мы даже и не подозреваем о нем, настолько мы закрыты. «Империя бессмертна».

Сиддхартха, он же Будда, помнил все свои прошлые жизни. Вот почему его назвали Буддой, то есть «просветленным». От него знание, как достичь такого состояния, перешло к грекам и проявилось в учении Пифагора, который держал большую часть этого оккультного, мистического гнозиса в тайне. Его ученик Эмпедокл, однако, порвал с пифагорейцами. Эмпедокл говорил друзьям, что он Аполлон. Он тоже, как Будда и Пифагор, мог вспомнить свои прошлые жизни. О чем никто из них не упоминал, так это о способности «помнить» жизни будущие.

Трехглазые люди, которых видел Жирный, представляли собой просветленную стадию его эволюционного развития на протяжении множества жизней. В буддизме такая способность видеть уход и возрождение живых существ называется «сверхчеловеческий божественный глаз», или *dibba — cakkhu*. Гаутама Будда (Сиддхартха) достиг этого состояния во время второй медитации (с десяти вечера до двух ночи). Во время первой медитации (с шести до десяти вечера) он обрел знание обо всех — повторяю, обо ВСЕХ — своих прежних воплощениях, *pubbeni — vasanussati — nana*.

Жирному я этого не говорил, но технически он стал Буддой. Вряд ли мне стоило его просвещать. В конце концов, если уж ты Будда, должен сам догадаться.

Меня удивляет парадокс, что Будда — просветленный — не способен за четыре с половиной года догадаться, что он просветленный. Жирный с головой погрузился в свою нескончаемую экзегезу, тщетно пытаясь понять, что же с ним произошло. Он напоминал скорее жертву дорожно-транспортного происшествия, нежели Будду.

— Мать честная! — выразился Кевин по поводу Зебры. — Что еще за чушь?

Кевину мозги не запудришь. Он считает себя этаким ястребом, от которого не укрыться кролику очковтирательства. Толку от Кевина для экзегезы не было никакого, однако он оставался добрым другом Жирного. Кевин действовал по принципу «Осуждай деяния, но не исполнителя».

В те дни Кевин чувствовал себя прекрасно. Еще бы, ведь его отрицательное отношение к Шерри получило подтверждение. Это сплотило Кевина и Жирного. Кевин знал Шерри цену, как там у нее или нет. В конце концов, тот факт, что Шерри умирала, не играл для него никакой роли. Он вообще считал, что ее рак — чистой воды жульничество.

Идефиксом Жирного в те дни, когда он все больше и больше волновался за Шерри, было предположение о том, что вскоре возродится Спаситель, а может, и уже возродился.

Что Жирный будет делать, когда Шерри умрет? Так орал ему Морис. Что, он тоже умрет?

Вовсе нет. Жирный, который все время размышлял, писал, получал разнообразные

послания от Зебры, пришел к заключению, что ему следует отправиться на поиски Спасителя. Надо во что бы то ни стало отыскать его.

Вот в чем состояла миссия, божественное предназначение, бремя волшебного света, возложенное на Жирного Зеброй в марте 1974-го. Лошаднику, уже будучи святым, надлежало стать волхвом наших дней. Ему недоставало лишь ключа, подсказки, где искать. Зебра сообщила ему, что подсказка придет от Бога. В этом, собственно, и состояла цель теофании Зебры: направить Жирного по такому пути.

Наш приятель Дэвид поинтересовался:

— Это будет Христос?

Таким образом он давал понять, что является католиком.

— Это пятый Спаситель, — загадочно ответил Жирный.

В конце концов Зебра сообщала о пришествии Спасителя в нескольких — и в какой-то мере противоречащих друг другу — обличьях: как Святая София, которая есть Христос; как Аполлон; как Будда, или Сиддхартха.

Весьма эклектичный в терминах своей теологии, Жирный составил список спасителей: Будда, Заратустра, Иисус и Абу аль-Касим Мохаммед ибн Абдалла Абд аль-Мутталиб ибн Хашим (то есть Мохаммед). Иногда он еще включал в свой список Мани. Таким образом, порядковый номер следующего Спасителя — пятый в сокращенном списке и шестой в более длинном. Временами Жирный включал в список Асклепия, и тогда Спаситель оказывался под номером семь.

В любом случае грядущий Спаситель должен стать последним, и он будет царем и судьей над народами и людьми. Добрые души (они же светлые) будут отделены от злых (темных). Маат положит свое перо на чашу весов, где на другой чаше взвешивается сердце каждого человека, а Осирис выступит в качестве судьи. Беспокойное будет времечко.

При этом полагается присутствовать и Жирному. Возможно, чтобы подавать Высшему Судие Книгу Жизни, упоминаемую пророком Даниилом.

Мы все указали Жирному на то, что Книга Жизни — в которой числятся имена спасенных — наверняка слишком тяжела для одного человека. Могут понадобиться лебедка и подъемный кран.

Жирного это не смутило.

— Подождем, пока Высший Судия не увидит мою мертвую кошку, — сказал Кевин.

— Достал ты со своей долбаной кошкой! — возмутился я. — Все уже устали слушать про твою дохлую кошку.

После того как Жирный поделился с нами своими хитрыми планами поиска Спасителя — ему было все равно, как далеко и долго придется искать, — я осознал очевидное: на самом деле Лошадник ищет мертвую девушку по имени Глория, в чьей смерти считает себя виноватым. Он полностью подменил религиозную жизнь и религиозные цели эмоциональными целями и эмоциональной жизнью. Для него Спаситель — то же самое, что потерянный друг. Жирный хотел воссоединиться с Глорией, но по эту сторону могилы. Раз нельзя пойти за ней в загробный мир, найдем ее здесь.

Так что Жирный хоть и бросил суицидальные мысли, все равно остался чокнутым. Впрочем, по-моему, это прогресс: Танатос уступил место Эросу.

Как заметил Кевин:

— Может, в своем странствии он хоть с кем-то перепихнется.

К моменту отправления в священное странствие Жирному, по-видимому, придется искать уже двух мертвых девушек — Глорию и Шерри.

Эта усовершенствованная версия саги о святом Граале заставила меня задуматься: а не такая ли эротическая подоплека служила побудительным мотивом для рыцарей Грааля в замке Монсальват, где оказался Парсифаль, столь возбужденный игрой с девушками? Вагнер говорит, что путь в замок могут найти лишь те, кого призывает сам Грааль. Христова кровь с креста была собрана в ту же чашу, что он испил на Тайной Вечере, так что в этой крови присутствовал и эротизм Христа. По сути, именно кровь, а не Грааль, призвала рыцарей, бессмертная кровь. Подобно Зебре, содержимое Грааля представляло собой плазму или, по определению Жирного, плазмат. Возможно, где-то в своей экзегезе Жирный написал, что Зебра тождественна плазмату,

тождественному святой крови распятого Христа.

Кровь, пролитая девушкой, разбившейся о тротуар в Окленде, звала Жирного, который, как и Парсифаль, был полным дураком. Вот что, по-видимому, значит слово «парсифаль» — оно произошло от «Фальпарси», арабского слова, обозначающего «полный дурак». На деле, конечно, все не совсем так, хотя в опере Кундри обращается к Парсифалью именно «Фальпарси». В действительности имя «Парсифаль» произошло от «Персиваля» — просто имени.

Остается, однако, один интересный момент: персы идентифицировали Грааль с дохристианским *lapis exilix*, что означает «магический кристалл». Кристалл этот позднее обнаруживается в герметической алхимии в качестве агента, при помощи которого происходят человеческие метаморфозы. В соответствии с Лошадниковой концепцией межвидового симбиоза, человек был соединен с Зеброй, или Логосом, или плазматом, дабы получился го-моплазмат. Жирный верил, что сам он вступил в симбиоз с Зеброй, превратившись таким образом именно в то существо, которое мечтали создать герметические алхимики. Тогда становится совершенно понятным его стремление отправиться на поиски Грааля — это были бы поиски друга, себя самого и дома родного.

В роли злого волшебника Клигзора выступил Кевин, он постоянно высмеивал идеалистические устремления Жирного. По Кевину, Жирный просто сексуально озабочен. Он считал, что в Лошаднике Танатос — смерть — борется с Эросом, однако, по определению Кевина, Эрос — вовсе не жизнь, а желание затащить кого-нибудь в койку. Может, он был и недалек от истины: я имею в виду диалектическую борьбу, происходящую в голове Жирного. Одна часть Лошадника стремилась умереть, другая жаждала жить. Танатос способен принимать любую форму, он может убить Эроса, а потом притвориться им. Как только Танатос проделывает с вами такой фокус, вы попадаете в большие неприятности: думаете, что вами движет Эрос, а на самом деле это замаскировавшийся Танатос.

Я очень надеялся, что Жирный не угодил в такую ловушку, надеялся, что его желание искать и найти Спасителя имеет своей природой Эрос.

Истинный Спаситель — или истинный Бог — несет с собой жизнь, он сам жизнь. Любой «спаситель», или «бог», который несет смерть, — на самом деле Танатос в обличье Спасителя. Вот почему Иисус показал себя истинным Спасителем — хотя и не желал открывать себя, — когда совершал чудеса исцеления. Но люди-то понимали, на что указывают эти чудеса. В самом конце Ветхого Завета есть чудесный отрывок, проясняющий дело. Господь говорит: «А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его, и вы выйдете и възыграете, как тельцы упитанные».

В некотором смысле Жирный надеялся, что Спаситель излечит все, что заболело, и починит то, что сломалось. В глубине души он надеялся, что смерть Глории можно каким-то образом исправить. Вот почему нескончаемые страдания Шерри, ее прогрессирующий рак сбивали Жирного с толку и подрывали основы его веры. В соответствии с устройством вещей, описанным в его экзегезе и основанном на личном контакте Жирного с Богом, Шерри должна бы была идти на поправку.

Жирный пытался осмыслить многое. Хотя технически он понимал, почему у Шерри рак, душой смириться с этим Жирный не мог. Собственно, он не мог принять и тот факт, что Христос, Сын Божий, был распят. Страдания и боль не имели для Жирного смысла, поскольку не вписывались в его великую теорию. Единственный вывод, к которому он смог прийти, состоял в том, что все эти ужасы происходят исключительно из-за иррациональности вселенной и представляют собой публичное оскорбление здравого смысла.

Вне всякого сомнения, Жирный весьма серьезно подошел к поставленной перед ним задаче. Он поприжался и накопил почти двадцать тысяч долларов.

— Не смейся над ним, — попросил я как-то Кевина. — Для него это очень важно.

— Для меня тоже важно от души кого-нибудь оттрахать, — с обычным своим цинизмом заявил Кевин.

— Да брось ты! — сказал я. — Вовсе не смешно.

Кевин в ответ только ухмыльнулся.

А через неделю умерла Шерри.

Как я и предсказывал, теперь на совести Жирного оказались две смерти. Он не смог спасти ни одну из девушек. Если вы Атлас, то должны нести тяжелую ношу — выроните ее, и пострадает множество людей; целый мир людей, целый мир страдания. Не физически, но морально Жирный теперь взвалил на себя этот груз. Привязанные к нему два трупа умоляли о спасении, умоляли, несмотря на то что уже мертвы. Мольбы мертвых — ужасная штука. Лучше бы их не слышать.

Я боялся только, чтобы Жирный вновь не впал в суицидальное настроение и после очередной неудачной попытки самоубийства не угодил в психушку.

Заехав к Жирному, я, к большому своему удивлению, обнаружил его совершенно спокойным.

— Я отправляюсь, — сообщил он мне.

— На поиски?

— Точно.

— Куда?

— Пока не знаю. Начну, а там Зебра меня направит. У меня не было повода отговаривать Жирного — что я мог предложить взамен? Тосковать в квартирке, где они с Шерри когда-то жили? Слушать издевки Кевина? Хуже, ему пришлось бы выслушивать болтовню Дэвида насчет того, как «Господь и зло обращает в добро».

Если что и могло загнать Жирного обратно в палату, обитую резиной, так это попадание под перекрестный огонь Кевина и Дэвида: тупое ханжество против циничной жестокости.

Что добавить? Смерть Шерри и меня застала врасплох. Меня словно на детали разобрали, как игрушку, которую разломали и положили обломки в веселенькой раскраски упаковку, откуда когда-то извлекли.

Я хотел сказать: «Возьми меня с собой, Жирный. Покажи мне путь домой».

Мы сидели и скорбели, и тут зазвонил телефон. Бет жаждала сообщить Жирному, что он на неделю просрочил выплату алиментов.

Повесив трубку, Жирный повернулся ко мне.

— Мои бывшие жены произошли от крыс.

— Надо тебе сматываться отсюда, — сказал я.

— Значит, ты согласен, что мне нужно идти?

— Да, — кивнул я.

— У меня хватит денег, чтобы отправиться куда угодно. Я тут подумывал о Китае. В каком наименее вероятном месте мог бы родиться Он? В коммунистической стране вроде Китая. Или во Франции.

— Почему во Франции? — спросил я.

— Я всегда хотел побывать во Франции.

— Тогда отправляйся во Францию.

— Что будешь делать? — побормотал Жирный.

— Не понял?

— Реклама чеков «Америкен экспресс». «Что будешь делать? Что БУДЕШЬ делать?» Я именно так сейчас себя чувствую. Они правы.

Я сказал:

— Мне нравится ролик, где житель средневековья говорит: «У меня в бумажнике было целых шесть тысяч долларов. Это самое ужасное, что случилось со мной в жизни!» Если *это* самое ужасное, что с ним случилось...

— Да уж, — кивнул Жирный. — Видать, отшельником жил.

Понятно, что стоит перед глазами Жирного: две мертвые девушки. Я поежился и почувствовал, что вот-вот заплачу.

— Она задохнулась, — в конце концов хрипло проговорил Жирный. — Просто задохнулась... не смогла больше дышать.

— Мне ужасно жаль.

— Знаешь, что сказал врач, чтобы подбодрить меня? «Есть болезни и пострашнее рака».

— А слайды не показал?

Мы оба расхохотались. Когда почти с ума сходишь от горя, начинаешь смеяться по

любому поводу.

— Давай сходим в «Сомбреро-стрит», — предложил я. Это хороший ресторан с баром, где я любил бывать. — Я угощаю.

Мы пошли по Мэйн-стрит и устроились в баре.

— А где та маленькая темноволосая леди, с которой вы обычно приходите? — спросила официантка.

— В Кливленде, — ответил Жирный, и мы снова расхохотались.

Официантка помнила Шерри. Это просто невозможно было воспринимать серьезно.

— Как-то раз я сказал этой официантке, — сообщил я, — что у меня сдохла кошка, а потом добавил: «Она упокоилась в Вечности». На что та серьезно заявила: «А моя похоронена в Глендэйле».

Тут мы начали хихикать, представив, насколько погода в Вечности отличается от погоды в Глендэйле. Вскоре мы с Жирным уже так хохотали, что на нас начали оглядываться.

— Давай-ка потише, — сказал я, пытаюсь успокоиться.

— Разве в Вечности не холоднее? — не унимался Жирный.

— Холоднее, зато смога меньше. Жирный сказал:

— Может, там я его и найду.

— Кого? — спросил я.

— Его. Пятого спасителя.

— Помнишь, как Шерри начала принимать курс химиотерапии и у нее выпадали волосы? — спросил я.

— Ага, и плошку с водой для кошки.

— Она стояла рядом с плошкой, а ее волосы падали и падали в воду, и кошка была очень озадачена.

— Что еще за хрень? — озвучил Жирный мысли кошки, — Здесь, в моей плошке с водой?

Он усмехнулся, но веселья в его усмешке не было. Ни один из нас не мог больше веселиться.

— Кевин нас подбодрит, — сказал Жирный. — С другой стороны, — пробормотал он, — может, и не подбодрит.

— Просто нам нельзя сходить с дистанции.

— Фил, если я не найду его, я умру.

— Знаю, — ответил я, и это было правдой. Только Спаситель отделял Жирного Лошадника от самоуничтожения.

— Я запрограммирован на саморазрушение, — сказал Жирный. — И кнопка уже нажата.

— Твои чувства... — начал я.

— Они рациональны, — перебил Жирный. — Учитывая ситуацию. Да. Нет никакого безумия. Просто я должен найти его, где бы он ни был, или умереть.

— Ну, тогда и я умру, — сказал я, — если умрешь ты.

— Верно, — согласился Жирный. — Ты верно сообразил. Ты не можешь существовать без меня, а я не могу существовать без тебя. Мы оба вляпались по уши. Да что это за жизнь, мать ее? Почему в ней происходят такие вещи?

— Ты же сам говорил. Вселенная...

— Я найду его. — Жирный залпом осушил стакан, поставил его на стол и встал. — Пошли обратно ко мне. Хочу, чтобы ты послушал новую пластинку Линды Рон-штадт, «Живущие в США». Классная вещь.

Когда мы выходили из бара, я сказал:

— Кевин говорит, Ронштадт свихнулась. Жирный притормозил у двери.

— Кевин сам свихнулся. Вытащит в день Страшного Суда свою чертову дохлую кошку из-за пазухи, и над ним посмеются так же, как он смеется над нами. Именно этого он и заслуживает — Высшего Судью такого же, как он сам.

— Неплохая теологическая идея, — заметил я. — Оказываешься лицом к лицу с самим собой. Думаешь, ты найдешь его?

— Спасителя? Конечно, найду. Если кончатся деньги, я вернусь домой, подзаработаю и снова отправлюсь искать. Он должен где-то быть. Зебра так сказала. И Фома в моей голове

помнит, что Иисус был здесь совсем недавно. И знает, что он должен вернуться. Они все так радовались, так готовились к встрече. Встрече жениха. Они, черт побери, так веселились, Фил, такие жизнерадостные и возбужденные, носились туда-сюда. Они выбежали из Черной Железной Тюрьмы и все смеялись и смеялись. И они взорвали ее к хренам, Фил, взорвали долбаную тюрьму. Взорвали и убежали прочь... бежали и смеялись и совершенно счастливы. И я был одним из них.

— И снова будешь, — сказал я.

— Буду, — кивнул Жирный, — когда найду его. А пока не найду — не буду. Не могу быть, другого не дано. — Он остановился на тротуаре, руки в карманах. — Я тоскую по нему, Фил, охрещенно тоскую. Я хочу быть с ним, хочу почувствовать, как он обнимает меня. Я видел его — ну, в некотором роде — и хочу увидеть снова. Эта любовь, тепло... эта радость той его части, которая есть я, оттого, что он видит меня, оттого, что он — я, *от узнавания*. Он *узнал* меня.

— Да, — пробормотал я.

— Никто не понимает, каково это — увидеть его, а потом больше не видеть. Уже почти пять лет, пять лет... чего? — Он взмахнул руками. — А что было до того?

— Ты найдешь его, — сказал я.

— Я должен, — ответил Жирный, — иначе я умру. И ты тоже, Фил. И мы оба знаем это.

Глава рыцарей Грааля, Амфортас, получил неисцелимую рану. Клингзор ранил его тем самым копьём, которым был ранен Христос на кресте. Позже, когда Клингзор метнул копьё в Парсифаля, «престец святой» останавливает копьё в воздухе, а потом в воздухе же чертит им крестное знамение, после чего и Клингзор, и его замок исчезают. Они и не были здесь, являясь лишь иллюзией, наложением, которое греки называют *dokos*, а индийцы «покровом майи».

Нет такого, чего не смог бы сделать Парсифаль. В финале оперы Парсифаль прикасается копьём к ране Амфортаса, и тот исцеляется. Амфортас, который мечтал лишь о смерти. А потом повторяются таинственные слова, которых я не понимаю, хотя и читаю по-немецки:

Gessen sei dein Leiden, Das Mitleits huchste Kraft, Und reinsten Wissens Macht Denn zagen Toren gab!

Это один из ключей к истории о Парсифале, «святом простеце», уничтожающем иллюзию Клингзора и исцеляющем Амфортаса. Что это значит?

Блаженство то страданье,
Что робкому глупцу
Дало познания свет
И состраданья мощь!

Понятия не имею, что это значит. Однако знаю, что в нашем случае «престец святой» — Жирный Лошадник — сам страдает от неисцелимой раны. Хорошо, рана нанесена копьём, которое вонзили в бок Спасителю, и только это же самое копьё может ее — рану — исцелить. В опере после исцеления Амфортаса наконец открывается рака (она была закрыта в течение долгого-долгого времени), и является Грааль, и в этот самый миг небесные голоса затягивают:

Erlösung dem Erlöser!

Что очень странно, поскольку означает:

Спаситель, днесь спасенный!

Другими словами, Христос спас сам себя. Для этого существует специальный термин: «*Salvator salvandus*». «Спасенный спаситель».

Факт, что по мере выполнения своей задачи посланник вечности сам претерпевает множество инкарнаций и космическое одиночество, вместе с тем фактом, что он — по крайней мере в иранской мифологии — в некотором смысле есть те, кого он призывает (некогда утерянные части Единого Божественного), дают толчок к появлению теории о «спасенном спасителе» (*salvator salvandus*).

Мой источник весьма уважаем: «Энциклопедия философии», издательство «Макмиллан», Нью-Йорк, 1967 год, статья «Гностицизм».

Я пытаюсь понять, как все это применимо к Жирному. Что за «сострадания мощь»? Как сострадание способно исцелить рану? *И не становится ли таким образом Жирный самим Спасителем — спасенным спасителем?* Похоже, именно об этом и толкует Вагнер. Идея спасителя происходит из гностицизма. Как она попала в «Парсифаль»?

Может, пускаясь на поиски Спасителя, Жирный искал самого себя? Чтобы излечить рану, нанесенную сначала смертью Глории, а потом и Шерри? Но что тогда в нашем мире можно считать аналогом каменной твердыни Клингзора?

То, что Жирный называет Империей?

Черная Железная Тюрьма?

Является ли Империя, которая «бессмертна», иллюзией?

Вот при каких словах Парсифаля каменный замок — и сам Клингзор — исчезает:

Mit diesem Zeichen bann' Ich deinen Zauber. Священный знак сражает злые чары.

Знак, само собой, крест. Спаситель, о котором толкует Жирный, — это, как мы уже выяснили, сам Жирный. Зебра представляет собой все «я», расположенные вдоль оси времени и расслоенные на супер — или транстемпоральные «я»; бессмертные, они собираются вместе, чтобы спасти Жирного.

Впрочем, я не отважусь сказать Жирному, что он ищет сам себя. Он к такому пока не готов, поскольку, как и все мы, жаждет обрести спасителя извне.

«Сострадания мощь» — полная чушь. Никакой мощи у сострадания нет. Жирный дико сострадал Глории, а потом Шерри, и ничегошеньки из этого не произошло. Чего-то явно недоставало. Чувство, знакомое многим, тем, кому приходилось беспомощно смотреть на больного или умирающего человека, или на больное или умирающее животное, ощущать ужасное сострадание, всепоглощающее сострадание, и сознавать, что сострадание это, как бы сильно оно ни было, — совершенно бесполезно.

Рану залечило что-то другое.

Для нас с Кевином и Дэвидом рана Жирного была делом серьезным, рана, которую нельзя исцелить, а сделать это следовало во что бы то ни стало. И способ мы знали: *Жирному необходимо найти Спасителя*. Вот только произойдет ли в будущем такое чудо, когда Жирный придет в себя, осознает, что он и есть Спаситель, и автоматически исцелится?

Ставить на это не рекомендую. Я бы не стал.

«Парсифаль» — одно из тех хитромудрых произведений, что вызывают в вас субъективное чувство, будто вы что-то из него почерпнули, что-то ценное, а может, и бесценное. Однако при ближайшем рассмотрении вы внезапно чешете в затылке и говорите:

— Погодите-ка, да ведь тут нет никакого смысла.

Я так и вижу Рихарда Вагнера, как он подходит к воротам Рая.

— Вы должны пустить меня, — заявляет он. — Я написал «Парсифаля». Там есть о Граале, о Христе, о страдании, сострадании и исцелении. Разве нет?

На что следует ответ:

— Ну, мы почитали и не нашли там никакого смысла.

Бац! Ворота захлопнуты.

Вагнер прав, и они там, за воротами, тоже правы.

Вот такая очередная китайская ловушка.

А может, я чего-то недопонял. Мы имеем дело с дзенским парадоксом. То, что лишено смысла, имеет больше всего смысла. Тут я, ничтоже сумняшеся, лезу в высшие сферы и

начинаю использовать аристотелеву логику. Любой предмет либо «А», либо не «А» (Закон исключенного среднего). Каждый знает, что логика Аристотеля — полная чушь. Я хочу сказать, что...

Будь тут Кевин, он бы уже начал свое «ля-ля-ля». Он всегда начинает нести ахинею, когда Жирный зачитывает из своей экзегезы. Кевин не видит в мудрствованиях никакого смысла. И он прав — если рассмотреть мое бесконечное «ля-ля-ля» в попытках разобраться, как Жирный Лошадник собирается исцелить — спасти — Жирного Лошадника, то от этого «ля-ля-ля» нет никакого толку. Потому что Жирного спасти невозможно. Если бы хоть Шерри поправилась, тогда сгладилась бы горечь от потери Глории. Но Шерри умерла.

Из-за смерти Глории Жирный принял сорок девять таблеток отравы, а мы ждем, что он расправит плечи, отыщет Спасителя (какого Спасителя?) и исцелится. Исцелится от раны, которая еще до смерти Шерри едва не стала для Жирного смертельной. А нынче и Жирного Лошадника, можно сказать, нет. Осталась только рана.

Жирный Лошадник мертв. Утянут в могилу двумя зловердными бабами. Утянут, потому что он болван. Еще одна бессмысленная идея из «Парсифаля», идея, что быть идиотом — очень хорошо. Почему? В «Парсифале» страдания дают идиоту «познания свет».

Как? Почему? Объясните, ради Бога!

Пожалуйста, объясните мне, чего такого хорошего страдания Глории и страдания Шерри принесли Жирному, или хоть кому-нибудь или чему-нибудь? Все это вранье! Злобное вранье! Страдания должны быть уничтожены.

Справедливости ради должен признать, что Парсифаль сделал это, исцелив рану, — Амфортас перестал страдать.

В действительности нам требуется врач, а не копьё. Вот вам сорок пятый отрывок из трактата Жирного:

45. Когда мне было видение Христа, я сказал ему: «Мы нуждаемся в медицинской помощи». В видении присутствовал безумный создатель, который разрушил то, что создал, без всякой цели, так сказать, иррационально. Это большая черта Единого Разума, и Христос — наша единственная надежда, поскольку Асклепия мы позвать уже не можем. Асклепий пришел до Христа, и он оживлял людей, за что Зевс заставил Циклопа убить его при помощи молнии. Христос тоже был убит за свои деяния, ведь и он воскрешал людей. Элия воскресил самого Христа.

«Империя бессмертна»

46. Врач несколько раз приходил к нам под разными именами. Но мы так и не исцелились, поскольку Империя всегда распознавала и вышвыривала врача. На сей раз он уничтожит Империю при помощи фагоцитоза.

Зачастую в экзегезе Жирного больше смысла, чем в «Парсифале». Жирный рассматривает вселенную как живой организм, в который проникла токсичная частица. Эта частица состоит из тяжелого металла, она укоренилась в организме вселенной и отравляет ее. Вселенная вырабатывает фагоцит. Это Христос. Фагоцит окружает токсичную металлическую частицу — Черную Железную Тюрьму — и начинает разрушать ее.

41. Империя есть воплощение, кодификация помешательства. Она безумна и насильно навязывает безумие нам, поскольку насильственна по самой своей природе.

42. Бороться с Империей — значит быть зараженным ее безумием. Парадокс: кто победит сегмент Империи, становится самой Империей; она пролиферирует, подобно вирусу, навязывая собственную форму своим врагам. Таким образом, Империя превращается в своих врагов.

43. Против Империи выступает живая информация — плазмат или врач, известный нам под именем Святого Духа, то есть бестелесного Христа. И так, существуют две противоположности — темная (Империя) и светлая (плазмат). В конце концов Единый Разум отдаст победу плазмату. Каждый из нас умрет или выживет в зависимости от того, на чьей он стороне и что делает. В конце концов в человеке один из компонентов вселенной берет верх. Заратустра знал об этом, поскольку его проинформировал Высший Разум. Он стал первым спасителем

(Жирный упустил Будду. Возможно, он просто не понимает, что такое Будда). Всего спасителей было четыре. Пятый вот-вот должен родиться, и он будет отличен от остальных — он воцарится и будет судить нас.

По-моему, как бы ни изощрялся Кевин в своих издевках над трактатом, Жирный явно наткнулся на что-то важное. Он увидел в действии космический фагоцитоз, в котором каждый человек участвует в той или иной степени. Токсичная металлическая частица есть в каждом из нас: «Что наверху (макрокосм), то и внизу (микрососм или человек)». Мы все ранены, и всем нам требуется врач — Элия для евреев, Асклепий для греков, Христос для христиан, Заратустра для гностиков, последователей Мани и так далее.

Мы умираем, потому что рождены больными — рождены с металлической занозой внутри нас. Мы ранены, как и Амфортас. А когда исцелимся, то станем бессмертными. Мы и были бессмертными, пока металлическая заноза не вонзилась в макрокосм и, соответственно, в каждую из форм микрокосма, то есть во все живое.

Представьте кошку, дремлющую у вас на коленях. Она тоже ранена, только рана пока не видна. Как и Шерри, что-то пожирает ее изнутри. Хотите поспорить? Разложите кошку на временной оси, и в конце получите труп. И тут вдруг случается чудо — невидимый врач оживляет кошку.

Так все живет лишь одно мгновение и спешит навстречу смерти. Растение и насекомое умирают вместе с летом, животное и человек существуют недолго, — смерть косит неустанно. И тем не менее, словно бы участь мира была иная, в каждую минуту все находится на своем месте, все налицо, как будто ничего не умирало и не умирает... Это — бессмертие во времени. Благодаря ему, вопреки тысячелетиям смерти и тления, еще ничего не погибло, ни один атом материи и, еще того меньше, ни одна доля той внутренней сущности, которая является нам в качестве природы. Поэтому в каждое мгновение нам можно радостно воскликнуть: «На зло времени, смерти и тлению мы все еще вместе живем!»

(А. Шопенгауэр. «Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа»)

Шопенгауэр где-то писал, что когда вы видите кошку, играющую во дворе, — это та же самая кошка, которая играла три тысячи лет тому назад. Вот что встретил Жирный в Фоме, в трехглазых людях, а особенно в Зебре, у которой нет физического тела. Древние по этому поводу говорили, что если каждое живое существо *действительно* умирает — как кажется на первый взгляд, — то, значит, жизнь постоянно утекает из вселенной, из бытия. А в таком случае когда-то она должна утечь вся. Однако такого не происходит, следовательно, жизнь каким-то образом *не* превращается в смерть.

Жирный умер вместе с Глорией и Шерри, однако Жирный продолжал жить, как и Спаситель, на поиски которого он собирался отправиться.

9

У «Оды» Вордсворта есть подзаголовок «Предчувствие бессмертия в воспоминаниях раннего детства». В случае Жирного «предчувствие бессмертия» происходило из воспоминаний о будущей жизни.

Вдобавок Жирный не смог написать ни одного мало-мальски приличного стихотворения, как ни пытался. Ему нравилась «Ода» Вордсворта, и он надеялся, что сможет создать нечто столь же замечательное. Увы.

Так или иначе, все мысли Жирного были о предстоящем путешествии. Мысли эти были о чем-то особенном, и однажды он отправился в «Бюро всемирных путешествий» (филиал в Санта-Ане), чтобы пообщаться с дамочкой за стойкой — с дамочкой и ее компьютерным терминалом.

— Да, мы можем отправить вас в Китай неторопливым теплоходом, — жизнерадостно сообщила дамочка.

— Как насчет быстрого самолета? — поинтересовался Жирный.

— Хотите подлечиться в Китае? — спросила дамочка. Жирного вопрос удивил.

— Из западных стран многие летят в Китай за медицинскими услугами, — сказала дамочка. — Даже из Швеции. Цены на медицину в Китае невероятно низкие... впрочем, вам это, должно быть, и так известно. Знаете, там некоторые серьезные хирургические операции стоят долларов тридцать.

Жизнерадостно улыбаясь, она принялась перелистывать буклеты.

— Ага, — сказал Жирный.

— Таким образом можно уменьшить ваши налоги, — доверительно улыбнулась дамочка. — Видите, «Всемирные путешествия» заботятся о вас.

Ирония данного факта поразила Жирного: он, который ищет пятого Спасителя, не обязан упоминать об этом в налоговой декларации.

Когда вечером к нему заглянул Кевин, Жирный поделился последними впечатлениями, ожидая, что тот тоже будет поражен.

У Кевина, однако, было другое на уме. Загадочным тоном он проговорил:

— Как насчет того, чтобы завтра вечером сходить в кино?

— А что за фильм?

Жирный уловил в голосе друга какой-то подтекст. Кевин что-то затевал, но он никогда не выкладывал все начистоту.

— Научно-фантастический, — ответил Кевин, не добавив больше ни слова.

— Ладно, — согласился Жирный.

На следующий вечер он, я и Кевин ехали по Тастин-авеню к маленькому кинотеатрику. Поскольку Кевин с Жирным собирались смотреть научную фантастику, я решил присоединиться к ним по профессиональным соображениям.

Пока Кевин парковал свою «хонду», мы увидели афишу.

— «ВАЛИС», — прочитал Жирный. — С участием «Матушки Гусыни». Что такое «Матушка Гусыня»?

— Рок-группа, — сказал я.

Я был раздосадован — кажется, это вовсе не то, что мне нравится. У Кевина странные вкусы и насчет кино, и насчет музыки, а сегодня, похоже, он решил объединить их.

— Я его видел, — загадочно проговорил Кевин. — Положитесь на меня, вы не будете разочарованы.

— Ты видел фильм? — спросил Жирный. — И собираешься смотреть еще раз?

— Положитесь на меня, — повторил Кевин.

Заняв места в зальчике кинотеатра, мы обратили внимание, что зрители — в основном подростки.

— «Матушка Гусыня» — это Эрик Лэмpton, — сообщил Кевин. — Он написал сценарий и играет главную роль.

— И поет? — поинтересовался я.

— Не-а, — ответил Кевин.

Больше он ничего не добавил. Наступила тишина.

— Зачем мы здесь? — спросил Жирный. Кевин глянул на него, но ничего не ответил.

— Это что-то вроде твоей тошнотной пластинки? — продолжал Жирный.

Однажды, когда Жирный особо страдал от депрессии, Кевин принес ему альбом, который, как он уверял, мгновенно поднимет Лошаднику настроение. Жирный надел свои электростатические наушники «Стакс» и завел пластинку. Там оказалась запись чьей-то блевоты.

— Не-а, — ответил Кевин.

Лампы погасли, подростки сидели тихо, и на экране появились титры.

— Тебе говорит что-нибудь имя Брент Мини? — спросил Кевин. — Он написал музыку. Мини работает с создаваемыми компьютером рандомизированными звуками. Так называемая синхроническая музыка. Выпустил три альбома. Два последних у меня есть, а вот первый никак не найти.

— Значит, штука серьезная? — поинтересовался Жирный.

— Просто смотри, — ответил Кевин. Зазвучали электронные шумы.

— Господи! — с отвращением проговорил я.

На экране появилась громадная цветная клякса; камера наезжала на нее. Низкобюджетная фантастическая поделка, сказал я себе. Из-за таких и у всего жанра паршивая репутация.

Действие началось внезапно: мгновенно исчезли титры, появилось открытое поле, опаленное, коричневое, с редкими кустиками тут и там. Ну, сказал я себе, вот вам и сцена действия.

Джип с двумя военными мчался по полю. Затем через все небо что-то сверкнуло.

— Похоже на метеор, капитан, — сказал один из военных.

— Верно, — задумчиво произнес второй. — Но лучше убедиться.

Я здорово ошибся.

Фильм «ВАЛИС» рассказывает о расположенной в Бербанке маленькой звукозаписывающей фирме «Меритон рекордс», которой владеет гений по части электроники Николас Брейди. Время действия — судя по автомобилям и рок-музыке: предположительно, конец шестидесятых — начало семидесятых, хотя имеются странные несоответствия. Например, Ричард Никсон, похоже, вообще не существует. Президент Соединенных Штатов носит имя Феррис Ф. Фримонт, и он очень популярен. В первой части фильма постоянно мелькают отрывки теленовостей, посвященные кампании по перевыборам Ферриса Фримонта.

Матушка Гусыня собственной персоной — реальная рок-звезда, которую в реальной жизни сравнивают с Боуи, Заппой и Элисом Купером, — в фильме предстает автором песен, который подсел на наркоту. Короче, явный неудачник. Только то, что Брейди продолжает платить ему, позволяет Гусыне выжить. У Гусыни привлекательная, очень коротко стриженная жена — эта женщина выглядит совершенно неземной со своей почти лысой головой и огромными сияющими глазами.

В фильме Брейди строит планы насчет Линды, жены Гусыни (в кино по какой-то причине Гусыня использует свое настоящее имя — Эрик Лэмpton, так что дальше будем говорить о маргиналах-Лэмптонах).

Линда Лэмpton не настоящая, это выясняется довольно скоро. У меня создалось впечатление, что Брейди помимо того, что электронный гений, к тому же еще тот сукин сын. У него есть лазерная система, передающая информацию — так сказать, различные музыкальные каналы — в какой-то миксер, подобного которому не существует в реальности. Проклятая штуковина словно крепость — Брейди и на самом деле входит в нее через дверь и там, внутри, купается в лазерных лучах, которые преобразовывает в звуки, используя в качестве преобразователя собственный мозг.

В одной сцене Линда Лэмpton раздевается. У нее отсутствуют половые органы.

Самая дикая вещь, какую мы с Жирным когда-либо видели.

Брейди тем временем продолжает обхаживать Линду, не подозревая, что сделать-то с ней он ничего не сможет по причинам чисто анатомическим. Это веселит Матушку Гусыню — Эрика Лэмптона, который продолжает ширяться и писать дерьмовые песни. Вскоре становится очевидно, что его мозги выжжены. Сам он, впрочем, об этом не догадывается.

Николас Брейди совершает какие-то загадочные маневры, так как надеется при помощи своей крепости-миксера лазером стереть Эрика Лэмптона с лица земли и со спокойной душой оттрахать Линду Лэмpton, у которой на самом деле отсутствуют половые органы.

Периодически наплывами появляется Феррис Фримонт, озадачивая зрителя тем, что становится все больше и больше похож на Брейди. Брейди, в свою очередь, постепенно превращается во Фримонта. Мы видим Брейди, занятого какими-то важными делами, судя по всему — государственными. Вокруг него бродят с бокалами иностранные дипломаты, а на заднем плане не утихает низкий бормочущий звук — электронный звук, напоминающий те, что рождаются в миксере Брейди.

Я ничегошеньки не понял.

— Ты что-нибудь понимаешь? — шепотом спросил я Жирного.

— Господи, нет, — ответил он.

Заманив Эрика Лэмптона в миксер, Брейди вставляет в аппарат странную черную кассету

и лупит по кнопкам. Зрители видят, как голова Лэмптона взрывается, буквально взрывается, вот только вместо мозгов оттуда во всех направлениях разлетаются крошечные электронные детали. Тут в миксер входит Линда Лэмптон, входит прямо сквозь стену, что-то делает с предметом, который она принесла с собой, а потом Эрик Лэмптон несется обратно во времени. Электронные компоненты влетают обратно в его голову, голова вновь становится целой. Брейди в это время, шатаясь, выходит из здания «Меритон рекордс», глаза его вылезают из орбит...

Переход: Линда Лэмптон собирает своего мужа в единое целое в недрах миксера-крепости. Эрик Лэмптон открывает рот, и оттуда раздается голос Ферриса Ф. Фримонта. Линда в смятении отшатывается.

Переход: Белый дом; Феррис Фримонт, он теперь не похож на Николаса Брейди, он восстановил свою внешность.

— Я хочу, чтобы Брейди был устранен, — мрачно говорит Фримонт, — немедленно.

Двое мужчин в обтягивающей черной униформе, с футуристического вида оружием в руках, молча кивают.

Переход: Брейди торопливо бежит через парковку к своему автомобилю, дела у него — хуже некуда. Камера перемещается на крышу дома, где двое в черных обтягивающих костюмах наблюдают за Брейди в перекрестье оптического прицела. Брейди садится в машину и пытается завести мотор.

Наплыв: толпы молоденьких девушек в красно-сине-белой форме группы поддержки. Но это не группа поддержки, они скандируют:

— Убей Брейди! Убей Брейди!

Рapid: мужчины в черном стреляют. В то же мгновение Эрик Лэмптон оказывается у дверей «Меритон рекордс». Крупный план его лица; глаза Лэмптона становятся словно потусторонними. Люди в черном обращаются в пепел, их оружие плавится.

— Убей Брейди! Убей Брейди!

Тысячи девушек в одинаковой красно-бело-синей Форме. Многие в сексуальном экстазе срывают ее с себя. У них нет репродуктивных органов. Наплыв.

Прошло время. Два Ферриса Фримонта сидят друг напротив друга за массивным ореховым столом. Между ними куб, пульсирующий розовым светом. Это голограмма.

Рядом со мной мычит Жирный. Он подался вперед, не отрывая взгляд от экрана. Я тоже смотрю во все глаза. Я узнаю розовый цвет — тот самый цвет, о котором говорил Жирный, когда рассказывал о Зебре.

Обнаженный Эрик Лэмптон в постели с Линдой Лэмптон. Они сдирают с себя какую-то пластиковую мембрану, и под ней оказываются половые органы. Они занимаются любовью, а потом Эрик Лэмптон соскальзывает с кровати. Он идет в гостиную, ширяется и садится на пол, бессильно повесив голову.

Затемнение.

Общий план. Вид сверху на дом Лэмптонов. Пучок энергии ударяет в дом. Быстрый переход к Эрику Лэмптону — он корчится, словно его пронзают насквозь. Не прекращая конвульсий, обхватывает руками голову. Крупным планом лицо Лэмптона — его глаза лопаются. Зрители ахают, и мы с Жирным тоже.

На месте лопнувших появляются другие глаза. Потом, очень медленно, лоб Лэмптона открывается посередине. Виден третий глаз; у него нет зрачка, вместо него контактная линза.

Эрик Лэмптон улыбается.

Переход в студию звукозаписи. Там какая-то фолк-рок группа. Музыканты играют песню, которая явно их заводит.

— Раньше ты никогда так не писал, — говорит звукооператор.

Наезд на колонки, звук нарастает.

Следующий кадр показывает студийный магнитофон «Ампекс»; Николас Брейди проигрывает запись фолк-рок группы. Брейди дает знак технику у миксера-крепости. Во все стороны сверкают лазерные лучи, звук претерпевает трансформацию. Брейди хмурится, перематывает пленку, опять включает воспроизведение. Слышны слова:

— Убей... Ферриса... Фримонта... убей... Ферриса... Фримонта...

И еще, и еще. Брейди перематывает пленку, снова слушает. Вновь звучит песня Лэмптона, и никакого упоминания об убийстве Фримонта.

Затемнение.

Ни звука.

Затем, медленно, появляется лицо Ферриса Ф. Фримонта. Он хмур, как будто тоже прослушал пленку.

Отъезд. Фримонт нажимает кнопку интеркома.

— Министра обороны ко мне, — говорит он. — Немедленно. Я должен поговорить с ним.

— Слушаюсь, господин президент.

Фримонт садится, открывает папку. Там фотографии Эрика Лэмптона, Линды Лэмптон, Николаса Брейди, а также досье. Фримонт читает досье — и тут сверху в голову его вонзается короткая вспышка розового света.

Фримон моргает, он озадачен, потом неуклюже, словно робот, встает, идет к бумагорезательной машине, на которой написано БУМАГОРЕЗАТЕЛЬНАЯ МАШИНА, и бросает в нее папку вместе с содержимым. Его лицо абсолютно спокойно, он ничего не помнит.

— Министр обороны прибыл, господин президент. Фримонт озадачен.

— Я не вызывал его.

— Но, сэр...

Переход. База ВВС. Запуск ракеты. Крупным планом папка с грифом «Секретно». Папка открывается.

ПРОЕКТ «ВАЛИС»

Голос за кадром:

— ВАЛИС? Что это, генерал? Низкий авторитетный голос:

— Всеобъемлющая Активная Логическая Интеллектуальная Система. Вы никогда...

Все здание вздрагивает, тот же розовый свет. Кадр: стартует ракета, потом вдруг начинает вилять. Взывают сирены. Слышны голоса:

— Опасность взрыва! Опасность взрыва! Прекратить выполнение задания!

Переход: Феррис Ф. Фримонт произносит речь на торжественном обеде, посвященном основанию какого-то фонда, его слушают хорошо одетые люди. Подходит офицер в форме и шепчет что-то на ухо.

Фримонт громко спрашивает:

— Ну что, разобрались с ВАЛИСом? Офицер возбужден:

— Что-то пошло не так, господин президент. Спутник по-прежнему...

Его голос заглушается шумом толпы, толпа чувствует — что-то не так. Хорошо одетые люди превращаются в девушек в одинаковой красно-бело-синей форме. Они стоят неподвижно. Как отключенные роботы.

Финальная сцена. Радостно кричащая толпа. Феррис Фримонт, стоя спиной к камере, обеими руками с растопыренными указательными и средними пальцами показывает толпе «виктори». Судя по всему, его переизбрали. Камера мельком пробегает по вооруженным людям в черном — они внимательно наблюдают за происходящим.

Какой-то ребенок приносит цветы госпоже Фримонт, она оборачивается, чтобы принять их. Феррис Фримонт тоже оборачивается.

Наплыв. Лицо Брейди.

Когда мы ехал домой по Тастин-авеню, Кевин нарушил долгое молчание.

— Вы видели розовый цвет.

— Да, — сказал Жирный.

— И третий глаз с контактной линзой, — продолжал Кевин.

— Сценарий написал Матушка Гусыня? — спросил я.

— Он написал сценарий, был режиссером-постановщиком и сыграл главную роль.

Жирный спросил:

— А он раньше когда-нибудь снимал кино?

— Нет, — ответил Кевин.

— Передача информации, — сказал я.

— В фильме? — спросил Кевин. — По сюжету? Или ты имеешь в виду передачу информации от фильма к зрителям?

— Не уверен, что понимаю... — начал я.

— В фильме есть материалы, действующие на подсознание, — сказал Кевин. — Когда пойду посмотреть его еще раз, возьму с собой кассетный магнитофон на батарейках. Мне кажется, информация закодирована синхронической музыкой Мини.

— Это были другие США, — сказал Жирный. — Там вместо Никсона президентом Феррис Фримонт.

— А Эрик и Линда Лэмптоны — люди или нет? — спросил я. — Сначала они выглядели как люди, а потом оказалось, что у них нет, ну... половых органов. А потом они сняли мембраны, и там были половые органы.

— Когда у него взорвалась голова, — заметил Жирный, — она оказалась набита компьютерными детальками.

— А вы заметили горшочек? — поинтересовался Кевин. — На столе Николаса Брейди? Маленький глиняный горшочек, точь-в-точь как тот, что эта девушка...

— Стефани, — сказал Жирный.

— ...сделала для тебя.

— Нет, — сказал Жирный. — Не заметил. В фильме было столько мелких деталей, и они мелькали так быстро...

— Я в первый раз тоже его не заметил, — кивнул Кевин. — Он появляется в разных местах, не только на столе Брейди. Один раз в офисе президента Фримонта, в углу, где заметить его можно только боковым зрением. Потом в разных местах в доме Лэмптонов, например, в гостиной. А еще в сцене, где Эрик Лэмптон шарается по квартире, натываясь на все подряд, и...

— Кувшин, — сказал я.

— Точно, — подтвердил Кевин, — он появляется в виде кувшина. Полного воды. Линда Лэмптон достает его из холодильника.

— Да нет, это был обыкновенный пластиковый кувшин, — сказал Жирный.

— Неверно, — возразил Кевин, — это был все тот же горшочек.

— Как же горшочек, если кувшин? — поинтересовался Жирный.

— В самом начале фильма, — сказал Кевин, — на выжженном поле. В самом углу экрана, и заметить его можно только подсознательно, если специально на него не смотреть. Рисунок на кувшине тот же, что и на горшочке. Женщина погружает его в ручей, который почти совсем пересох.

Я сказал:

— Мне показалось, что там был христианский символ рыбы — на кувшине.

— Нет! — категорически заявил Кевин.

— Нет?

— Я поначалу тоже так подумал, — сказал Кевин. — А сегодня посмотрел повнимательнее. Знаете, что там было? Двойная спираль.

— Молекула ДНК, — сказал я.

— Точно! — Кевин ухмыльнулся. — Повторяющийся рисунок на ободке кувшина.

Некоторое время мы переваривали сказанное, а потом я проговорил:

— Память ДНК. Генетическая память.

— В самую точку, — кивнул Кевин и добавил: — У ручья, где она наполняет кувшин...

— Она? — спросил Жирный. — Кто она?

— Женщина. Больше она в фильме не появляется. Лица ее мы не видим. На ней длинная старинная хламида, и она босая. Там, где она наполняет кувшин — или горшочек, — рыбачит мужчина. Мгновенный кадр, какая-то доля секунды. Вот почему кажется, что ты видел знак рыбы. Возможно, рядом с мужчиной лежит кучка рыбы — в следующий раз посмотрю повнимательнее. Подсознание замечает мужчину, а мозг — правое полушарие — связывает его с двойной спиралью на кувшине.

— Спутник, — проговорил Жирный. — ВАЛИС. Всеобъемлющая Активная Логическая

Интеллектуальная Система. ВАЛИС выстреливал в них информацией?

— Больше того, — сказал Кевин. — При определенных обстоятельствах он их контролирует. Когда хочет, он в состоянии управлять людьми.

— А его пытаются сбить, — проговорил я. — Ракетой. Кевин сказал:

— Ранние христиане — настоящие ранние христиане — могут заставить тебя делать что угодно. И видеть — или не видеть — что угодно.

— Но они же мертвы, — возразил я. — А картину сняли в наше время.

— Они мертвы, — сказал Кевин, — если считать, что время реально. Заметили временную дисфункцию?

— Нет, — хором воскликнули мы с Жирным.

— Выжженное поле. Это та самая парковка, по которой Брейди бежит к своей машине, когда двое в черном готовятся его убить.

Я не понял.

— Почему ты так решил?

— Дерево, — сказал Кевин. — Оно было и там, и там.

— Я не видел никакого дерева, — заметил Жирный.

— Нам надо еще раз посмотреть картину, — заявил Кевин. — Лично я обязательно посмотрю. Девяносто процентов деталей при первом просмотре остаются незамеченными, во всяком случае, сознанием. Подсознание-то все регистрирует. Я собираюсь просмотреть фильм кадр за кадром.

Я сказал:

— Христианский символ рыбы — это двойная спираль Крика-Уотсона. Молекула ДНК, содержащая генетическую память. Матушка Гусыня дает нам это понять. Вот почему...

— Христиане, — согласился Кевин. — Которые не человеческие существа, а нечто без половых органов. Хотя выглядят как люди. А при ближайшем рассмотрении и оказываются людьми. У них есть половые органы, и они занимаются любовью.

— Несмотря на то что их черепа вместо мозгов набиты электронными чипами, — добавил я.

— Может, они бессмертны, — проговорил Жирный.

— Вот почему Линда Лэмpton смогла восстановить своего мужа, — сказал я, — после того как Брейди взорвал его в миксере. Они способны путешествовать во времени.

Кевин кивнул без тени улыбки.

— Точно. Теперь понимаешь, почему я хотел, чтобы ты посмотрел «ВАЛИС»? — спросил он Жирного.

— Да, — мрачно ответил погруженный в себя Жирный.

— Как Линда Лэмpton прошла сквозь стену миксера? — спросил я.

— Не знаю. Может, на самом деле ее там не было, или не было миксера, или она вообще голограмма.

— Голограмма, — эхом отозвался Жирный. Кевин продолжал:

— Спутник контролировал их с орбиты. Он мог заставить их увидеть что угодно. В конце, когда Фримонт оказывается Николасом Брейди, никто этого не замечает. Даже его жена не замечает. Спутник заморочил им мозги. Всем долбаным Соединенным Штатам.

— Господи... — проговорил я.

Я еще не осознал всего, но до меня уже начало доходить.

— Вот-вот, — кивнул Кевин. — Мы видим Брейди, а они — нет, они не понимают, что произошло. Идет борьба между Брейди с его электронными штучками-дрючками и Фримонтом с его тайной полицией; люди в черном — тайная полиция. А эти шлюхи вроде группы поддержки, — что они такое, я не знаю, но они на стороне Фримонта. В следующий раз выясню, кто они. — Он заговорил громче. — Информация содержится в музыке Мини. Пока мы следим за событиями на экране, музыка... — черт, не музыка, а звуки разной высоты со специфическими интервалами — ...воздействует на наше подсознание. Музыка придает смысл всему.

— Может так быть, что Мини и в самом деле построил тот гигантский миксер? — спросил я.

— Отчего ж нет? — сказал Кевин. — Он ведь получил степень в Массачусетском технологическом.

— А что ты еще о нем знаешь? — спросил Жирный.

— Не слишком много, — ответил Кевин. — Он англичанин. Один раз посетил Советский Союз — говорит, хотел ознакомиться с экспериментами по передаче информации на большие расстояния при помощи микроволн. Мини разработал систему, в которой...

— Вспомнил, — перебил я Кевина. — В титрах значился фотограф по имени Робин Джемисон. Я его знаю. Он снимал меня для интервью «Лондон дейли телеграф». Он мне говорил, что даже коронации снимает. Джемисон — один из фотографов мирового класса. Сказал, что переезжает в Ванкувер, мол, это самый прекрасный город в мире.

— Так и есть, — пробормотал Жирный.

— У меня осталась его визитка, — продолжал я. Кевин сказал:

— Он может знать Эрика и Линду Лэмптонов. А возможно, и Мини.

— Джемисон просил меня связаться с ним, — продолжал я. — Приятный парень, мы с ним довольно долго беседовали. У него были камеры с автоматической перемоткой, от которых мои коты обалдели. И он дал мне посмотреть в широкополосный объектив. У него офигенная оптика.

— А кто запустил спутник? — спросил Жирный. — Русские?

— Неясно, — ответил Кевин. — По тому, как о нем говорят, — непохоже. Там есть сцена, где Фримонт распечатывает конверт старинным ножом... Там так смонтировано, что мы видим нож, и тут же военные говорят о спутнике. Если это соединить, можно подумать — я подумал, — что спутник очень древний.

— Звучит логично, — заметил я. — Временная дисфункция, женщина в длинной хламиде, босая, набирает воду из ручья в глиняный кувшин. Там был кадр с небом, помнишь, Кевин?

— Небо, — пробормотал он. — Да, был такой длинный панорамный кадр. Небо, поле... поле выглядело древним. Как на Ближнем Востоке, например, в Сирии. И ты прав: горшок усиливает впечатление.

Я заметил:

— Нам ни разу не показали спутник.

— Неправда, — заявил Кевин.

— Неправда?

— Пять раз, — сказал Кевин. — Один раз он появляется в виде картинки на настенном календаре. Еще раз коротко как детская игрушка в витрине магазина. Один раз на небе — но очень быстро, я в первый раз не заметил. Один раз в виде чертежа в папке по «Меритон рекорде», содержимое которой изучает президент Фримонт... И где-то еще, никак не могу вспомнить.

Он нахмурился.

— Предмет, на который наехало такси, — сказал я.

— Что? Ах да. Такси мчится по Западной Аламеде. Я думал, это пивная жестянка. Она с грохотом полетела в кювет. — Кевин задумался, потом кивнул. — Ты прав. Это спутник, весь смятый после того, как его переехало такси. Звук был, как от пивной банки, что меня и одурачило. Опять Мини со своей чертовой музыкой шумов. Ты слышишь звук пивной жестянки и автоматически видишь пивную жестянку. — Улыбка на его лице застыла. — Слышишь — и видишь. Умно! — Сидя за рулем, Кевин прикрыл глаза. — Точно! Он смят, но это именно спутник.

Там были антенны, хоть и поломанные и погнутые. И.. черт! Что-то было написано. Вроде этикетки. Что же?.. Нет надо брать лупу и рассматривать каждый кадр. Один за другим, один за другим! А кое-где делать наложение. У нас на сетчатке все время остаются пятна из-за лазеров Брейди. Свет такой яркий, что оставляет... — Кевин никак не мог подобрать слово.

— Послесвечение, — сказал я, — на сетчатке зрителей. Вот что ты имеешь в виду. Вот почему лазеры так важны в фильме.

— Ну и ну, — сказал Кевин, когда мы вернулись домой к Жирному.

Мы сидели и рассуждали, развалившись в креслах с бутылками голландского пива в

руках.

Фильм Матушки Гусыни как-то связан с историей Жирного. Это святая правда. Я бы даже сказал «Божья правда», но не думаю — по крайней мере тогда точно не думал, — что Бог имеет к этому хоть какое-то отношение.

— Неисповедимы пути Великого Пунты, — проговорил Кевин, и на сей раз в его голосе не слышалось издевки. — Вашу мать! Срань Господня! — Он повернулся к Жирному: — А я считал тебя психом. Ты же в дурдоме лежал.

— Успокойся, — сказал я.

— Я потому и пошел на «ВАЛИС», — продолжал Кевин. — Я хожу в кино, чтобы отвлечься от всей этой чуши, которой потчует нас Жирный. И вот я сижу в засраном кинотеатришке, смотрю фантастику с Матушкой Гусыней, и что я вижу? Прямо заговор какой-то!

— Не надо только на меня валить, — проговорил Жирный.

Кевин сказал:

— Тебе нужно встретиться с Матушкой Гусыней.

— Как это я с ним встречусь? — поинтересовался Жирный.

— Фил свяжется с Джемисоном. Устроим встречу с Матушкой Гусыней через Джемисона. Фил — знаменитый писатель, он все организует. — Кевин повернулся ко мне. — Кинопродюсеры сейчас рассматривают какие-нибудь из твоих книг?

— Рассматривают, — кивнул я. — «Снятся ли андроидам электрические овцы» и «Стигматы».

— Отлично! Фил может сказать, что хочет поговорить о съемках фильма. Как зовут твоего друга-продюсера? Того, из «МГМ»?

— Стэн Джеффли.

— Ты с ним контактишь?

— Не в деловом смысле. Они прохлопали опцион на «Человека в высоком замке». Он иногда пишет мне. Однажды даже прислал чертов набор семян для сада. Собирался прислать мешок торфяного мха, но, к счастью, все-таки не прислал.

— Свяжись с ним, — велел Кевин.

— Послушайте, — проговорил Жирный, — я не понимаю. В «ВАЛИСе» было кое-что из того, — он взмахнул руками, — что случилось со мной в марте семьдесят четвертого.

Лошадник снова взмахнул руками и замолчал, совершенно сбитый с толку. Его лицо выражало крайнюю озадаченность, почти страдание.

Интересно, почему?

Может, Жирному показалось, что это как-то умалает значимость его встречи с Богом — или Зеброй, — то, что нечто подобное происходит в научно-фантастическом фильме, где к тому же заглавную роль играет рок-идол по имени Матушка Гусыня. Но ведь фильм стал первым свидетельством тому, что *нечто* существует на самом деле. И именно Кевин, всегда готовый разоблачить жульничество привлек к фильму наше внимание.

— И много ты заметил общего? — спросил я как можно спокойнее, учитывая подавленное состояние Жирного. — Расскажи.

Прошло некоторое время, потом Жирный выпрямился в кресле и проговорил:

— Ладно.

— Надо записать, — заявил Кевин и достал авторучку. Кевин всегда пользуется перьевыми авторучками — последний из вымирающего племени благородных людей.

— Где бумага? — спросил он, оглядываясь по сторонам.

Когда нашли бумагу, Жирный начал перечислять:

— Третий глаз с контактной линзой.

— О'кей, — сказал Кевин, записывая.

— Розовый свет.

— О'кей.

— Христианский символ рыбы. Я не видел, но раз ты говоришь...

— Двойная спираль, — поправил Кевин.

— Это, очевидно, одно и то же, — сказал я.

— Что-нибудь еще? — поинтересовался Кевин.

— Ну, вообще вся чертова передача информации. От ВАЛИСа. Со спутника. Ты говоришь, он не только передает информацию, но еще и подчиняет людей и контролирует их.

— В этом-то и вся фишка! — воскликнул Кевин. — Спутник... гляди: в фильме есть тиран (видно, прототипом был Ричард Никсон), которого зовут Феррис Ф. Фримонт. Он управляет Соединенными Штатами при помощи черной тайной полиции... я хочу сказать, при помощи людей в черном со снайперскими винтовками и бесполох шлюх из группы поддержки. В фильме их называют «драмерины».

— Этого я не уловил, — сказал я.

— На плакате было написано, — возбужденно проговорил Кевин. — Мельком показали. «Друзья Американского Народа». Гражданская армия Ферриса Фримонта. Все на одно лицо и офигенные патриотки. Так или иначе, спутник выпускает лучи, содержащие информацию, и спасает Брейди жизнь. Это вы поняли. В самом конце спутник подменяет Фримонта Николасом Брейди сразу же после перевыборов.

Фримонт знал... помните сцену, как он просматривает досье на людей из «Меритон рекордс»? Он знал, что происходит, однако не мог препятствовать. Он дал военным приказ сбить ВАЛИС, но ракета после старта начала рыскать, и ее пришлось уничтожить. Это все сделал ВАЛИС. Откуда, думаете, Брейди в самом начале взял свои электронные штучки? Ему дал их ВАЛИС. Так что, когда Брейди стал президентом Соединенных Штатов — это на самом деле спутник стал президентом.

А теперь, кто или что есть спутник? ВАЛИС, кто или что он? Ключ в глиняном горшке, или кувшине, не важно. Знак рыбы — ваш мозг вычислил его среди разрозненной информации. Знак рыбы. Христиане. Хламида на женщине. Временная дисфункция. Существует какая-то связь между ВАЛИСом и ранними христианами, я только пока не пойму какая. Вся информация разрознена, все Урывками. Например, когда Феррис Фримонт читает досье на «Меритон рекордс», вы успели уловить там хоть что-нибудь?

— Нет, — хором ответили мы с Жирным.

— Он существует давным-давно, — хрипло процитировал Кевин. — И он до сих пор работает.

— Там так написано? — спросил Жирный.

— Да! — ответил Кевин. — Там так написано.

— Значит, я не единственный, кто встретил Бога, — проговорил Жирный.

— Зебру, — поправил Кевин. — Ты не можешь утверждать, что это был Бог.

— Спутник? — спросил я. — Очень древний спутник, который выстреливает информацией?

— Они сняли научно-фантастический фильм, — раздраженно проговорил Кевин. — И ты бы снял такой же фильм, если бы столкнулся с чем-то подобным. Ты же должен знать. Разве нет, Фил?

— Да, — сказал я.

— Назвали его ВАЛИСом, — продолжал Кевин, — и сделали древним спутником. Который управляет людьми, чтобы уничтожить тиранию, воцарившуюся в Соединенных Штатах. Тут очевидный намек на Ричарда Никсона.

Я сказал:

— Следует ли считать, что фильм «ВАЛИС» рассказывает о том, как Зебра, или Бог, или ВАЛИС, или трехглазые люди с Сириуса сместили Никсона?

— Точно, — сказал Кевин. Я обернулся к Жирному:

— Не говорила разве тебе во сне трехглазая сивилла, что «заговорщиков обнаружили и о них позаботятся»?

— В августе семьдесят четвертого, — кивнул Жирный. Кевин отрезал:

— Именно в этом году и в этом месяце Никсон ушел в отставку.

Позже, когда Кевин вез меня домой, мы беседовали о Жирном и о ВАЛИСе, поскольку предположительно ни тот, ни другой не могли нас подслушать.

Кевин все это время не сомневался, что Жирный просто спятил. Он видел ситуацию таким

образом: чувство вины и скорби после самоубийства Глории разрушило мозг Жирного, и бедняга так и не оправился. Бет — просто сучка; женившись на ней от отчаяния, Жирный только стал еще более несчастен. В конце концов, в семьдесят четвертом, он окончательно тронулся. В его пресную жизнь ворвались яркие шизофренические видения. Жирный начал видеть чудные цвета и слышать умиротворяющие слова, в действительности сгенерированные его собственным подсознанием. Эти видения буквально обрушились на Жирного, уничтожая его эго. Пребывая в психически неуравновешенном состоянии, Жирный обрел успокоение при помощи «встречи с Богом» — так он воспринимал происходящее с ним.

Для Жирного тотальное помешательство стало спасением. Полностью утратив контакт с реальностью в какой бы то ни было форме, Жирный поверил, что сам Христос заключил его в объятия.

А потом Кевин отправился в кино, и теперь он ни в чем не был уверен — творение Матушки Гусыни потрясло его.

Я гадал, по-прежнему ли Жирный собирается в Китай, чтобы найти там «пятого Спасителя» — теперь, когда стало ясно, что достаточно добраться до Голливуда, где сняли фильм про ВАЛИС, или — если там действительно живут Эрик и Линда Лэмптоны — до Бербанка, Центра американской звукозаписывающей индустрии.

Пятый Спаситель — рок-звезда.

— Когда сделали «ВАЛИС»? — спросил я у Кевина.

— Фильм или спутник?

— Фильм, конечно. Кевин сказал:

— В семьдесят седьмом.

— А у Жирного все началось в семьдесят четвертом.

— Верно, — кивнул Кевин. — Еще до того, как пошла работа над сценарием, насколько мне известно. Гусыня говорит, что написал сценарий за двенадцать дней. Не уточняет, правда, когда. Впрочем, поскольку он хотел приступить к съемкам как можно скорее, напрашивается вывод, что это было после семьдесят четвертого.

— Но наверняка ты не знаешь.

— Можно выяснить у Джемисона, — сказал Кевин. — Он же был фотографом, так что должен знать.

— А если это было именно тогда? В марте семьдесят четвертого?

— Ни фиги себе, — покачал головой Кевин.

— Ты же не думаешь, что это и в самом деле информационный спутник стрелял в Жирного лучами?

— Нет, это научно-фантастическая штучка из научно-фантастического фильма, — принялся размышлять Кевин. — Так мне кажется. Хотя в фильме есть временная дисфункция. Гусыня знал, что тут замешано время. Это единственный способ понять фильм... женщину с кувшином. Откуда у Жирного горшочек? Какая-то шлюха подарила?

— Сделала, обожгла и подарила ему в семьдесят первом, когда от Жирного ушла жена.

— Не Бет.

— Нет, первая жена.

— После смерти Глории.

— Верно. Жирный говорит, что Бог дремал в горшочке, а в марте семьдесят четвертого проснулся — тогда и произошла теофания.

— Я знаю немало людей, которые считают, что Бог спит в горшочке, — заметил Кевин.

— Не сыпь соль на рану.

— Ладно. Выходит, босая женщина жила в Древнем Риме. Я сегодня кое-что увидел в фильме, чего до этого не замечал. Не хотел говорить Жирному, чтобы тот не заметался по комнате, как шутиха. На заднем плане, за женщиной у ручья, можно разглядеть расплывчатые силуэты. Возможно, это снимал твой приятель Джемисон. Очертания зданий. Древних зданий из, скажем, древнеримских времен. В первый раз я увидел облака, а во второй — сегодня — здания. Меняется, что ли, проклятый фильм при каждом просмотре?.. Черт, это идея! Каждый раз разное кино. Нет, невозможно.

Я сказал:

- Как и розовый луч, передающий в твою голову медицинскую информацию о врожденном дефекте сына.
- А что, если в семьдесят четвертом случилась временная дисфункция, и Древний Рим прорвался в наше время?
- Это одна из тем фильма?
- Да нет. Я имею в виду, на самом деле.
- В реальном мире?
- Ага.
- Этим можно объяснить Фому. Кевин кивнул.
- Прорвался, — сказал я, — а потом снова исчез.
- А Ричарду Никсону осталось только бродить по калифорнийскому пляжу при костюме и галстук и гадать, что же такое стряслось.
- Значит, она имела цель.
- Дисфункция? Конечно.
- Мы говорим не о дисфункции, а о ком-то или чем-то, что манипулирует временем.
- В самую точку, — сказал Кевин. Я продолжал:
- Похоже, твое мнение о сумасшествии Жирного поменялось на сто восемьдесят градусов.
- Ну, Никсон ведь и правда гуляет по пляжу, гадая, что случилось. Первый президент США, которого выставили с работы. Могущественнейший человек на планете. А следовательно, могущественнейший из всех, кто когда-либо существовал. Знаешь, почему президента в «ВАЛИСе» зовут Феррис Ф. Фримонт? Я вычислил. «Ф» — шестая буква английского алфавита. Значит, «Ф» равно шести. Следовательно, ФФФ — инициалы Ферриса Ф. Фримонта — представляют число 666. Вот почему Гусыня дал ему такое имя.
- Бог ты мой...
- Точно.
- Получается, наши дни вот-вот закончатся Апокалипсисом.
- Жирный считает, что Спаситель скоро вернется, а может, и уже вернулся. Внутренний голос, который он слышит и отождествляет с Зеброй или Богом, разными путями сообщил ему об этом. Святая София — которая Христос, — и Будда, и Аполлон. Голос сказал ему что-то вроде: время, которого ты ждал...
- ...пришло, — закончил я.
- Не хило. Тут у нас бродит Элия, очередной Иоанн Креститель, и говорит: «Постройте прямо в пустыне хай-вэй для Господа нашего». Или фривэй.
- Кевин рассмеялся.
- Внезапно я вспомнил еще кое-что из «ВАЛИСа». Кадр с машиной, из которой в конце фильма Фримонт — переизбранный Фримонт, то есть на самом деле Николас Брейди — выходит, чтобы обратиться к толпе.
- «Тандербёрд», — сказал я.
- Вино?
- Да нет, машина. Фордовская машина.
- Вот черт! — сказал Кевин. — Ты прав. Он вылезал из фордовского «тандербёрда», и он был Брейди. Джерри Форд!
- Может, просто совпадение?
- В «ВАЛИСе» нет просто совпадений. Камера даже наехала на слово «Форд» на машине. Сколько же еще деталей в «ВАЛИСе» мы не заметили? Я имею в виду — сознательно. Уж не говорю о том, что происходит в нашем подсознании. Должно быть, проклятый фильм, — Кевин скривился, — напичкал нас самой разной информацией аудиовизуальным путем. Надо записать саундтрек. В следующий раз возьму с собой магнитофон.
- А что за музыка на пластинках Мини? — спросил я.
- Звуки, напоминающие песни горбатых китов. Я уставился на Кевина — может, шутит?
- На самом деле, — проговорил он. — Я однажды даже записал пленку, где китовые

1 Д. Форд сменил Р. Никсона на посту президента после того, как тот сложил с себя полномочия.

звуки переходят в музыку Мини и обратно. Жутко похоже. Я имею в виду, разницу уловить можно, но...

— А как на тебя влияет синхроническая музыка? — спросил я. — В какое состояние она тебя вводит?

— В глубокое тета-состояние, глубокий сон. И еще видения.

— Какие? Трехглазые люди?

— Нет. — Кевин покачал головой. — Священная древнекельтская церемония. Когда в жертву приносят барашка, чтобы прогнать зиму и призвать весну. — Он бросил на меня быстрый взгляд. — По происхождению я из кельтов.

— А раньше ты знал что-то об их верованиях?

— Нет. В видении я участвовал в жертвоприношении. Я перерезал барашку горло.

Кевин, слушая синхроническую музыку Мини, вернулся во времена своих предков.

10

Не в Китае, не в Индии и даже не в Тасмании предстояло найти Жирному пятого Спасителя. «ВАЛИС» подсказал нам, где искать, показав пивную жестянку, смятую колесом такси. Вот откуда пришла информация и помощь.

ВАЛИС — Всеобъемлющая Активная Логическая Интеллектуальная Система, как окрестил его Матушка Гусыня.

Мы сэкономили Жирному кучу денег, времени и сил, включая хлопоты с прививками и паспортом.

Спустя пару дней мы втроем еще раз посмотрели «ВАЛИС». Стараясь быть как можно внимательнее, я осознал, что на поверхности в фильме нет никакого смысла. Если не выискивать намеки и тайные ключи, все остается непонятным. Однако в подсознание информация загружалась независимо от вашего желания. У вас просто не было выбора. Аудитория состояла с «ВАЛИСом» в такой же связи, в какой Жирный состоял с тем, что он называл Зеброй, — передатчик и чувствительный приемник.

В зале опять было полно подростков. Кажется, им нравилось происходящее на экране. Я подумал: кто из них, выйдя из кинотеатра, начнет анализировать фильм так, как делали мы? Скорее всего — никто. Впрочем меня было чувство, что это не имеет значения.

Можно считать, что смерть Глории стала причиной встречи Жирного с Богом, но никак нельзя полагать, что эта смерть повлекла за собой создание фильма «ВАЛИС» Кевин понял это сразу, когда в первый раз посмотрел фильм. Не важно, каково объяснение, главное — то, что произошло с Жирным в марте семьдесят четвертого, случилось на самом деле.

Итак, может, Жирный и псих, но он вступил в контакт с реальностью. Реальностью неизвестно какого рода, совершенно точно не нашей обычной.

Древний Рим — время апостолов и ранних христиан — прорвался в современный мир. Прорвался с определенной целью — свергнуть Ферриса Ф. Фримонта, то есть Ричарда Никсона.

Цель была достигнута, и связь времен прервалась.

Может, и Империя в конце концов погибла?

Теперь, будучи вовлеченным в происходящее, Кевин начал изучать апокалиптические книги Библии в поисках разгадок. В Книге Даниила он наткнулся на отрывок, который, как ему показалось, описывал Никсона.

Под конец же царства их,
когда отступники исполнят меру беззаконий своих
восстанет царь наглый и искусный в коварстве;
и укрепится сила его, хотя и не его силою,
и он будет производить удивительные опустошения
и успевать и действовать и губить сильных и народ святых,
и при уме его и коварство будет иметь успех в руке его,
и сердцем своим он превознесется,
и среди мира погубит многих,

и против Владыки владык восстанет,
но будет сокрушен — не рукою.

К восхищению Жирного, Кевин превратился в прилежного школяра, специализирующегося на Библии. Цинизм уступил место набожности.

Однако на глубинном уровне то, как повернулось дело, пугало Жирного. Наверное, в глубине души Лошаднику было спокойнее думать, что произошедшее с ним в марте семьдесят четвертого имеет своим источником душевную болезнь — в таком случае не обязательно верить в полную реальность случившегося. А теперь ему пришлось поверить. Всем нам пришлось. С Жирным случилось нечто, не поддающееся объяснению; возникли указания на то, что сам наш физический мир исчезает, как и связанные с ним онтологические категории — пространство и время.

— Проклятие, Фил! — сказал мне Жирный однажды вечером. — А если мир вообще не существует? И если так, то что же существует?

— Не знаю, — ответил я. — Ты у нас спец. Жирный внимательно посмотрел на меня.

— Не смешно. Какая-то сила или сущность растворила окружающую меня реальность, словно голограмму. И на нее наложились другая голограмма.

— В своем трактате, — заметил я, — ты ведь как раз об этом и пишешь. О голограммах, происходящих из двух источников.

— Строить теории — одно, — Жирный вздохнул, — а обнаружить, что так оно и есть, — совсем другое!

— Только не надо на меня наезжать, — запротестовал я. Дэвид по нашей рекомендации тоже сходил на «ВАЛИСа» в компании со своей хиппующей подружкой-малолеткой. И вернулся из кино довольный — он увидел как Десница Божия выжимает мир, словно апельсин.

— Ага, и все мы барахтаемся в соке, — сказал Жирный.

— Но так ведь устроен мир, — заявил Дэвид. Кевин был раздражен.

— А может Бог создать человека настолько легковверного, что тот поверит, будто вообще ничего не существует? Ведь если ничего не существует, то что тогда означает слово «ничего»? Как одно «ничего», которое существует соотносится с другим «ничего», которое не существует?

Опять мы попали под перекрестный огонь Кевина и Дэвида, только обстоятельства изменились.

— Что существует, — заявил Дэвид, — так это Бог и Воля Божья.

— Хотел бы я быть упомянутым в его Последней Воле, — заявил Кевин. — Вдруг хоть доллар мне оставит.

— Все в Его Воле, хоть первой, хоть последней, — отрезал Дэвид не моргнув глазом. Он никогда не позволял Кевину себя подловить.

Нашей маленькой компанией все сильнее завладевало беспокойство. Мы, друзья, успокаивающие и утешающие одного из нас, всем скопом угодили в большие неприятности. Ситуация коренным образом изменилась: вместо того чтобы утешать Жирного, нам самим пришлось искать у него совета. Только через Лошадника могли мы связаться с Зеброй или ВАЛИСом, который, как оказалось, имеет над нами власть, если верить фильму Матушки Гусыни.

Оно не только выстреливает в нас информацией. При желании оно может контролировать нас. Поработить нас.

Этим все сказано. В любой момент в нас могут шарахнуть розовым лучом, а когда мы обречем зрение — *если* обречем! — то выяснится, что мы знаем все или, наоборот, ничего. Или попадем в Бразилию четырехтысячелетней давности. Пространство и время ничего не значат для ВАЛИСа.

Общее беспокойство сплотило нас — страх, что мы узнали или догадались о слишком многом. Теперь нам доподлинно известно, что христиане апостольских времен, вооруженные хитроумной технологией, пробили пространственно-временной барьер в наш мир и при помощи всеобъемлющей интеллектуально-информационной системы коренным образом изменили историю человечества. Раскрыв такой факт, вы имеете мало шансов поставить рекорд

долгожительства.

Хуже всего: мы знали — или догадывались, — что апостольские христиане, которые получали учение Христа напрямую из его уст до того, как вмешались римляне, на самом деле бессмертны. Они обрели бессмертие через плазмат, описанный Жирным в трактате. Хотя в действительности апостольские христиане были убиты, плазмат укрылся в пещере Нар-Хаммади, а теперь вновь вернулся в наш мир. И он, прошу прощения за резкость, голоден как собака. Он жаждет возмездия. И уже начал мстить, воздействуя на сегодняшнее воплощение Империи, на имперское президентство Соединенных Штатов.

Я очень надеялся, что плазмат считает нас друзьями, что он не принимает нас за провокаторов.

— Где же спрятаться, — размышлял Кевин, — когда бессмертный плазмат, который знает все и уничтожает мир посредством его изменения, начнет искать тебя?

— Хорошо, что Шерри не дожила до того, чтобы услышать такое, — проговорил Жирный, всех нас поразив. — я имею в виду, это поколебало бы ее веру.

Все расхохотались. Вера, поколебленная открытием что тот, в кого верили, действительно существует, — парадокс набожности. Теологические взгляды Шерри застыли и закоsnели, им некуда было развиваться. Нам пришлось бы утаить свое открытие. Неудивительно, что они с Жирным не могли жить вместе.

Встал вопрос: как войти в контакт с Эриком Лэмптоном, Линдой Лэмптон и сочинителем синхронической музыки, Мини? Очевидно, используя меня и мою дружбу — если это дружба — с Джемисоном.

— Дело за тобой, Фил, — сказал Кевин. — Под лежащий камень вода не течет. Позвони Джемисону и скажи ему... да все что угодно. У тебя голова варит, придумаешь. Скажешь, что написал обалденный сценарий и хочешь, чтобы Лэмптон прочел его.

— Назовешь его «Зебра», — добавил Жирный.

— Ладно, — сказал я. — Назову его «Зебра» или «Конская Задница», как скажете. Вы, конечно, понимаете, что это против профессиональной этики?

— Какая этика? — спросил Кевин в свойственной ему манере. — Твоя этика — точь-в-точь как у Жирного. Никогда не была на первом месте.

— Вот что ты должен сделать, — сказал Жирный. — Покажи ему, что знаешь о гнозисе, открытом мне Зеброй, который появляется в «ВАЛИСе». Это его заинтригует. Я напишу несколько формулировок, полученных напрямую от Зебры.

Вскоре он подал мне листок.

18. Реальное время закончилось в 70-м году о. э. с падением Храма Иерусалимского. Оно снова началось в 1974 году о. э. Промежуточный период был высококачественной подделкой, интерполяцией, подражающей творению Разума. «Империя бессмертна», однако в 1974-м была послана шифровка, сигнализирующая о том, что Железный Век закончен. Шифровка состояла из двух слов: ЦАРЬ ФЕЛИКС, что означает Счастливый (или Справедливый) Царь.

19. Зашифрованное послание из двух слов ЦАРЬ ФЕЛИКС предназначалось не для людей, а для потомков Эхнатона, представителей трехглазой расы, тайно живущих среди нас.

Прочитав написанное, я задал вопрос:

— Полагаешь, я должен показать это Робину Джемисону?

— Мол, отрывок из сценария «Зебры», — посоветовал Кевин.

— Шифровка настоящая? — спросил я Жирного. На лице его появилось загадочное выражение.

— Возможно.

— Это тайное послание из двух слов действительно существовало? — спросил Дэвид.

— В семьдесят четвертом, — кивнул Жирный. — В феврале. Криптографы армии США изучали-изучали его, но так и не поняли, о ком идет речь и что это значит.

— А ты откуда узнал? — поинтересовался я.

— Зебра ему сказала, — хмыкнул Кевин.

— Нет, — заявил Жирный, однако дальше объяснять не стал.

В киноиндустрии всегда имеешь дело с клерками, и никогда — с важными шишками. Однажды, будучи под кайфом, я попытался связаться с Кей Ленц, на которую запал после фильма «Бризи». Ее агент сразу же дал мне от ворот поворот. То же самое случилось, когда я хотел пробиться к Викторией Принципал, которая сейчас сама агент. На нее я тоже запал, но, когда начал дозваниваться на «Юниверсал», меня точно так же обломали.

В нынешнем случае, конечно, дело другое — у меня был адрес и телефон Робина Джемисона в Лондоне.

— Да, я вас помню, — раздался из трубки приветливый голос, когда я позвонил в Лондон. — Писатель-фантаст с юной невестой, как выразился в своей статье мистер Пурсер.

Я сообщил Джемисону об ударном сценарии под названием «Зебра», а потом сказал, что видел их сенсационный «ВАЛИС» и подумал, что Матушка Гусыня идеально подходит на главную роль — лучше, чем Роберт Редфорд, чью кандидатуру мы тоже обсуждали, поскольку сам он очень хотел бы сняться.

— Все, что я могу, — ответил Джемисон, — так это связаться с мистером Лэмптоном и дать ему ваш номер телефона в Штатах. Если Лэмптон заинтересуется, тогда он или его агент свяжутся с вами или вашим агентом.

Мы еще немного поболтали, и я повесил трубку с ощущением, что все впустую. Еще я ощутил легкий укол стыда за беззастенчивое вранье, хотя и знал, что это вскоре пройдет.

Является ли Эрик Лэмптон тем самым пятым Спасителем, которого ищет Жирный?

Странное дело, как реальность соотносится с нашими представлениями. Жирный был готов вскарабкаться на самую высокую гору в Тибете и найти там двухсотлетнего монаха, который объяснил бы ему: «Сын мой, все, что случилось, означает...» «Что время обращается в пространство», — сказал бы я. Но я ничего не сказал — мозговые цепи Жирного и так уже были перегружены информацией дальше некуда. Жирному требовался кто-то, на кого он мог бы эту информацию вывалить.

— Гусыня в Штатах? — спросил Кевин.

— Да, — ответил я, — если верить Джемисону.

— Ты не сказал ему о шифровке, — заметил Жирный. Мы едва не испепелили его взглядами.

— Шифровка для Гусыни, — сказал Кевин. — Когда он позвонит.

— Когда... — эхом отозвался я.

— Ну пусть тогда твой агент свяжется с агентом Гусыни, — предложил Кевин.

Энтузиазм в нем теперь бурлил сильнее, чем в Жирном. В конце концов, ведь именно он обнаружил фильм «ВАЛИС» и втравил нас в это дело.

— Такого рода кино, — проговорил Дэвид, — изрядно всколыхнет болото. Наверное, Гусыня осторожничает.

— Ну, спасибо, — сказал Кевин.

— Я не нас имел в виду, — начал оправдываться Дэвид.

— Он прав, — кивнул я, вспомнив, какие письма иной раз получал по поводу своей писанины. — Вполне возможно, Гусыня предпочтет связаться с моим агентом. — И мысленно добавил: «Если он вообще захочет с нами связываться».

Его агент против моего агента. Этаким баланс разумов.

— Я займусь этим, — пообещал я.

Так случилось, что заниматься ничем не пришлось. Неделей позже я получил письмо от самого Матушки Гусыни, Эрика Лэмптона. В письме было одно слово — ЦАРЬ. А рядом знак вопроса и стрелочка, указывающая вправо.

Я чуть не обделался. Я задрожал. И приписал слово ФЕЛИКС. А потом отправил письмо обратно Матушке Гусыне.

Там был конверт с обратным адресом.

Сомнений в том, что все мы связаны друг с другом, не осталось.

Итак, человек, которому предназначалась шифровка из двух слов ЦАРЬ ФЕЛИКС —

пятый Спаситель, который, если верить Зебре — или ВАЛИСу, — уже родился или родится очень скоро. Я был страшно напуган, когда получил письмо от Матушки Гусыни. И гадал, что почувствует Гусыня — Эрик Лэмpton и его жена Линда, — когда получают ответ с добавленным словом ФЕЛИКС. С правильно добавленным словом, именно так. Лишь одно-единственное слово из сотен тысяч английских слов могло подойти. Нет, не английских — латинских. В английском это имя, а в латинском просто слово.

Процветающий, счастливый, плодотворный... — латинское слово FELIX появляется даже в устах самого Бога, который в Книге Бытия говорит: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле». Вот где главный смысл слова *felix*, в этом Божьем приказе, отданном с любовью. Мы не просто должны жить, но должны быть счастливы и процветать.

FELIX. Плодоносный, плодотворный, изобильный, продуктивный. Слово все благородные сорта деревьев, чьи плоды подаются на изысканный стол. Приносящий удачу, служащий добрым предзнаменованием, благоприятный, благосклонный, благожелательный, процветающий, успешный. Благодетельный. Более успешный в.

Последнее значение заинтересовало меня. «Более успешный в». Царь, который более успешен в... в чем? В свержении тирании темного царя, которого он заменяет своим собственным счастливым и легитимным правлением? В окончании века Черной Железной Тюрьмы и наступлении века Пальмового Сада под теплым солнцем Аравии? (*Слово felix* относится еще и к плодородным землям Аравии.)

После получения письма от Матушки Гусыни наша маленькая группа собралась на заседание.

— Жирный сгорает от нетерпения, — лаконично заявил Кевин.

У него тоже глаза горели от возбуждения и радости. Радости, которую разделяли все мы.

— Вы со мной, — проговорил Жирный.

Мы сбросились на бутылку коньяка «Курвуазье Наполеон» и теперь сидели в квартире Жирного, согревая рюмки, потирая их ножки, словно это палочки для добывания огня, и чувствовали себя большими умниками.

Кевин протянул, не обращая ни к кому персонально:

— Любопытно будет, если сейчас проявятся люди в облегающей черной одежде и перестреляют нас. Из-за звонка Филадельфии.

— Не выйдет, — проговорил я, подыгрывая Кевину. — Мы посадим Кевина в коридоре со шваброй в руках и посмотрим, осмелится ли кто-нибудь сунуться.

— Если и сунется, это ни о чем не говорит, — подхватил Дэвид. — Кевин у половины Санта-Аны в печенках сидит.

Три дня спустя в два часа ночи зазвонил телефон. Я еще не ложился, поскольку писал предисловие к сборнику рассказов, отобранному из всего, что я сочинил за двадцать пять лет. Я снял трубку и услышал, как мужской голос с легким британским акцентом произнес:

— Сколько вас?

— Кто это? — в замешательстве спросил я.

— Гусыня.

О Господи, подумал я; меня начала бить дрожь.

— Четверо, — проговорил я дрожащим голосом.

— Доброе предзнаменование, — сказал Эрик Лэмpton.

— Процветания? Лэмpton рассмеялся:

— Нет, у царя с финансами не очень.

— Он... — Я не мог продолжать.

— Вивит. Кажется. Или вивет? — спросил Лэмpton. — В любом случае он жив. Надеюсь, вы счастливы слышать это. С латынью у меня не очень.

— Где? — спросил я.

— Где вы? Телефонный код 714.

— Санта-Ана. Графство Оранж.

— Рядом с Феррисом, — сказал Лэмpton. — Вы севернее его усадьбы-у-моря.

— Верно.

— Мы можем встретиться?

— Конечно, — сказал я, а голос в моей голове произнес: «Это все взаправду!»

— Можете прилететь ко мне? Все четверо? В Соному?

— О да, — сказал я.

— Летите в Окленд, оттуда удобнее добираться, чем из Сан-Франциско. Вы видели «ВАЛИС»?

— Несколько раз. — Мой голос все еще дрожал. — Мистер Лэмpton, в этом деле замешана временная дисфункция?

— Как может быть дисфункция в том, чего нет? — ответил он вопросом на вопрос. Потом помедлил. — Об этом вы не подумали.

— Нет, — признал я. — Позвольте сказать, что «ВАЛИС» — один из лучших фильмов, что мы когда-либо видели.

— Надеюсь когда-нибудь выпустить версию без купюр. Обязательно дам вам возможность увидеть. Мы не хотели купюр, но, сами понимаете... из практических соображений. Вы ведь писатель-фантаст? Вы знаете Томаса Диша?

— Да, — сказал я.

— Он очень хорош.

— Да.

Мне было приятно, что Лэмpton знаком с произведениями Диша. Хороший знак.

— В некотором смысле «ВАЛИС» — дерьмо, — продолжал Лэмpton. — Пришлось сделать его таким, чтобы прокатчики не отказались. Для любителей похрустеть попкорном в зале. — Голос стал веселым, в нем появились музыкальные нотки. — Они думали, я буду петь. «Эй, человек со звезд, куда тебя несет?» Боюсь, я их разочаровал.

— Ну...

— Значит, увидимся. Адрес у вас есть, верно»? В следующем месяце я уезжаю из Сономы, поэтому встретимся либо сейчас, либо уже в конце года. Мне нужно лететь в Британию, снять там телефильм. А еще концерты. Запись пластинки в Бербанке. Можем встретиться и там... как вы это называете? В Саутлэнде, на Южных Землях.

— Мы прилетим в Соному, — сказал я. — А другие есть? Кто связывался с вами?

— Люди Счастливого Царя? Поговорим при встрече, когда соберемся вместе: ваша группа, и Линда, и Мини. Вы в курсе, что Мини написал музыку к фильму?

— Да, — ответил я. — Синхроническую музыку.

— Он очень хорош. В его музыке многое. Вот только песен не пишет, говнюк. А я бы так хотел. Он бы писал чудные песни. Мои песни недурны, но я не Пол. — Он помедлил. — Я имею в виду Саймона.

— Могу я спросить? — проговорил я. — Где Он?

— О. Конечно, вы можете спросить. Но никто не собирается вам отвечать, пока мы не встретимся. Послание из двух слов не слишком много говорит о вас, не так ли? Хотя кое-что я уже выяснил. Вы сидели на наркоте, потом завязали. Знакомы с Тимом Лири...

— Только по телефону, — поправил я. — Один раз разговаривал с ним по телефону. Он был в Канаде с Джоном Ленноном и Полом Вильямсом — не певцом, писателем.

— Вас никогда не арестовывали? За наркотики?

— Никогда.

— В свое время вы были своего рода наркогуру для тинейджеров — где же?.. — ах да, в округе Марин. В вас даже стреляли.

— Не совсем так, — возразил я.

— Вы пишете весьма странные книги. Вы точно уверены, что никогда не подвергались аресту? Если такое случалось, мы не сможем встретиться.

— Уверен, — сказал я.

Лэмpton мягко, даже с некоторым удовольствием проговорил:

— Какое-то время вы были связаны с негритянскими террористами.

Я промолчал.

— Ваша жизнь — целое приключение, — заметил Лэмpton.

— Да, — сказал я.

Это и в самом деле так.

— Вы же сейчас не принимаете наркотики? — Лэмптон рассмеялся. — Снимаю вопрос. Мы знаем, что сейчас у вас все в порядке. Хорошо, Филип, я буду рад встретиться с вами и вашими друзьями. Кому из них... как это... кому был глас свыше?

— Информацией выстрелили в моего друга Жирного Лошадника.

— Но ведь это вы. «Филип» по-гречески значит «любитель лошадей», «Лошадник». «Жирный» — перевод немецкого слова «дик». Вы просто перевели свое имя.

Я промолчал.

— Могу я называть вас Жирным Лошадником? Так вам будет приятнее?

— Как скажете, — деревянным голосом проговорил я.

— Выражение из шестидесятых, — засмеялся Лэмптон. — Хорошо, Филип, думаю, мы узнали о вас достаточно. Кстати, поговорили и с вашим агентом, мистером Галеном — он показался нам весьма решительным и откровенным.

— Он молодчина, — сказал я.

— И явно понимает, куда ветер дует, как говорят в здешних краях. Вы издаетесь в «Даблдэй»?

— В «Бэнтаме».

— Когда вы приедете? Я спросил:

— Как насчет нынешнего уик-энда?

— Очень хорошо. Вам понравится, не сомневайтесь. Все беды позади, не сомневайтесь, Филип. — Голос Лэмптона сделался серьезным. — Все позади, правда.

— Отлично.

Мое сердце заколотилось о грудную клетку.

— Не бойтесь, Филип, — мягко проговорил Лэмптон.

— Ладно, — сказал я.

— Вам через многое пришлось пройти. Девушка, которая умерла... теперь можно отпустить это. Все прошло. Понимаете?

— Да. Понимаю.

И я понял. Я надеялся, что понял; пытался понять, хотел понять.

— Вы не поняли. ОН здесь. Это правда. «Будда сидит в парке». Понимаете?

— Нет, — сказал я.

— Гаутама родился в огромном парке под названием Лумбини. Такая же история, как про Иисуса и Вифлеем. Вы знаете, что я имею в виду, не так ли?

Я кивнул, забыв, что разговариваю по телефону.

— Он спал почти две тысячи лет, — продолжал Лэмптон. — Очень долго. А события шли своим чередом. Но... Впрочем, думаю, пока достаточно. Теперь он пробудился, вот в чем суть. Итак, Линда и я встретимся с вами вечером в пятницу или в субботу утром.

— Отлично, — согласился я. — Возможно, в пятницу вечером.

— Просто помните: Будда в парке. И постарайтесь быть счастливым.

Я спросил:

— Это он вернулся? Или пришел другой? На другом конце провода повисла пауза.

— Я имею в виду...

— Я знаю, что вы имеете в виду. Видите ли, время не реально. Это снова он и в то же время — не он, другой. Существует много Будд, но в то же время только один. Ключ к пониманию — время. Когда вы слушаете пластинку во второй раз, играют ли второй раз музыканты? Если слушаете ее в пятидесятый раз, играют ли музыканты пятьдесят раз?

— Только один, — сказал я.

— Спасибо, — проговорил Лэмптон, и в трубке раздались короткие гудки.

Не каждый день такое увидишь, сказал я себе. То, о чем сообщил Гусыня.

К своему удивлению я понял, что перестал дрожать.

Такое было впечатление, что я дрожал всю свою жизнь, дрожал от какого-то хронического подспудного страха. Прожал, бежал, попадал в неприятности, терял близких. Не человек, а персонаж из мультфильма. Наивного мультфильма начала тридцатых. Страх был

первопричиной всего, что я делал.

Теперь страх умер, новости, которые я услышал, смели его прочь. Новости, вдруг осознал я, которые я мечтал услышать с самого начала. В некотором смысле я на свет-то появился, чтобы не упустить момент, когда они придут. Ни по какой иной причине.

Теперь я мог забыть о мертвой девушке. Сама вселенная в ее макрокосмических масштабах уняла горе. Рана исцелилась.

Поскольку час был поздний, я не мог сразу же сообщить остальным о звонке Лэмптона. И не мог связаться с «Эр Калифорния», чтобы забронировать места в самолете. Впрочем, не успело наступить утро, а я уже позвонил Дэвиду, Кевину, а потом Жирному. Они поручили мне заняться приготовлениями к отлету — вечер пятницы их вполне устраивал.

В тот же вечер мы собрались вместе и решили, что нашу маленькую группу нужно как-то назвать. После легкой перебранки решение оставили за Жирным. Учитывая то, что сказал Лэмптон о Будде, мы решили назвать себя «Общество Сиддхартхи».

— Тогда меня вычеркивайте, — заявил Дэвид. — Жаль, но я не могу оставаться с вами, коль нет никакого упоминания о христианстве. Я не фанатик, однако...

— Ты фанатик, — сказал ему Кевин.

Мы опять начали спорить. В конце концов остановились на названии, достаточно мудреном, чтобы удовлетворить Дэвида — для меня все это не казалось столь уж важным. Жирный рассказал нам о сне, который ему приснился недавно, и в этом сне фигурировала большая рыба. Вместо рук у нее были огромные плавники, похожие то ли на паруса, то ли на веера, и в одном из плавников рыба держала винтовку «М-16», но оружие упало на землю, когда голос произнес:

— Рыбы не могут носить оружие.

Поскольку в греческом есть для таких плавников слово «рипидос» — как у рептилий класса «рипидоглосса», — мы решили назвать себя «Рипидоновым обществом», намекая таким образом на христианскую рыбу.

Жирному это тоже понравилось, поскольку напоминало о племени догонов, у которых символ рыбы означал принадлежность к божественному.

Итак, теперь мы могли отправляться к Лэмптонам — Эрику и Линде, — будучи своего рода официальной организацией. Хоть и маленькой. Нас это, по-моему, немного пугало.

Я положил руку Жирному на плечо.

— Все прошло. Он мне так сказал. Время гнета закончилось в августе одна тысяча девятьсот семьдесят четвертого. Время печали подходит к концу. Лады?

— Лады, — проговорил Жирный со слабой улыбкой, как будто не мог поверить в наши слова.

— Знаешь, ты вовсе не сумасшедший, — сказал я Жирному. — Помни, тебе больше этим не отмазаться.

— Он существует? Уже? На самом деле?

— Так сказал Лэмптон.

— Значит, правда. Я сказал:

— Возможно, правда.

— Но ты ведь веришь.

— Думаю, да, — сказал я. — Скоро мы все выясним.

— Любопытно, он старик? Или ребенок? Мне кажется он еще ребенок. Фил... — Жирный едва не поперхнулся. — А если он не человек?

— Ну, — проговорил я, — проблемы будем решать по мере их поступления.

А про себя подумал: возможно, он пришел из будущего — очень возможно. В каком-то смысле он не человек, но в остальных — человек. Наше бессмертное дитя... форма жизни, которая возникнет через миллионы лет. Зебра, подумал я. Теперь я увижу тебя. И остальные.

Царь и судья. Как обещано. Назад к Заратустре.

Нет, назад к Осирису, а из Египта к догонам... а оттуда к звездам.

— Хлебнем коньячку. — Кевин принес из гостиной бутылку. — Тост!

— Черт, Кевин, — запротестовал Дэвид, — не можем же мы пить за Спасителя. Уж во всяком случае, не коньяк.

- Не жужжи! — отрезал Кевин.
Все, включая Дэвида, взяли по рюмке «Курвуазье».
— За «Рипидоново общество», — провозгласил Жирный.
Мы чокнулись. Потом я добавил:
— За наш девиз.
— У нас есть девиз? — спросил Кевин.
— «Рыбы не носят оружие», — сказал я. И мы выпили за это.

11

Много лет прошло с тех пор, как я в последний раз бывал в Сономе, что в Калифорнии, на земле виноделов. Городок с трех сторон окружен очаровательными холмами. Там очень красивый городской парк, прямо в центре. Поблизости старинное здание суда, пруд, в котором плавают утки, пушки, оставшиеся от давних войн.

Парк окружает множество магазинчиков, предназначенных для туристов, что приезжают на выходные, — там очень ловко умеют всучить доверчивому ротозею никому не нужный хлам. А рядом стоят старые здания, оставшиеся от мексиканского правления. Они свежевыкрашены и снабжены табличками, оповещающими об их исторической ценности.

Воздух приятно пах — это особенно заметно, если вы приезжаете из Южных Земель, — и, хотя было уже темно, мы побродили немного по городу, прежде чем зайти в бар под названием «У Джино», чтобы позвонить Лэмптонам.

Когда Эрик и Линда Лэмптоны приехали за нами на белом «фольксвагене-рэббите», мы сидели в баре, попивая коктейль «сепаратор» — фирменный напиток Джино.

— Простите, что не смогли встретить вас в аэропорту, — сказал Эрик Лэмптон, подойдя вместе с женой к нашему столику.

Видимо, он узнал меня по фотографиям в прессе.

Эрик Лэмптон оказался стройным мужчиной с длинными светлыми волосами. На нем были красные джинсы-«колокола» и футболка с надписью «Спасите китов». Кевин, само собой, сразу его узнал, как, собственно, и многие посетители бара. Со всех сторон раздавались приветственные возгласы — Лэмптоны едва успевали улыбаться и кивать знакомым. Рядом с Эриком шла Линда — тоже стройная и с зубами, как у Эммилу Харрис. В отличие от мужа у нее были длинные мягкие темные волосы. Застыренные шорты, клетчатая рубаша и бандана на шее. Оба носили ботинки: Эрик — на молнии, Линда — на шнуровке.

Мы погрузились в «рэббит» и вскоре уже ехали по улице, застроенной относительно современными домами с большими лужайками.

— Мы — «Рипидоново общество», — сказал Жирный. Эрик Лэмптон ответил:

— А мы — «Братья Божий».

Кевин потрясенно уставился на Эрика. Мы, в свою очередь, на Кевина.

— Значит, название вам знакомо, — констатировал Эрик.

— *Gottesfreunde*, — сказал Кевин. — Четырнадцатый век!

— Верно, — кивнула Линда. — «Братья Божий» появились в Базеле. Потом распространились в Германию и Нидерланды. Вы должны знать о Мейстере Экхарте.

Кевин кивнул.

— Первый человек, кто предположил различие между Божеством и Богом. Величайший из христианских мистиков. Он учил, что человек может достичь единения с Божеством, говорил, что Бог существует в человеческой душе! — Мы еще никогда не видели Кевина таким возбужденным. — Душа сама способна узреть и познать Бога. Сегодня этому никто не учит! И... и... — Кевин начал заикаться — такого мы еще не видели. — Шанкара в Индии, в девятом веке, учил тому же самому. Это трансхристианский мистицизм, там говорится, что человек может познать Бога, потому что в самом человеке есть «несотворенная искорка», единосущная Богу. Брахма... вот почему Зебра...

— ВАЛИС, — сказал Эрик Лэмптон.

— Не важно кто, — продолжал Кевин, поворачиваясь ко мне. Он крайне возбудился. — Это объясняет откровения по поводу Будды, и Святой Софии, и Христа. Такие вещи не

ограничены странами, культурами или религиями. Извини, Дэвид.

Дэвид дружелюбно кивнул, хотя было видно, что он потрясен. Ортодоксальностью здесь и не пахло. Эрик сказал:

— Шанкара и Экхарт — одна и та же личность, живущая одновременно в двух местах и двух временах.

Жирный пробормотал себе под нос:

— Он заставляет вещи казаться другими, чтобы создавалось впечатление, что время меняется.

— И время, и пространство, — проговорила Линда.

— А что такое ВАЛИС? — спросил я.

— Всеобъемлющая Активная Логическая Интеллектуальная Система, — ответил Эрик.

— Хорошее описание.

— Какое есть, — хмыкнул Эрик. — Нормальное описание. Или вам хочется давать имена, вроде как человек вал имена животным по указанию Бога? ВАЛИС — это имя. Называйте его так и будьте довольны.

— ВАЛИС — человек? — спросил я. — Или Бог? Или что-то еще?

Эрик с Линдой улыбнулись.

— Он пришел со звезд? — продолжал я.

— Место, где мы сейчас находимся, тоже одна из звезд, — сказал Эрик. — Наше Солнце — звезда.

— Ребусы, — пробормотал я. Жирный спросил:

— ВАЛИС — Спаситель?

Оба, и Эрик, и Линда, на мгновение замолкли, потом Линда сказала:

— Мы — «Братья Божий».

Больше никто из них ничего не добавил. Дэвид внимательно посмотрел на меня и сделал жест, который я понял как: «Они достигли ТАКОГО уровня?».

— «Братья Божий» — очень древняя группа, — ответил я вслух. — Я думал, они все умерли столетия назад.

Эрик проговорил:

— Мы никогда не умирали, и мы гораздо старше, чем вы можете себе представить. Старше, чем вам говорили. Даже мы не скажем вам правды, насколько мы стары, если вы спросите нас.

— Значит, вы существовали до Экхарта! — отрезал Кевин.

— За века до него? Ответа не последовало.

— За тысячелетия? — спросил я.

— Высокие горы — сернам; каменные утесы — убежище зайцам, — нараспев произнесла Линда.

— Что это? — в унисон воскликнули мы с Кевином.

— Я знаю, что это, — сказал Дэвид.

— Быть не может, — прошептал Жирный. Через некоторое время Эрик проговорил:

— На них гнездятся птицы: ели — жилище аисту. Жирный повернулся ко мне.

— Раса Эхнатона. Псалом 103, из гимна Эхнатона. Он вошел в Библию... и он старше Библии.

Линда Лэмптон заговорила:

— Мы — уродливые строители с руками, подобными когтям. Мы стыдливо прячемся. Вместе с Гефестом возвели мы великие стены и жилища для самих богов.

— Верно, — пробормотал Кевин. — Гефест был уродом. Бог-строитель. Вы убили Асклепия.

— Они — циклопы, — слабым голосом произнес Жирный.

— Значит — круглоглазые, — сказал Кевин.

— Но у нас три глаза, — проговорил Эрик. — Так что в исторические записи вкралась ошибка.

— Не случайная? — поинтересовался Кевин.

— Нет, — ответила Линда.

— Вы очень стары, — сказал Жирный.

— Да, — подтвердил Эрик, Линда кивнула. — Мы очень стары. Но время — не реально. Во всяком случае, для нас.

— Бог ты мой! — потрясенно проговорил Жирный. — Это изначальные строители.

— Мы никогда не останавливались, — сказал Эрик. — Мы по-прежнему строим. Мы построили этот мир, эту пространственно-временную матрицу.

— Вы — наши создатели, — выдал из себя Жирный.

Лэмптоны кивнули.

— Вы и в самом деле Божий братья, — сказал Кевин. В буквальном смысле.

— Не бойтесь, — произнес Эрик. — Помните, как Шива держит руку, чтобы показать, что бояться нечего?

— Но ведь Шива — разрушитель, — запротестовал Жирный. — Его третий глаз разрушает.

— Он еще и созидатель, — заметила Линда. Наклонившись ко мне, Дэвид прошептал:

— Они сумасшедшие?

Они боги, сказал я себе. Они — Шива, который одновременно разрушает и защищает.

Они судьбы.

Наверное, мне следовало испугаться... Тем не менее я не испугался. Они уже совершили акт разрушения — низвергли Ферриса Ф. Фримонта, как было показано в «ВАЛИСе».

Наступило время Шивы Созидателя. Время воссоздания всего, что утеряно. Двух погибших девушек.

Как и в кино, Линда Лэмптон оказалась способна поворачивать время вспять... и воскрешать умерших.

До меня начал доходить смысл фильма.

«Рипидоново общество», словно рыба, осознал я, покинуло морские глубины и вынырнуло на поверхность.

Вторжение коллективного подсознательного, учил Юнг, способно уничтожить наше слабое индивидуальное эго. В глубинах коллективного дремлют архетипы. Пробудившись, они могут созидать либо разрушать. Вот в чем опасность архетипов: противоположные качества еще не разделены. Биполяризация на парные противоположности не возникает, пока не возникает сознание.

Так и с богами: жизнь и смерть, защита и разрушение — суть одно. Тайное единение существует вне пространства и времени.

Такое может очень сильно испугать, и неспроста. В конце концов, ставкой оказывается само ваше существование.

Настоящая опасность, а с ней и степень крайнего ужаса, приходит, когда сначала имеет место созидание и защита, а после грядет разрушение. Поскольку при такой последовательности все, что создано, должно погибнуть.

В каждой религии таится смерть.

Она вольна проявить себя в любой момент, и не исцеление несет она на своих крылах, но отраву.

Однако мы все были отравлены с самого начала. А ВАЛИС дал нам информацию, целительную информацию. ВАЛИС пришел к нам в облике врача, и век страданий, Железный Век был уничтожен вместе с ядовитой металлической занозой.

И все же... риск сохранился.

Все это что-то вроде какой-то ужасной игры. Игры, исход которой неизвестен.

Libera me, Domine, сказал я себе. *In die illa*. Спаси и сохрани меня, Господи, в этот день гнева. Вселенную пронизывает поток иррационального, и мы, маленькое доверчивое «Рипидоново общество», рискуем быть увлечены им и исчезнуть навсегда.

Как исчезли многие до нас.

Я вспомнил об открытии, которое совершил великий врач Возрождения. Яд в строго отмеренных дозах может служить лекарством. Парацельс первым использовал в качестве лекарства такие металлы, как ртуть. Именно благодаря этому открытию — использование

ядовитых металлов в строго отмеренных дозах в качестве лекарства — Парацельс попал в учебники истории. Жизнь великого врача, впрочем, закончилась весьма неудачно.

Он умер от отравления металлом.

Так что, если взглянуть на вещи с другой стороны, то лекарство может быть и ядом, лекарство может убить.

«Время — ребенок, играющий в шахматы; царство ребенка». Так написал Гераклит двадцать пять сотен лет назад. Ужасная мысль во многих смыслах. Самая ужасная из всех. Ребенок, играющий в игру... с самой жизнью, играющий везде.

Я бы предпочел альтернативу. Я осознал вдруг важность девиза нашего крошечного общества, девиза, не позволяющего ни при каких обстоятельствах разорвать связь с сутью христианства.

РЫБЫ НЕ МОГУТ НОСИТЬ ОРУЖИЕ!

Если отказаться от этого, нам придется столкнуться с парадоксом, а потом и с самой смертью. Как бы глупо ни звучал наш девиз, он выражает именно наше понимание сути вещей. Больше ничего и не требуется.

В странном сне Жирного, там, где рыба уронила «М-16», Божественное обратилось к нам. *Nihil Obstat*. Мы обрели любовь и обрели свое место.

Однако божественное и ужасное очень близки друг к другу. Номмо и Йуругу были партнерами — оба были необходимы. Осирис и Сет тоже. В Книге Иова Яхве и Сатана тоже становятся партнерами. Чтобы мы продолжали жить, это партнерство должно быть разрушено. Закулисное партнерство должно закончиться, как только время и пространство и все создания обретут существование.

Не Богу и не богам надлежит господствовать, а мудрости, Святой Мудрости. Я надеялся, что пятый Спаситель будет таким: разрушит биполярность и явит себя единым. Не трое, не двое, а *один*. Не Брахма Создатель, Вишну Хранитель и Шива Разрушитель, а то, что Заратустра назвал Мудрым Разумом.

Бог может быть добрым и ужасным, но не по очереди, а одновременно. Вот почему мы ищем посредника между собой и Богом. Мы общаемся с Богом через священника и отгораживаемся от него при помощи обрядов. Мы поступаем так из соображений безопасности, ограничивая Бога рамками, внутри которых он безвреден.

Однако теперь, как понял Жирный, Бог разрушил границы и взялся за преобразование мира. Бог вырвался на свободу.

Нежные голоса, хором распеваящие: «Аминь, аминь», делают это для успокоения паствы, а вовсе не для умиротворения Бога.

Если осознаете это, значит, вы добрались до самой сердцевины религии. Хуже всего то, что Бог может проникнуть в паству и в конце концов стать ею. Вы молитесь Богу, а он платит тем, что овладевает вами. По-гречески это называется «энтузиазм», что переводится как «быть одержимым богом». Из всех греческих богов больше всего любил вытворять такое Дионис. И, на беду, Дионис был сумасшедшим.

Порассуждаем в обратном порядке: если вы одержимы богом, то не важно, как его зовут, — так или иначе это безумный Дионис. Еще он был богом интоксикации, что буквально означает «принятие токсинов». Другими словами — ядов. Вот она, опасность!

Если вы уловите это, то постараетесь убежать. Но как ни бегите, он все равно вас настигнет, ведь основой паники, ведущей к неконтролируемому бегству, является полубог Пан, а Пан — субформа Диониса. Так что, как от Диониса ни беги, все равно тебя поймают.

Я пишу все это через силу; я так устал, что едва не падаю со стула. То, что случилось в Джонстауне, было массовым паническим бегством, внушенным сумасшедшим богом¹. Паникой, ведущей к смерти — логический итог одержимости безумным богом.

Для них просто не существовало иного пути. Чтобы понять это, нужно стать одержимым сумасшедшим богом. Понять, что когда такое случается, другого выхода нет, потому что

¹ Имеется в виду трагическое самоубийство девятистот взрослых и Детей, последователей проповедника Д. Джонса.

безумный бог везде.

Трудно увидеть здравый смысл в том, как девять сотен человек договариваются о собственной смерти и смерти своих детей. Однако безумный бог не обладает логикой, во всяком случае — в нашем ее понимании.

Дом Лэмптонов — величавую фермерскую усадьбу — окружали виноградники. Как-никак, винодельческий край.

Мне тут же пришла мысль, что Дионис — бог виноделия.

— А тут хорошо пахнет, — сказал Кевин, вылезая из «фольксвагена».

— Воздух не всегда такой чистый, — заметил Эрик. — Даже здесь.

Внутри дом оказался теплым и весьма симпатичным. Повсюду в рамках под стеклом, не дающим бликов, висели плакаты с изображениями Эрика и Линды, придавая старому деревянному дому современный вид.

Линда с улыбкой сообщила:

— Мы тут сами делаем вино. Из собственного винограда.

Ясное дело, подумал я.

У одной из стен громоздился гигантский комплекс стереооборудования, весьма напоминающий «миксер» Николаса Брейди. Сразу стало понятно, откуда взялся этот образ.

— Сейчас поставлю одну из наших последних записей, — сказал Эрик, подходя к аудиокрепости и щелкая тумблерами. — Музыка Мини, слова мои. Я здесь пою, но мы не собираемся выпускать запись в свет — это просто эксперимент.

Как только мы расселись по местам, в гостиной, отражаясь от стен, загрохотали несусветные децибелы.

Я хочу увидеть тебя,
Хочу увидеть поскорей.
Дай мне свою руку, эй!
Не за кого уцепиться мне,
Я стар, ужасно стар, йе-е-е!

Что ж ты не посмотришь на меня?
Не дрейфь, это всего лишь я.
Раньше или позже
Я к тебе приду.
Так или иначе я тебя найду!

Господи, подумал я, слушая слова. Мы попали именно туда, куда нужно, нет сомнений. Получили что хотели. Кевин может сколько угодно развлекаться, разбирая слова песни, но они не нуждаются в анализе. Лучше обратить внимание на электронные шумы Мини.

Линда приблизила губы к моему уху и прокричала:

— Эти резонансы открывают высшие чакры. Я кивнул.

Когда песня закончилась, мы наперебой стали говорить, какая она классная, даже Дэвид. Дэвид словно пребывал в трансе, глаза его затуманились. С ним так случается всякий раз, когда он сталкивается с чем-то, что ему трудно выносить. Церковь научила его отключаться на время, пока не пройдет стрессовая ситуация.

— Хотите познакомиться с Мини? — спросила Линда Лэмптон.

— Да! — воскликнул Кевин.

— Он, наверное, спит наверху. — Эрик Лэмптон направился к выходу из гостиной. — Линда, принеси из погреба «каберне-совиньон» семьдесят второго года.

— Хорошо. — Линда кивнула и направилась к другой двери. — Будьте как дома, — бросила она через плечо. — Я скоро.

Кевин в полном восторге разглядывал стереоаппаратуру.

Ко мне подошел Дэвид — руки в карманах, на лице странное выражение.

— Они...

— Они психи, — сказал я.

— Но в машине мне показалось, что ты...

— Психи, — повторил я.

— В хорошем смысле? — Дэвид придвинулся ко мне, словно ища защиты. — Или... по-другому?

— Не знаю, — честно ответил я.

Жирный стоял рядом, внимательно слушая, очень серьезный и молчаливый. Кевин продолжал разглядывать стереосистему.

— Думаю, нам следует... — начал Дэвид, однако тут в гостиную вошла Линда Лэмpton, неся серебряный поднос с шестью бокалами и запечатанной бутылкой.

— Не откроет ли кто-нибудь из вас вино? — попросила Линда. — У меня всегда пробка проталкивается внутрь, даже не знаю почему.

Без Эрика она сделалась застенчивой, совсем непохожей на женщину, которую сыграла в «ВАЛИСе». Кевин взял бутылку.

— Штопор где-то на кухне, — сказала Линда.

Над нашими головами послышался скрежет, как будто по полу тянули что-то тяжелое.

Линда пояснила:

— У Мини — мне следовало вас предупредить — обширная миелома, он передвигается в инвалидной коляске.

Кевин в ужасе проговорил:

— Клеточная миелома — неизлечимая болезнь!

— Можно протянуть около двух лет, — сказала Линда. — Диагноз поставили совсем недавно. На следующей неделе Мини ложится в больницу. Мне очень жаль.

Жирный спросил:

— Разве ВАЛИС не в силах исцелить его?

— Кому суждено исцелиться — исцелится, — сказала Линда Лэмpton. — Кому суждено погибнуть — погибнет. Но время нереально — ничто не погибает. Все это лишь иллюзия.

Мы с Дэвидом переглянулись.

Бум! Бум! Что-то огромное и неуклюжее начало спускаться по ступенькам. Мы застыли в ожидании, и наконец в гостиную вкатилась инвалидная коляска, из которой нам с любовью и теплом узнавания улыбнулось что-то маленькое и бесформенное. Из обеих ушей свисали проводки. Мини, создатель синхронической музыки, был почти глух.

По очереди подойдя к Мини, мы пожали его дрожащую руку и представились — не в качестве «Рипидонова общества», а лично.

— Ваша музыка имеет огромное значение, — сказал Кевин.

— Верно, — кивнул Мини.

Было видно, что он испытывает сильную боль. Не оставалось сомнений: Мини долго не протянет. Однако, несмотря на страдания, мы сразу почувствовали, что в нем нет злобы по отношению к миру — Мини ничуть не походил на Шерри. Я посмотрел на Жирного и понял, что, глядя на развалину в инвалидной коляске, он тоже вспоминает Шерри. Забраться в такую даль, подумал я, и вновь столкнуться с тем, от чего бежал.

Что ж, как я уже говорил, не важно, какое направление вы выберете: если вы бежите, бог бежит вместе с вами, поскольку он везде — и внутри, и вне вас.

— С вами контактировал ВАЛИС? — спросил Мини. — Со всеми четверьмя? Вы поэтому здесь?

— Только со мной, — сказал Жирный. — Остальные — мои друзья.

— Расскажите, что вы видели.

— Огни святого Эльма. И информация...

— Когда имеешь дело с ВАЛИСом, всегда присутствует информация, — сказал Мини. — Он сам — информация. Живая информация.

— Он исцелил моего сына, — проговорил Жирный. — Точнее сказать, передал мне медицинскую информацию, необходимую для исцеления. И еще ВАЛИС сообщил, что Святая София, и Будда, и Аполлон вот-вот родятся, и что время...

— Время, которого вы ждали... — пробормотал Мини.

— Да, — сказал Жирный.

— Как вы узнали шифр? — спросил Эрик Лэмптон Жирного.

— Я увидел дорожку, ведущую к двери, — проговорил Жирный.

— Он увидел, — быстро сказала Линда. — Чему было равно отношение? Отношение сторон двери?

— Константе Фибоначчи, — ответил Жирный.

— Еще один наш шифр, — кивнула Линда. — Мы помещали объявления по всему миру. Один, запятая, шесть, один, восемь, ноль, три, четыре. Мы говорили:

«Завершите последовательность: один, запятая, шесть» Любой, кто распознает константу Фибоначчи, способен закончить последовательность.

— Или мы использовали числа Фибоначчи, — вступил в разговор Эрик. — 1, 2, 3, 5, 8, 13 и так далее. Это дверь на Другой уровень.

— Более высокий? — спросил Жирный.

— Мы называем его просто Другим.

— Через дверной проем я видел светящуюся надпись, — сообщил Жирный.

— Нет, не видели, — улыбнулся Мини. — За дверью — Крит.

После паузы Жирный проговорил:

— Лемнос.

— Иногда Лемнос. Иногда — Крит. Смысл тот же. В спазме боли Мини весь изогнулся в коляске.

— Я увидел на стене надпись на иврите, — продолжил Жирный.

— Верно. — Мини опять улыбался. — Каббала. И буквы менялись, пока не получились слова, которые вы могли прочитать.

— ЦАРЬ ФЕЛИКС, — сказал Жирный.

— Почему вы солгали, что видели надпись через дверной проем? — спросила Линда.

Казалось, ей просто любопытно.

— Боялся, вы мне не поверите, — признался Жирный.

— Выходит, вы не слишком хорошо знакомы с Каббалой, — заметил Мини. — Это система кодировки, которую использует ВАЛИС. Вся его вербальная информация содержится в Каббале, так экономичнее — там гласные обозначаются точками. А вам предоставили распознающее устройство. Обычно невозможно отличить тропу от земли, на которой она находится. ВАЛИС дал вам распознаватель. Модулятор. Вы увидели путь как цвет, верно?

— Верно, — кивнул Жирный. — А земля была черно-белой.

— Значит, вы смогли разглядеть фальшивку.

— Простите?

— Фальшивку, наложенную на реальный мир.

— А, — сообразил Жирный. — Да. Мне показалось, что некоторые вещи исчезли.

— А другие появились, — подтвердил Мини. Жирный кивнул.

— Вы сейчас продолжаете слышать голос? — спросил Мини. — Голос ИИ?

После долгого молчания Жирный, по очереди посмотрев на меня, Кевина и Дэвида, проговорил:

— Голос... какой-то неопределенный. Не мужской и не женский. Верно, он звучит так, словно принадлежит искусственному интеллекту.

— Это межсистемная коммуникационная сеть, — сообщил Мини. — Она простирается среди звезд, соединяя все звездные системы с Альбемутом.

Жирный вытаращил на него глаза.

— Альбемут? Это звезда?

— Вы слышали слово, но...

— Я видел его написанным, — сказал Жирный, — но не знал, что оно значит. Подумал, что-то из алхимии, из-за «аль».

— «Аль» — приставка, — пояснил Мини. — По-арабски это то же самое, что у нас определенный артикль. Обычная вещь в названии звезд. То был ключ. Так или иначе, вы должны были видеть страницы с текстом.

— Верно, — кивнул Жирный. — Много страниц. Там говорилось о том, что произойдет со мной. Как, например... — он помедлил, — ...о моей последней попытке самоубийства. Там

было греческое слово «ананке», которого я не знал. И еще: «Мир постепенно погрузится во тьму; крайняя степень болезни». Позже я понял, что это означало: что-то плохое, болезнь, то ужасное, что мне предстояло совершить. Но я выжил.

— Моя болезнь, — сообщил Мини, — проистекает из-за близости к ВАЛИСу, из-за его энергии. Досадно. Впрочем, как вам известно, мы бессмертны, хотя и не в физическом смысле. Мы возродимся и вспомним.

— Мои домашние животные погибли от рака, — проговорил Жирный.

— Верно, — сказал Мини. — Уровень излучения иногда слишком высок. Для нас.

Я подумал: вот почему ты умираешь. Твой бог убил тебя, а ты все равно счастлив. И еще я подумал: надо убираться отсюда — эти люди заигрывают со смертью.

— Что такое ВАЛИС? — спросил Кевин у Мини. — Божество или демиург? Шива? Осирис? Гор? Я читал «Космический триггер», Роберт Антон Уилсон говорит...

— ВАЛИС — это конструкция, — сказал Мини. — Артефакт. Он в буквальном смысле слова стоит на якоре здесь, на Земле. Но поскольку для него не существуют пространство и время, ВАЛИС может быть где угодно и когда угодно. Его создали, чтобы программировать нас при рождении. ВАЛИС выстреливает очень короткими информационными пучками в новорожденных, закладывая в них инструкции, которые с равными интервалами выдаются в течение всей их последующей жизни из правого полушария в определенных ситуационных контекстах.

— У него есть антагонист? — спросил Кевин.

— Только патология этой планеты, — сказал Эрик. — Все из-за атмосферы. Мы не можем просто дышать здешней атмосферой, она токсична для нашей расы.

— Нашей? — спросил я.

— Мы все с Альбемута, — сказала Линда. — Здешняя атмосфера отравляет нас и повергает в безумие. Поэтому они — те, кто остался в системе Альбемута, — создали ВАЛИС и отправили его сюда. Он посылает нам рациональные инструкции, чтобы помочь преодолеть патологию, вызываемую токсичностью атмосферы.

— Значит, ВАЛИС рационален, — констатировал я.

— Единственное рациональное, что у нас есть, — сообщила Линда.

— И когда мы действуем рационально, то находимся под его юрисдикцией, — заметил Мини. — Я имею в виду не только находящихся в этой комнате. Я говорю обо всех вообще. Не всех, кто живет, а всех, кто рационален.

— Собственно говоря, получается, — заключил я, — что ВАЛИС детоксифицирует людей.

— Именно, — кивнул Мини. — Это информационный антитоксин. Однако передозировка может вызвать... болезнь, подобную моей.

Слишком большое количество лекарства, сказал я себе, вспоминая Парацельса, порой превращается в яд. Этого человека залечили до смерти.

— Я хотел узнать о ВАЛИСе как можно больше, — ответил Мини на мой невысказанный вопрос. — Я умолял его продолжать общение со мной. ВАЛИС противился, так как сознает, какое действие производит его радиация. Однако в конце концов сделал так, как я просил. Я ни о чем не жалею. Дело того стоило. — Он повернулся к Жирному: — Вы понимаете, о чем я. Колокольный звон...

— Да, — сказал Жирный. — Пасхальные колокола.

— Вы говорите о Христе? — поинтересовался Дэвид. — Христос — искусственная конструкция, созданная, чтобы снабжать нас информацией, работающей на подсознательном уровне?

— Нам повезло еще при рождении, — ответил Мини. — Он избрал нас. Свою паству. До того, как я умру, ВАЛИС вернется — он обещал мне. ВАЛИС придет и возьмет меня с собой; я навсегда стану его частью.

Глаза его наполнились слезами.

Позже мы сидели кружком и разговаривали более спокойно.

Глаз Шивы — представление древних о том, как ВАЛИС выстреливает информацией. Они

знали, что он способен разрушать — губительное излучение необходимо для переноса информации. Мини сказал нам, что в момент передачи информации ВАЛИС не обязательно находится близко — он может быть в миллионах миль. Поэтому в фильме «ВАЛИС» они представили его в виде спутника, очень древнего спутника, запущенного на орбиту не людьми.

— Значит, — сказал я, — мы имеем дело не с религией, а с очень развитой технологией.

— Слова, — сказал Мини.

— Что есть Спаситель? — спросил Дэвид. Мини повернулся к нему.

— Вы увидите его. Скоро. Если захотите, то завтра, в субботу вечером. Сейчас он спит. Он все еще много спит, фактически все время. В конце концов он ведь спал тысячи лет.

— В Наг-Хаммади? — спросил Жирный.

— Я бы не хотел уточнять, — ответил Мини.

— Почему это нужно хранить в секрете? — поинтересовался я.

Ответил Эрик:

— Мы ничего не скрываем. Мы сняли фильм и выпускаем пластинки, где информация содержится в стихах. В основном подсознательная. Мини делает то же самое с музыкой.

— Иногда брахман спит, — проговорил Кевин, — иногда танцует. Мы говорим о Брахме? Или о Будде Сиддхартхе? Или о Христе? Или обо всех сразу?

Я повернулся к Кевину.

— Великий... — Я хотел сказать «Великий Пунта», но решил, что это будет неразумно. Тогда я повернулся к Мини. — Это ведь не Дионис, правда?

— Аполлон, — сказала Линда. — Противоположность Диониса.

Слова Линды успокоили меня. Это совпадало с тем, что было открыто Жирному. Аполлон.

— Мы все здесь в лабиринте, — проговорил Мини, — который сами построили и в который сами же угодили. По существу, ВАЛИС избирательно посылает нам информацию, помогающую нам выбраться из лабиринта, найти путь наружу. Это началось за две тысячи лет до Христа, во времена крито-микенской или, возможно, ранней элладской культуры. Вот почему в мифах лабиринт располагается в Миносе, на Крите. Вот почему через дверь 1, 618034 вы увидели Крит.

Мы были великими строителями, но однажды решили сыграть в игру. Мы сделали это добровольно — мы были такими искусными строителями, что смогли построить постоянно меняющийся лабиринт, однако, несмотря на наличие выхода как такового, для нас выхода не было, поскольку лабиринт — этот мир — был живым. Чтобы превратить игру в нечто реальное, в нечто большее, нежели интеллектуальное упражнение, мы решили избавиться от своих исключительных способностей, опуститься уровнем ниже. К несчастью, мы потеряли и память — знания о нашем истинном происхождении. Хуже того, мы в некотором смысле запрограммировали свое поражение, вручили победу слуге, лабиринту, который сами построили...

— Третий глаз закрылся, — утвердительно проговорил Жирный.

— Да, — кивнул Мини. — Мы лишились третьего глаза — нашего первичного эволюционного признака. ВАЛИС вновь открывает третий глаз.

— Значит, именно третий глаз способен вывести нас из лабиринта, — сказал Жирный. — Вот почему в Египте и Индии третий глаз отождествляется с божественной силой или с просветлением.

— Что есть одно и то же, — констатировал Мини. — Богоподобный, просветленный.

— В самом деле? — спросил я.

— Да, — ответил Мини. — Именно таков человек в его истинном виде.

Жирный сказал:

— Значит, без памяти и без третьего глаза у нас никогда не было шанса победить лабиринт.

Я подумал: еще одна китайская ловушка. И мы сами построили ее. Чтобы поймать самих себя.

Какие же должны быть мозги, чтобы создать китайскую ловушку для самих себя? Хороша игра, подумал я. Никак не назовешь ее чисто интеллектуальной.

— Третьему глазу надлежало открыться вновь, когда мы выберемся из лабиринта, — продолжал Мини. — Но поскольку мы больше не помнили, что обладаем аджной, глазом, способным смотреть в глубь вещей, то не могли и искать открывающие его практики. Должно было прийти что-то извне, что-то, что сами мы не в состоянии создать.

— Значит, не все угодили в лабиринт, — заметил Жирный.

— Нет, — подтвердил Мини. — И те, кто остался вне его, в других звездных системах, сообщили на Альбемут, что мы сотворили с собой... Потому и сконструировали ВАЛИС — дабы спасти нас. Этот мир нереален. Наверняка вы и сами уже поняли. ВАЛИС заставил вас понять. Мы живем в лабиринте, а вовсе не в мире.

Все молча переваривали услышанное.

— А что будет, когда мы выберемся из лабиринта? — спросил Кевин.

— Мы освободимся из пространства и времени, — сказал Мини. — Пространство и время — ограничивающие, контролирующие условия лабиринта, его власть над нами.

Мы с Жирным переглянулись. Это тесным образом соприкасалось с нашими догадками — догадками, подсказанными ВАЛИСОМ.

— И после мы никогда не умрем? — спросил Дэвид.

— Верно, — ответил Мини.

— Значит, Спасение...

— Спасение, — проговорил Мини, — это слово, обозначающее: «быть выведенными из пространственно-временного лабиринта, где слуга стал господином».

— Могу я задать вопрос? — спросил я. — В чем состоит цель пятого Спасителя?

— Он не «пятой», — поправил Мини. — Есть только один, в разных временах, в разных местах, с разными именами. Спаситель — это ВАЛИС, воплощенный в человеческое существо.

— Человекомашина? — спросил Жирный.

— Нет! — Мини яростно затряс головой. — В Спасителе нет человеческих элементов.

— Погодите-ка... — начал Дэвид.

— Я знаю, чему вас учили, — сказал Мини. — В некотором смысле это правда. Но спаситель — ВАЛИС. Он однако, рожден женщиной. Не было создано никакого фантомного тела.

Дэвид кивнул — такое он мог понять.

— Значит, рожден? — спросил я.

— Да, — ответил Мини.

— Моя дочь, — сказала Линда. — Но не дочь Эрика. Моя и ВАЛИСа.

— Дочь?! — в унисон воскликнули мы.

— На сей раз, — сообщил Мини, — впервые Спаситель принял форму женщины.

Эрик Лэмpton сказал:

— Она очень милая. Вам понравится. Хотя и трещит без умолку. Она вас до смерти заговорит.

— Софии два года, — подхватила Линда. — Она родилась в тысяча девятьсот семьдесят шестом. Мы записываем все, что она говорит.

— Абсолютно все, — кивнул Мини. — София окружена записывающим аудио — и видеооборудованием. Само собой, не для ее защиты. Софию защищает ВАЛИС — ее отец.

— И мы можем поговорить с ней? — спросил я.

— Она пообщается с вами через несколько часов, — сказала Линда, а потом добавила: — На любом языке, который существует или когда-либо существовал.

12

На свет явилась Мудрость, а не божество — божество, которое, излечивая одной рукой, другой одновременно убивает... Спаситель — не такое божество, сказал я себе. Слава тебе, Господи.

На следующее утро нас привели в место, напоминающее маленькую ферму, где повсюду бродили животные. Я не заметил никакой записывающей аппаратуры, зато увидел — мы все увидели — черноволосое дитя, сидящее среди коз и цыплят. Рядом стояла клетка с кроликами.

Я ожидал безмятежности, всепонимающего Божьего спокойствия. Однако, завидев нас, девочка вскочила на ноги и побежала навстречу. На лице ее было написано раздражение, огромные глаза, расширенные от злости, уставились прямо на меня. Девочка подняла правую руку и ткнула в меня пальцем.

— Попытка самоубийства — жестокое насилие над собой, — проговорила она чистым голосом.

Девочка была, как и говорила Линда, не старше двух лет. Просто ребенок, вот только с глазами бесконечно старого человека.

— Это был Жирный Лошадник, — сказал я.

На что София ответила:

— Фил, Кевин и Дэвид. Вас трое. Больше никого.

Я повернулся к Жирному, однако никого не обнаружил. Я увидел лишь Эрика Лэмптона, его жену, умирающего человека в инвалидной коляске, Кевина и Дэвида. Жирный исчез. От него не осталось и следа.

Жирный Лошадник ушел навсегда. Словно никогда и не существовал.

— Я не понимаю, — проговорил я. — Ты уничтожила его.

— Да, — сказала девочка. Я спросил:

— Зачем?

— Чтобы ты стал единым.

— Значит, он во мне? Живет во мне?

— Да.

Постепенно черты лица девочки разгладились. Огромные темные глаза подобрели.

— Он все время был во мне, — сказал я.

— Верно, — подтвердила София.

— Сядьте, — сказал Эрик Лэмптон. — Она предпочитает, чтобы мы сидели, тогда ей не приходится смотреть снизу вверх. Не забывайте о разнице в росте.

Подчинившись, мы опустились на сухую коричневую землю, и тут я узнал начальные кадры фильма «ВАЛИС». Их снимали здесь.

— Спасибо, — поблагодарила София.

— Ты Христос? — спросил Дэвид.

Он подтянул колени к подбородку, обхватил их руками и сам стал похож на ребенка — один ребенок обращается к другому в разговоре равных.

— Я то, что я есть, — ответила София.

— Мне очень приятно... — Я не знал, что сказать.

— Пока не исчезнет твое прошлое, — сказала мне София, — ты обречен. Тебе это известно?

— Да, — ответил я. София продолжала:

— Твое будущее должно отличаться от прошлого. Будущее всегда должно отличаться от прошлого.

Дэвид спросил:

— Ты — Бог?

— Я то, что я есть, — ответила София. Я сказал:

— Значит, Жирный Лошадник был частью меня, которую я спроецировал в мир, чтобы оградить себя от смерти Глории?

— Именно, — подтвердила София.

— А где сейчас Глория?

— Лежит в могиле, — сказала София.

— Она вернется? София ответила:

— Никогда.

— Я думал, речь идет о бессмертии. На это София ничего не сказала.

— Ты в силах помочь мне? — спросил я.

— Я уже помогла тебе, — проговорила София. — Я помогла тебе в семьдесят четвертом и потом, когда ты пытался убить себя. Я помогаю тебе с момента твоего рождения.

Я спросил:

- Ты — ВАЛИС?
- Я то, что я есть, — ответила София. Я повернулся к Линде и Эрику.
- Она не всегда отвечает.
- Некоторые вопросы бессмысленны, — пояснила Линда.
- Почему ты не вылечишь Мини? — спросил Кевин. София сказала:
- Я делаю то, что я делаю. Я — то, что я есть.
- Тогда мы не понимаем тебя, — проговорил я.
- Хоть это вы понимаете, — сказала София. Дэвид спросил:
- Ты вечна, верно?
- Да.
- И ты знаешь все? — настаивал Дэвид.
- Да.

Я спросил:

- Ты была Сиддхартхой?
- Да, — сказала София.
- Ты убийца и жертва?
- Нет.
- Значит, жертва.
- Я жертва, — сказала София, — но я не убийца. Я — целитель и исцеленный.
- Но ВАЛИС убил Мини, — сказал я. София промолчала.
- Ты судья этого мира? — спросил Дэвид.
- Да, — ответила София.
- Когда начнется суд? — спросил Дэвид.
- Вас всех судят с самого начала. Я задал вопрос:
- Как ты оцениваешь меня? София промолчала.
- Мы ведь когда-то узнаем это? — продолжал Кевин.
- Да, — ответила София.
- Когда? — настаивал Кевин. Молчание.
- Думаю, пока достаточно, — проговорила Линда. — Поговорите с ней позже. София любит сидеть среди животных. — Она тронула меня за плечо. — Пойдемте.

По пути назад я заметил:

- Ее голос — тот же нейтральный голос ИИ, что я слышу с семьдесят четвертого года.

Кевин хрипло произнес:

- Это компьютер. Вот почему она отвечает только на определенные вопросы.
- Эрик и Линда улыбнулись. Мы с Кевином смотрели, как катится в своей коляске Мини.
- Система ИИ, — сказал Эрик. — Искусственный интеллект.

— Терминал ВАЛИСа, — предположил Кевин. — Удаленный терминал главной системы — ВАЛИСа.

- Верно, — подтвердил Мини.
- Это не маленькая девочка, — продолжал Кевин.
- Я родила ее, — сказала Линда.
- Может, вам просто показалось, что родили? — поинтересовался Кевин.

Линда улыбнулась.

— Искусственный интеллект в человеческом теле. Ее тело живое, разум — нет. Она чувствует, ощущает, она все знает. Но ее разум не живой в нашем понимании. Она несотворенная. Она существовала всегда.

— Читайте вашу Библию, — сказал Мини. — Она была с Творцом еще до начала Творения. Она была его счастьем и радостью, его величайшим сокровищем.

- Не понимаю почему, — сказал я.

— Ее легко полюбить, — продолжал Мини. — Многие любили ее... так говорится в Книге Мудрости. Она входила в этих людей и направляла их. Даже в тюрьмах была она с ними — она никогда не бросала тех, кто любил ее.

- И голос ее слышен в судах человеческих, — пробормотал Дэвид.
- И она уничтожила тирана? — спросил Кевин.

— Да, — ответил Мини. — В фильме мы назвали его Феррисом Ф. Фримонтом. Но вы-то знаете, кого она повергла в прах.

— Знаем, — мрачно сказал Кевин.

Я понимал, о чем он думает. О человеке в костюме и при галстукe, который бродит по пляжу Южной Калифорнии. Бесцельно бродит, гадая, что же случилось, что же пошло не так. Человек, по-прежнему замышляющий коварство.

Под конец же царства их, когда отступники исполняют меру беззаконий своих, восстанет царь наглый и искусный в коварстве...

Царь слез, заставивший в конце концов рыдать всех. Против него выступило нечто, что он в своей ограниченности не смог распознать. И только что мы разговаривали с тем, кто сделал это. С ребенком.

Ребенком, который существовал всегда.

В тот вечер за ужином в мексиканском ресторанчике рядом с парком в центре Сономы я понял, что никогда больше не увижу своего друга Жирного Лошадника, и ощутил горечь. Горечь утраты. Умом я понимал, что развоплотил его, развернул вспять процесс его появления. И все равно мне было грустно. Я наслаждался обществом Жирного, его бесконечными мудрствованиями, рассказами об интеллектуальных, духовных и эмоциональных поисках. Поисках не Грааля, но излечения от раны, глубокой раны, которую своей смертельной игрой нанесла Лошаднику Глория.

Не забежать больше к Жирному в гости, не позвонить... А ведь он стал настолько естественной частью моей жизни и жизни наших общих друзей! Интересно, что скажет Бет, когда перестанут приходить чеки на ребенка? Ну, я в общем-то понимал, что смогу принять на себя экономическое бремя и позаботиться о Кристофере. Средства у меня были, и во многом я любил Кристофера так же, как его отец.

— Тошно, Фил? — спросил меня Кевин.

Мы могли говорить свободно — Лэмптоны высадили нас у ресторана, попросив позвонить, когда мы будем готовы вернуться в их большой дом.

— Нет, — ответил я и добавил: — Я думаю о Жирном Лошаднике.

После небольшой паузы Кевин проговорил: — Значит, приходишь в себя.

— Верно, — кивнул я.

— Все будет хорошо, — грубовато утешил Дэвид. У него всегда были проблемы с проявлением чувств.

— Ага, — сказал я. Кевин спросил:

— Думаешь, Лэмптоны — психи?

— Да.

— А как насчет маленькой девочки? — поинтересовался он.

— Она не псих. Настолько же не псих, насколько они — психи. Парадокс: два совершенно свихнувшихся человека — три, если считать Мини, — породили совершенно нормальное создание.

— А если я скажу... — начал Дэвид.

— Только не говори, что Господь извлекает добро из зла, ладно? — перебил я. — Сделай нам такое одолжение.

Кевин произнес, ни к кому не обращаясь:

— Она самый чудесный ребенок, какого я когда-либо видел. Вот только вся эта чушь насчет того, что она компьютерный терминал... — Он взмахнул руками.

— Ты сам так говорил, — напомнил я.

— Тогда, — возразил Кевин, — это имело смысл. Но не теперь. Когда я могу видеть в перспективе.

— Знаешь, что я думаю? — сказал Дэвид. — Я думаю, надо нам погрузиться в самолет и отправиться обратно в Санта-Ану. И чем скорее, тем лучше.

Я ответил:

— Лэмптоны не причинят нам зла.

Странно, больной... умирающий человек, Мини, восстановил мою веру в силу жизни. Полагаю, логичнее был бы противоположный вариант. Мини мне очень понравился. Однако, как хорошо известно, у меня есть склонность помогать больным и немощным, меня тянет к ним. А ведь мой психиатр не один год настоятельно советовал мне бросить. Это и еще кое-что.

Кевин сказал:

— Никак не могу дать оценку тому, что произошло.

— Да, — согласился я.

На самом ли деле мы видели Спасителя? Или просто умненькую маленькую девочку, которую, возможно, натаскали давать глубокомысленные ответы три проницательных профессионала, перед тем мастерски напустив нам пыли в глаза фильмом и музыкой.

— Странную форму он принял, — проговорил Кевин. — Девочка... Неминуемо определенное сопротивление. Христос в женском облике — Дэвид чуть наизнанку не вывернулся.

— Она не говорила, что она Христос, — возразил Дэвид.

Я сказал:

— Но ведь так оно и есть.

Кевин и Дэвид оба прекратили есть и вытаращились на меня.

— Она Святая София, — пояснил я. — А Святая София — ипостась Христа, говорила об этом девочка или нет. Она очень осторожна. В конце концов, она знает все. Знает, что люди примут, а что нет.

— Опять продолжается то, что началось у тебя в марте семьдесят четвертого, — констатировал Кевин. — Это кое-что доказывает. Доказывает, что все правда. ВАЛИС существует. Ты и раньше это знал. Ты встречался с ним.

— Пожалуй, — согласился я.

— И то, что знает и говорит Мини, совпало с твоими знаниями, — заметил Дэвид.

— Ага, — сказал я. Кевин продолжал:

— Хотя ты не уверен.

— Мы имеем дело со сложной технологией высочайшего уровня, — предположил я, — которую, возможно, создал Мини.

— Передача ультракоротких волн и все такое, — кивнул Кевин.

— Точно.

— Чисто технологический феномен. Гигантский технологический прорыв.

— А человеческий мозг служит приемником, — подтвердил я. — Причем без всякого интерфейса.

— Может быть, — согласился Кевин. — Так что нельзя сказать наверняка, чем они занимаются.

— Слушайте, — медленно проговорил Дэвид, — если у них в руках мощный источник энергии, которую они способны передавать на огромные расстояния посредством лазерных лучей...

— ...они могут запросто убить нас, — закончил Кевин.

— Совершенно верно, — подтвердил я.

— Если, — продолжал Кевин, — нам вздумается заявить, что мы им не верим.

— Просто скажем, что возвращаемся в Санта-Ану, — предложил Дэвид.

— Или уедем прямо сейчас, — сказал я. — Из ресторана.

— А как же наши вещи... одежда, покупки. Все осталось в их доме, — запротестовал Кевин.

— Пошли бы они, эти тряпки! — выругался я.

— Ты что, боишься? — спросил Дэвид. — Боишься, что что-то происходит?

Я поразмыслил над его словами.

— Нет, — промолвил я наконец.

Я верил ребенку. И верил Мини. Всегда нужно полагаться на это — на инстинктивную уверенность... или на отсутствие таковой. Если рассудить здраво, то ничего больше не остается.

— Я хочу еще раз поговорить с Софией, — сказал Кевин.

— Я тоже. — Я кивнул. — Ответ в ней. Кевин положил руку мне на плечо.

— Извини, Фил, но один ключ к разгадке у нас уже есть. Девочка прочистила тебе мозги во мгновение ока. Ты перестал верить, что вас двое. Перестал верить в Жирного Лошадника как в отдельную личность. С момента смерти Глории ни один доктор и никакое лечение не смогли этого добиться.

— Он прав, — мягко проговорил Дэвид. — Мы все надеялись на лучшее, однако нам казалось, что... ну ты понимаешь... что ты никогда не вылечишься.

— Исцеление... — прошептал я. — Она исцелила меня. Не Жирного Лошадника, а меня.

Они правы: чудо исцеления свершилось, и мы, все трое, понимали, что это значит. Мы знали. Я сказал:

— Восемь лет.

— Да, — кивнул Кевин. — Еще до нашего знакомства. Восемь долгих долбанных лет боли, поисков и терзаний.

Я кивнул.

Голос в моей голове произнес:

Что еще тебе нужно знать?

Это были мои собственные мысли, умозаключение того, кто когда-то был Жирным Лошадником, а теперь воссоединился со мной.

— Вы понимаете, — сказал Кевин, — что Феррис Ф. Фримонт попытается вернуться? Он был свергнут этим ребенком — или тем, о чем говорит ребенок, — но он вернется, он никогда не сдастся. Сражение выиграно, однако борьба продолжается.

Дэвид сказал:

— Без этого ребенка...

— ...мы проиграем, — закончил я.

— Именно, — кивнул Кевин.

— Останемся еще на денек, — предложил я, — и попробуем еще раз поговорить с Софией. Всего один раз.

— Неплохой план, — довольно проговорил Кевин. Наше маленькое «Рипидоново общество» пришло к соглашению. Все три его члена.

На следующий день, в воскресенье, мы получили возможность побыть с Софией наедине, хотя Эрик и Линда и попросили, чтобы мы записали беседу на пленку. Поскольку выбора у нас не было, мы с готовностью согласились.

В тот день землю освещали теплые солнечные лучи, отчего окружающие нас животные казались некими духовными последователями девочки. Складывалось впечатление, что животные слушают и понимают нас.

— Я хочу поговорить об Эрике и Линде Лэмптон, — сказал я маленькой девочке, которая сидела на земле.

Перед ней лежала раскрытая книга.

— Ты не должен допрашивать меня.

— Почему я не могу спросить о них?

— Они больны, — сказала София. — Они не смогут причинить кому-либо зла, потому что подчинены мне. — Девочка посмотрела на меня своими огромными темными глазами. — Садитесь.

Мы послушно опустились на землю перед ней.

— Я дала вам девиз, для вашего общества. Я дала вам название. Теперь я даю вам задание. Вы отправитесь в мир и будете нести керигму¹, которую я вложу в вас. Слушайте меня. Вот правда, истинная правда. Царству Зла приходит конец, и сын человеческий воссядет на престоле. Сие так же верно, как и то, что взойдет солнце. Темный царь будет повержен, невзирая на все его ухищрения. Он проиграет. Он уже проиграл и всегда будет проигрывать. А те, кто с ним, погрузятся во тьму и пребудут там вечно.

¹ Керигма — содержание (суть) раннехристианской вести, которую необходимо принимать верой ради обретения спасения. Транслитерация греч. слова, обозначающего «возвешение, провозглашение».

Вы понесете слово человека. Человек свят, и настоящий бог, живой бог — это сам человек. Не будет у вас богов, кроме самих себя. Дни, когда вы верили в других богов, закончились. Закончились навсегда.

Цель вашей жизни достигнута. Я здесь, чтобы сказать вам это. Не бойтесь, я защищу вас. Вы только должны следовать единственному правилу: любите друг друга так, как вы любите меня, и как я люблю вас. Ибо любовь происходит от истинного бога, который есть вы сами.

Время испытаний, обмана и горя ждет вас впереди, потому что темный царь, царь слез, не сдастся без боя. Но вы отнимете у него силу его; я обещаю вам это именем своим, как уже обещала однажды, когда темный царь правил и уничтожал смиренных во всем мире.

Битва, которую вы начали раньше, не закончена, хотя день целительного солнца уже пришел. Зло не погибает само по себе, ибо думает, что делает божье дело. Человек хочет делать божье дело, но есть только один бог, и бог этот — сам человек.

А потому только те вожди, которые спасают и защищают, будут жить. Остальные погибнут. Четыре года назад вновь поднялся угнетатель, и на короткое время он вернется. Будьте терпеливы в годину испытаний. А потом я воссяду на трон судии, и кто-то падет, а кто-то — нет. Все будет в воле моей. В воле моей, которая воля отца моего, к кому мы все идем. Все вместе.

Я не бог. Я человек. Я ребенок, дитя моего отца, который есть Сама Мудрость. Теперь вы понесете в себе глас и силу Мудрости. Таким образом, вы сами — Мудрость, даже если забудете об этом. Но вы долго не забудете. Я останусь с вами, и я напомню вам.

День Мудрости и власти ее настал. День силы, которая враг Мудрости, приходит к концу. Сила и Мудрость — две основы мира. Сила долго властвовала, однако ныне она уходит во тьму, откуда появилась, и Мудрость будет править одна.

Те, кто подчиняется силе, будут повержены, как повержена будет сама сила.

Те, кто возлюбит Мудрость и последует за ней, будут процветать под солнцем. Помните, я останусь с вами, в каждом из вас. Если нужно, буду с вами и в темнице; буду говорить в судах в вашу защиту. Голос мой слышен будет на земле, как бы тяжек ни был гнет.

Не бойтесь, говорите, и Мудрость направит вас. Умолкнете из страха, и Мудрость оставит вас. Но не будет в вас страха, ибо сама Мудрость уже в вас, и вы и она — одно.

Когда вернетесь в мир, я буду направлять вас изо дня в день. А когда умрете, я приду, чтобы забрать вас; на руках своих отнесу я вас домой, туда, откуда все вы вышли и куда возвратитесь.

Вы чужие здесь, но не для меня. Я знала вас с самого начала. Это не ваш мир, но я сделаю его вашим миром, изменю его для вас.

Не бойтесь. Гнет исчезнет, вас ждет процветание.

Таково то, что грядет, ибо говорю я властью, данной мне отцом моим. Вы — истинный бог, и ваше будет торжество.

Наступила тишина. София закончила свою речь.

— Что ты читаешь? — спросил Кевин, показывая на книгу.

Девочка сказала:

— «Сефер Йецира». Я почитаю вам, слушайте. — Она положила книгу и закрыла ее. — Бог также восстановил одного против другого; добро против зла, и зло против добра. Добро делает более чистым зло, а зло — добро. Добро — для добрых, зло — для злых. — София мгновение помолчала. — Значит, добро превратит зло в то, чем зло не хочет быть, а зло не может сделать добро тем, чем оно не хочет быть. Зло служит добру, несмотря на всё свое коварство.

Она замолкла и сидела тихо вместе со своими животными и с нами.

— Ты можешь рассказать нам о своих родителях? — спросил я. — Я имею в виду, если мы должны знать, что делать...

София проговорила:

— Идите туда, куда я пошлю вас, и будете знать, что делать. Нет такого места, где нет меня. Когда уйдете отсюда, вы не будете видеть меня, но потом вновь увидите.

Вы не будете видеть меня, но я всегда буду видеть вас, я постоянно буду заботиться о вас. Я с вами неизменно, знаете вы это или нет. Но я говорю вам: знайте, что я с вами, даже в

темнице, если тиран бросит вас туда.

Возвращайтесь домой, и я скажу вам, что делать, когда придет время.

София улыбнулась.

— Каков твой возраст? — спросил я.

— Мне два года.

— И ты читаешь эту книгу? — спросил Кевин. София проговорила:

— Я скажу вам правду, истинную правду: ни один из вас не забудет обо мне. И скажу, что каждый из вас еще увидит меня. Не вы меня избрали; я избрала вас. Я призвала вас сюда. Я послала за вами четыре года назад.

— Если Лэмптоны спросят вас, о чем мы говорили, скажите, что о том, как создать коммуну, — продолжала София. — Не говорите им, что я отослала вас. Но вы должны уехать от них. Таков ваш ответ: вам с ними больше нечего делать.

Кевин показал на магнитофон, в котором крутилась катушка.

— Все, что они услышат, — сказала София, — когда проиграют запись, будет только из «Сефер Йецира», ничего больше.

Вот это да, подумал я, не сомневаясь в ее словах.

— Я не оставлю вас, — повторила София, улыбнувшись всем нам.

В этом я тоже не сомневался.

Когда мы втроем возвращались в дом, Кевин спросил:

— Это все были цитаты из Библии?

— Нет, — ответил я.

— Нет, — согласился Дэвид. — Это было что-то новое, особенно та часть, где говорится, что мы боги. Где говорится, что нам больше не нужно верить в какое-либо божество, кроме нас самих.

— Какое чудесное дитя, — пробормотал я, думая, как сильно напомнила она мне моего сына Кристофера.

— Нам повезло, — хрипло проговорил Дэвид, — повезло, что мы ее встретили. — Он повернулся ко мне. — Она будет с нами, она так сказала. Я верю в это. Она будет внутри нас, мы не будем одиноки. Все одиноки... я имею в виду, были одиноки. До нынешнего момента. Она собирается распространиться по всему миру, разве нет? Войти в конце концов в каждого. Начиная с нас.

— В «Рипидоновом обществе», — сказал я, — четыре члена: София и нас трое.

— По-прежнему не так уж много, — заметил Кевин.

— Горчичное зерно, — проговорил я, — которое вырастает в такое большое дерево, что в нем смогут вить гнезда птицы.

— Да хватит тебе! — воскликнул Кевин.

— В чем дело? — удивился я. Кевин напомнил:

— Нужно собирать вещички и сматываться. Лэмптоны — свихнувшиеся наркоманы. Они в любой момент нас шлепнут!

— София защитит нас, — сказал Дэвид.

— Двухлетний ребенок?

Мы оба вытаращили на него глаза.

— Ладно, двухтысячелетний ребенок, — буркнул Кевин.

— Единственный человек, который способен шутить над Спасителем. — Дэвид покачал головой. — Я удивлен: как это ты не спросил ее о своей кошке.

Кевин застыл как вкопанный, на его лице отразилась чистейшая ярость. Совершенно точно, он забыл. Упустил свой единственный шанс.

— Я иду обратно, — заявил он.

Мы с Дэвидом попытались утащить его за собой.

— Я не шучу! — яростно рявкнул Кевин.

— Да в чем дело? — спросил я, когда мы остановились.

— Хочу поговорить с ней еще. Я не собираюсь уходить отсюда; черт побери, я иду назад... да отпустите же, мать вашу!

— Послушай, — сказал я. — Она ведь велела нам уезжать.

— И она будет внутри нас и будет говорить с нами, — подтвердил Дэвид.

— Мы все будем слышать то, что я называю голосом ИИ, — настаивал я.

Кевин взорвался:

— А еще будут лимонадные фонтаны и деревья, на которых растет жвачка!.. Я ИДУ
ОБРАТНО!

Эрик и Линда вышли из дома и теперь направлялись нам навстречу.

— Очная ставка, — пробормотал я.

— Вот же черт! — с отчаянием вскрикнул Кевин. — Я все равно пойду.

Он вырвался и побежал туда, откуда мы только что пришли.

— Все нормально? — поинтересовалась Линда Лэмpton.

— Прекрасно, — сказал я.

— О чем вы говорили? — спросил Эрик. Я сказал:

— О коммуне.

— Отлично, — обрадовалась Линда. — Почему Кевин убежал? Что он собирается сказать
Софии?

— Что-то насчет его дохлой кошки, — ответил Дэвид.

— Скажите, чтобы шел сюда, — проговорил Эрик.

— Почему? — спросил я.

— Мы собираемся обсудить ваше отношение к коммуне, — пояснил Эрик. —
«Рипидоново общество», по нашему мнению, должно стать частью большой коммуны. Так
предложил Brent Мини. Нам действительно нужно поговорить об этом. Мы считаем, вы
подходите.

— Я приведу Кевина, — предложил Дэвид.

— Эрик, — сказал я. — Мы возвращаемся в Санта-Ану.

— Ваш рейс в восемь вечера, не так ли? — сказала Линда. — Времени вполне достаточно,
чтобы обсудить ваше вхождение в коммуну. Мы вместе пообедаем.

Эрик Лэмpton сказал:

— Вас, ребята, привел сюда ВАЛИС. Вы уйдете тогда, когда ВАЛИС почувствует, что вы
готовы уйти.

— ВАЛИС почувствовал, что мы готовы уйти, — сказал я.

— Я приведу Кевина, — повторил Дэвид. Эрик сказал:

— Я приведу его.

Он прошел между Дэвидом и мной и направился туда, где беседовали Кевин и маленькая
девочка. Скрестив на груди руки, Линда произнесла:

— Вы не можете прямо сейчас вернуться на юг. Мини хочет так много с вами обсудить.
Вы же помните, что ему совсем немного осталось, он быстро слабеет. Кевин и в самом деле
хочет спросить Софию о своей кошке? Что такого важного в дохлой кошке?

— Для Кевина эта кошка очень важна, — сказал я.

— Да уж, — согласился Дэвид. — Для Кевина его кошка воплощает все, что есть
неправильного во вселенной. Он верит, что София объяснит ему про кошку, а значит, объяснит
все, что есть неправильного во вселенной — незаслуженные страдания и потери.

Линда не успокаивалась:

— Я не верю, что он сейчас говорит о дохлой кошке.

— Еще как говорит, — сказал я.

— Вы не знаете Кевина, — подхватил Дэвид. — Может, он говорит и о других вещах,
все-таки последняя встреча со Спасителем, но во всем, что он говорит, самое главное — его
дохлая кошка.

— Я думаю, нам лучше пойти к Кевину, — предложила Линда, — и сказать, что он уже
достаточно пообщался с Софией. А что вы имели в виду, когда заявили, будто ВАЛИС
чувствует, что вы готовы уйти?

Голос в моей голове произнес: *Скажи ей, что тебя беспокоит излучение.* Это был голос
ИИ, который Жирный Лошадник слышал с марта семьдесят четвертого. Я узнал его.

— Излучение, — проговорил я. — Оно... — Я помедлил, и пришло понимание

предложения ИИ. — Я почти ослеп. В меня ударил луч розового света... должно быть, солнце. И я вдруг понял, что нам пора возвращаться.

— ВАЛИС выстрелил в вас информацией, — быстро и тревожно проговорила Линда.

Ты не знаешь.

— Я не знаю, — сказал я. — Но после этого почувствовал себя по-другому. Как будто мне нужно сделать что-то очень важное в Санта-Ане. Есть еще люди, которых мы можем принять в «Рипидоново общество». Они тоже войдут в коммуну. ВАЛИС заставил их видеть разные вещи, и эти люди обратились к нам за разъяснениями. Мы сказали им о фильме... о том, что надо посмотреть фильм Матушки Гусыни. Они все смотрят его и много черпают оттуда. Мои контакты в Голливуде — продюсеры и актеры, которых я знаю... настоящие денежные мешки. Все они очень заинтересовались, когда я рассказал им что к чему. Особенно один продюсер из «МГМ», который может пожелать профинансировать следующий фильм Матушки Гусыни, причем крупнобюджетный. Он сказал, что уже думает об этом.

Мой словесный поток озадачил меня самого, он лился словно из ниоткуда. Складывалось впечатление, что говорю вообще не я, а кто-то другой. Кто-то, точно знающий, что нужно говорить Линде Лэмpton.

— А как зовут продюсера? — спросила она.

— Арт Рокоуэй, — сказал я — имя словно выскочило ниоткуда.

— А какие фильмы он снял? Линда была очень заинтересована.

— Один о ядерных отходах, которые заразили большую часть центральной Юты. Та авария, о которой два года назад писали все газеты, а телевидение показать побоялось — на них надавило правительство. Тогда еще все овцы погибли. Все свалили на нервно-паралитический газ. Рокоуэй сделал крутой фильм, рассказывающий о расчетливом безразличии властей.

— А кто играл главную роль? — спросила Линда.

— Роберт Редфорд, — сказал я.

— Что ж, нам это было бы интересно.

— Так что пора возвращаться в Южную Калифорнию, — продолжал я. — Надо со многими переговорить в Голливуде.

— Эрик! — позвала Линда.

Она пошла навстречу мужу, который стоял рядом с Кевином. Собственно, он даже держал Кевина за руку.

Взглянув на меня, Дэвид подал знак, чтобы мы шли за ней, и мы все втроем направились к Кевину и Эрику. София, сидящая неподалеку, не замечала нас. Она читала книгу.

Вспышка розового света ослепила меня.

— Ох, Боже ты мой! — воскликнул я.

Я ничего не видел. Я прижал руки ко лбу, который болел и пульсировал так, будто вот-вот взорвется.

— Что случилось? — спросил Дэвид.

Я слышал низкое гудение, похожее на то, что издает пылесос. Потом открыл глаза, но вокруг не было ничего, кроме розового света.

— Фил, что с тобой? — спрашивал Кевин. Розовый свет угас. Мы сидели на своих местах на борту самолета «Эр Калифорния». И в то же самое время я видел наложенное на сиденья самолета, на стену салона, на других пассажиров коричневое сухое поле, Линду Лэмpton, дом невдалеке. Два места, два времени.

— Кевин, — спросил я, — который час?

За окошком самолета царил тьма; большинство пассажиров зажгли лампочки над головами. Ночь. И одновременно яркое солнце освещало коричневое поле, Лэмптонов, Кевина и Дэвида. Тихо гудели турбины, меня слегка повело в сторону — самолет начал разворот, — и я увидел за окном множество далеких огней. Я понял, что мы уже над Лос-Анджелесом, и одновременно ощущал теплые лучи дневного солнца.

— Посадка через пять минут, — сообщил Кевин. Временная дисфункция, понял я.

Коричневое поле понемногу растаяло. Растаяли Эрик и Линда Лэмптоны. Угас солнечный свет.

Окружающая меня обстановка стала материальной. Рядом Дэвид читал Т. С. Элиота.

— Почти прилетели, — сказал я. Задумчиво ссутулившийся Кевин промолчал.

— Нам позволили уехать? — спросил я.

— Что? — Он раздраженно посмотрел на меня.

— Я только что был там.

Постепенно память о произошедшем начала приходить ко мне. Протесты Лэмптонов и Брента Мини — в основном Брента Мини. Они умоляли нас остаться, но мы должны были уезжать. И вот мы на борту самолета компании «Эр Калифорния». В безопасности.

Мини и Лэмптоны действовали двумя способами.

— Вы никому не расскажете о Софии? — с тревогой спрашивала Линда. — Готовы поклясться, все трое, что будете молчать?

Это был негативный способ. Второй способ, позитивный — увещание.

— Подумайте сами, — говорил Эрик, поддерживаемый Мини, которого совсем убил тот факт, что «Рипидоново общество» решило отколоться. — Это важнейшее событие в человеческой истории, неужели вы хотите остаться в стороне? И в конце концов ВАЛИС выбрал вас. Мы получали тысячи писем по поводу фильма, и среди них лишь единицы от тех, у кого произошел контакт с ВАЛИСом. *Мы — привилегированная группа.*

— Это Зов. — Мини едва не умолял нас.

— Да, — эхом вторили Линда и Эрик. — Зов, который человечество ждало тысячелетиями. Почитайте «Откровение», почитайте, что там говорится об Избранных. Мы — Богоизбранные.

— Видимо, так, — сказал я, когда они провожали нас к взятой напрокат машине.

Машина стояла у ресторанчика Джино, на улице Сономы, где разрешена длительная парковка.

Линда Лэмптон подошла ко мне, положила руки на плечи и поцеловала в губы. Крепко и даже с некоторой — точнее, весьма немалой — эротической страстью.

— Возвращайся к нам, — прошептала она мне на ухо. — Обещаешь? Это наше будущее. Оно принадлежит немногим, очень-очень немногим.

На что я подумал: «Ты не могла ошибиться сильнее, дорогуша. Оно принадлежит всем».

А теперь мы уже почти дома. И помог нам ВАЛИС. Или, как мне приятнее было думать, Святая София. Думая так, я не терял из памяти образ окруженной животными маленькой девочки с книгой.

Пока мы стояли в аэропорту графства Оранж в ожидании багажа, я сказал:

— Они не во всем были честны с нами. Например, когда предупредили, что все, что делает и говорит София, записывается на аудио и видео.

— Тут ты можешь ошибаться, — возразил Кевин. — Существуют такие навороченные системы, работающие дистанционно. Девочка вполне может находиться в зоне их действия, никто ничего не заметит. Мини не хвастает — он действительно гений по части всякой электроники.

Я подумал о Мини, который мечтал умереть, чтобы вновь испытать единение с ВАЛИСом. А я? В 1974-м произошла моя встреча с ним, и с тех самых пор я жаждал, чтобы это повторилось. У меня даже кости болели, тело жаждало ВАЛИСа так же, как и душа, а может, и больше. Однако ВАЛИС проявлял благоразумие, и правильно. Своим нежеланием вновь прийти ко мне он демонстрировал заботу о человеческой жизни.

В конце концов встреча с ним едва меня не убила. Я мог бы вновь увидеть ВАЛИС, но, как случилось с Мини, он бы убил меня. А я не хотел этого — мне еще слишком много нужно было сделать.

А что именно мне нужно сделать? Я не знал. Никто из нас не знал. Я уже слышал голос ИИ в своей голове. Его услышат и другие, все больше и больше. ВАЛИС, живая информация, проникнет в мир, реплицируется в мозгу людей, сольется с ними и будет помогать им, направлять на подсознательном уровне, невидимо. Ни одно человеческое существо не осознает происходящего, пока симбиоз не достигнет критической точки. При общении с другими людьми такой человек не ведает, имеет он дело с гомоплазматом или нет.

Возможно, вернуться древние знаки тайного распознавания; скорее всего уже вернулись.

Например, во время рукопожатия человек делает легкое движение пальцем, рисует на ладони другого две пересекающиеся дуги — схематичное изображение символа рыбы. Знак, который не заметит никто, кроме этих двоих.

Я вспомнил инцидент — больше, чем инцидент, — связанный с моим сыном Кристофером. В марте семьдесят четвертого, когда ВАЛИС овладел мной, взял под контроль мой разум, я провел весьма сложный обряд инициации Кристофера в разряд бессмертных. Медицинские знания ВАЛИСа спасли физическую жизнь Кристофера, но на этом ВАЛИС не остановился.

Я очень дорожу тем опытом. Все произошло тайно, даже мать Кристофера ни о чем не догадывается.

Сначала я приготовил чашку горячего шоколада. Потом хот-дог на сдобной булочке с обычным гарниром. Кристофер, тогда совсем малыш, любил хот-доги и теплый шоколад.

Мы с Кристофером сели на полу в его комнате, и я — или скорее ВАЛИС во мне, в качестве меня — начал игру. Сначала я, словно дурачась, поднял чашку с шоколадом над головой сына, а потом, как будто случайно, плеснул немного теплого шоколада на голову Кристофера, на его волосы. Кристофер, хихикая, попытался стереть шоколад. Я, конечно же, помог ему. И, наклонясь к сыну, прошептал:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Никто, кроме Кристофера, не слышал меня. Вытерев теплый шоколад с волос сына, я начертал на его лбу знак креста. Я окрестил его и подтвердил. Я сделал это не властью церкви, но властью живого плазмата во мне — самого ВАЛИСа.

Потом я сказал сыну:

— Твое тайное имя, христианское имя, теперь...

И назвал ему имя. Только он и я знаем его. Он, я и ВАЛИС.

Затем я отломил кусочек булочки от хот-дога и протянул сыну. Кристофер — совсем малыш — открыл рот, словно маленькая птичка, и я положил туда кусочек булки. словно мы с ним разделяем трапезу — обычную трапезу.

По какой-то причине было очень важно — критически важно, — чтобы Кристофер съел только хлеб, но не мясо. При таких обстоятельствах нельзя есть свинину. Меня предупредил ВАЛИС.

Едва Кристофер начал закрывать рот, чтобы прожевать булку, я вручил ему чашку с теплым шоколадом. К моему удивлению — он был еще такой маленький, что пил из бутылочки, никогда из чашки, — Кристофер жадно схватил чашку, поднес к губам и начал пить.

Я произнес:

— Это кровь моя и тело мое.

Мой маленький сын выпил шоколад, и я забрал у него чашку. Великое таинство было завершено. Крещение, конфирмация, а затем самое святое таинство из всех — причастие: таинство Господней Вечери.

— Кровь Господа нашего Иисуса Христа, пролитая за тебя, сохранит тело твое и душу для жизни вечной. Пей и помни, что кровь Христова пролита за тебя, и будь благодарен.

Самый священный момент. Священник становится Христом; сам Христос посредством божественного чуда предлагает верующим тело и кровь свою.

Большинство людей понимают, что путем чудесного превращения вино (или теплый шоколад) становится Божественной Кровью, а облатка (или кусочек булочки от хот-дога) — Божественным Телом, но очень немногие — даже из священников — осознают, что фигура, стоящая перед ними с чашей, — живой Бог.

Время преодолено.

Мы переносимся назад почти на две тысячи лет. Мы не в Санта-Ане, штат Калифорния, Соединенные Штаты Америки, а в Иерусалиме, примерно в тридцать пятом году общей эры.

То, что я видел в марте тысяча девятьсот семьдесят четвертого, когда друг на друга наложились Древний Рим и Калифорния, служило реальным свидетельством того, что можно видеть внутренним зрением, зрением, которым обладает только вера.

Мой случай с двойной экспозицией буквально — не фигурально — подтвердил

истинность чуда литургии.

Как я уже говорил, технический термин для этого — анамнезия, утрата способности забывать. Она дает возможность вспомнить, вспомнить Господа и Тайную Вечерю.

Я был там, в тот последний раз, когда ученики собрались за столом. Хотите верьте, хотите нет.

Sed per spiritum sanctum dico; haec veritas est. Mihi crede et tecum in aeternitate vivebis.

Может, моя латынь и не очень, но вот что я пытался, пусть и запинаясь, сказать:

Я говорю посредством Духа Святого; истинно говорю. Верьте мне, и пребудете со мной в вечности.

Прибыл багаж, мы вернули квитанции полицейскому в форме и через десять минут уже мчались по шоссе на север, в сторону Санта-Аны.

Домой.

13

Пока мы ехали, Кевин сказал:

— Я устал. На самом деле устал. Проклятое движение! Кто эти люди, едущие по Пятьдесят пятому шоссе? Откуда они едут? И куда?

Я подумал: а куда едем мы?

Мы видели Спасителя, и я — после восьми лет безумия — излечился.

Да, ничего так, кое-что успели за уик-энд... Это не считая того, что сумели унести ноги от троих самых безумных людей на планете.

Поразительно: когда кто-то грузит вас бредом, в который вы сами верите, вы готовы распознать это как бред. Слушая в «фольксвагене-рэббите» болтовню Линды и Эрика насчет того, что они трехглазые люди с другой планеты, я знал, что они безумны. Что автоматически делало безумным меня. Осознание этого испугало меня.

Я полетел туда безумным, а вернулся здоровым, и в то же время верил, что встретил Спасителя... в образе маленькой девочки с черными волосами и горящими черными глазами. Девочки, которая открыла нам большую мудрость, чем любой взрослый. И что когда нам пытались помешать уехать, она — или ВАЛИС — помогла.

— У нас есть указание, — начал Дэвид. — Надо двигаться вперед и...

— И что? — спросил Кевин.

— Она скажет нам.

— А раки засвистят на горках, — хмыкнул Кевин.

— Да послушай! — воскликнул Дэвид. — Фил теперь здоров, впервые...

Он замялся.

— ...с тех пор, как вы меня знаете, — закончил я. Дэвид продолжал:

— Она исцелила его. Целительные силы — верный признак материального присутствия Мессии. Ты же знаешь, Кевин!

— Тогда лучшая церковь в городе — больница святого Иосифа, — парировал Кевин.

Я повернулся к нему.

— Тебе удалось спросить Софию о своей дохлой кошке?

Я вкладывал в свой вопрос сарказм, но, к моему удивлению, Кевин повернул голову и совершенно серьезно произнес:

— Да.

— И что она сказала?

Кевин глубоко вздохнул, крепче сжал руль и проговорил:

— Она сказала, что моя дохлая кошка... — Он помедлил, а потом закричал: — ...МОЯ ДОХЛАЯ КОШКА БЫЛА ТУПИЦЕЙ!

Я расхохотался, Дэвид присоединился ко мне. Никто раньше не додумался дать Кевину такой ответ. Кошка увидела машину и побежала напрямик к ней, не в другую сторону. Рванула точнехонько под правое переднее колесо — ни дать ни взять, шар для боулинга.

— Она сказала, — продолжал Кевин, — что во вселенной действуют очень строгие правила, и что *такого* вида кошек, которые бросаются под колеса машин, больше во вселенной

нет.

— Что ж, — заметил я, — с практической точки зрения она права.

Забавно было сравнить объяснение Софии с ханжеским объяснением покойной Шерри: мол, Бог так любил его кошку, что решил забрать ее к себе. Объяснение не для двадцатидевятилетнего мужчины. Такую лапшу вешают на уши детям. Маленьким детишкам. И даже маленькие детишки в большинстве своем понимают, какая это лажа.

— А потом, — продолжал Кевин, — я спросил ее: «Почему Бог не сделал мою кошку умной?»

— Вы на самом деле вели такую беседу? — поинтересовался я.

— Моя кошка была ТУПИЦЕЙ, — продолжал Кевин, — потому что БОГ СОЗДАЛ ЕЕ ТУПИЦЕЙ. Значит, виноват БОГ, а вовсе не моя кошка.

— И ты ей это сказал...

— Сказал, — ответил Кевин. Тут я разозлился.

— Ах ты, циничный говнюк! Ты встретил Спасителя, и все, на что оказался способен, это разглагольствовать о своей долбаной кошке! Я очень рад, что твоя кошка сдохла, *все* рады, что твоя кошка сдохла. Так что заткнись!

Меня аж затрясло от ярости.

— Тише, тише, — пробормотал Дэвид. — Нам через столько пришлось пройти...

Кевин повернулся ко мне:

— Она не Спаситель. Мы свихнулись, как и ты, Фил. Они психи там, мы — психи здесь.

Дэвид покачал головой.

— Но как могла двухлетняя девочка говорить такие...

— Да они ей провод в башку воткнули! — взвыл Кевин. — А на другом конце провода — микрофон! А в голове динамик! С нами говорил кто-то другой!

— Мне нужно выпить, — сказал я. — Давайте заедем в «Сомбреро-стрит».

— Ты куда больше мне нравился, когда был Жирным Лошадником! — продолжал орать Кевин. — Я его любил. А ты такой же тупой, как моя кошка. Если тупость убивает, почему же ты еще жив?

— Хочешь исправить положение? — поинтересовался я.

— Очевидно, тупость — характерная черта выживающих, — проговорил Кевин, но голос его упал едва ли не до границы слышимости. — Не знаю, — пробормотал он. — «Спаситель». Как такое может быть? Я сам виноват, потащил вас смотреть «ВАЛИС». Заставил связаться с Матушкой Гусыней. Как может быть, чтобы Матушка Гусыня дал жизнь Спасителю? Где смысл?

— Остановись у «Сомбреро-стрит», — сказал Дэвид.

— Собрания «Рипидонова общества» проходят в барах. — Кевин пытался иронизировать. — Таково наше предназначение: сидеть в баре и пить. Это уж точно спасет мир. Да и вообще, на кой его спасать?

Дальше мы ехали в молчании, однако все-таки посетили «Сомбреро-стрит», так как большинство «Рипидонова общества» проголосовало «за».

В общем-то паршиво, когда люди, которые соглашаются с вами, полные психи. Сама София (и это важно) заявила, что Эрик и Линда Лэмптоны больны. А вдобавок София или ВАЛИС подсказали мне слова, которые позволили нам вывернуться из цепкой хватки Лэмптонов. Подсказали слова, а потом лихо разобрались со временем.

Я четко разграничивал Софию и уродов Лэмптонов. Не связывал их между собой. Двухлетняя девочка говорила вещи, которые казались мудрыми. Сидя в баре с бутылкой мексиканского пива, я спрашивал себя: в чем критерий рациональности, по которому можно судить, с мудростью ли ты имеешь дело? Мудрость по самой природе своей должна быть рациональной, она — финальная стадия реальности. Существует интимная связь между мудростью и тем, что существует, хотя связь эта и очень тонка.

О чем говорила нам маленькая девочка? О том, что человеческие существа должны прекратить поклоняться любым богам, кроме самого человечества. Такое не назовешь иррациональным. Говорит ли такое ребенок или энциклопедия «Британника», это звучит разумно.

Некоторое время я придерживался мнения, что Зебра распределила мои «я» вдоль линейной временной оси. Зебра — или ВАЛИС — есть супертемпоральное выражение данного человеческого существа, а не бога... если только супертемпоральное выражение данного человеческого существа не есть то, что мы имеем в виду, когда говорим о боге. То, чему мы молимся, сами того не осознавая, когда молимся «богу».

«К черту, — подумал я, — сдаюсь!»

Кевин отвез меня домой, и я сразу рухнул в постель, измученный и удрученный. Удрученный потому, что ситуация сложилась мутная. Мы получили миссию, но какую? И еще: что собирается делать София, когда повзрослеет? Останется с Лэмптонами? Сбежит, сменит имя и отправится в Японию, чтобы начать новую жизнь? Где она будет? Как мы найдем ее? Придется ли нам ждать, пока она вырастет?

Лет эдак восемнадцать... За восемнадцать лет Феррис Ф. Фримонт — если пользоваться именем из фильма — вновь захватит мир. Нам нужна помощь прямо сейчас.

А потом я подумал: «Спаситель всегда нужен сейчас. „Потом“ всегда слишком поздно».

Я заснул, и мне приснился сон. Во сне я ехал на Кевиновой «хонде», однако вместо Кевина за рулем сидела Линда Ронштадт. Машина была открытая, как те старинные автомобили, как колесница. Улыбаясь мне, Линда Ронштадт запела — так чудесно, как я никогда раньше не слышал.

Она пела:

Хочешь двигаться к рассвету,
Шлепанцы надев при этом...

Во сне мне это понравилось. Мне казалось, что в песне содержится ужасно важное послание. Проснувшись наутро, я все еще видел ее симпатичное лицо, темные, сияющие глаза, наполненные светом, странным черным светом, подобным свету звезд. Она смотрела на меня с такой любовью... Не сексуальной любовью, нет. Такое в Библии называется любящей добротой. Куда она везла меня?

На следующий день я пытался расшифровать слова песни. Шлепанцы, рассвет... Что у меня ассоциируется с рассветом?

Изучая справочник (раньше я бы сказал: «Жирный Лошадник, изучая справочник»), я наткнулся на упоминание о том, что *aurora* — латинское слово, обозначающее рассвет. Невольно вспоминается *Aurora Borealis*, Северное сияние — оно напоминает огни святого Эльма именно так проявляет себя Зебра или ВАЛИС. В «Британике» говорится:

Aurora Borealis, Северное сияние, присутствует в эскимосской, ирландской, английской, скандинавской и многих других мифологиях. Обычно оно считается проявлением сверхъестественного... Северогерманские племена видели в нем сверкание щитов валькирий (женщин-воительниц).

Выходит, ВАЛИС сообщает, что маленькая София придет в мир как «женщина-воительница»? Возможно.

А что насчет шлепанцев? Мне пришла на ум лишь одна ассоциация, однако довольно любопытная. Эмпедокл, ученик Пифагора, который публично заявлял, что помнит свои прошлые жизни, а друзьям говорил, что он — Аполлон, не умер в привычном смысле этого слова. Его золотые шлепанцы были найдены недалеко от вершины вулкана Этна. Либо Эмпедокла, как Элию, забрали на небо, либо он прыгнул в вулкан.

Вулкан Этна расположен в восточной части Сицилии. В римские времена слово *aurora* буквально обозначало «восток». Намекал ли ВАЛИС одновременно на себя и на возрождение, на вечную жизнь?

Зазвонил телефон.

Подняв трубку, я сказал:

— Алло.

И услышал голос Эрика Лэмптона — какой-то искореженный, словно старый корень,

умирающий корень дерева.

— Мы должны вам кое-что сообщить. Линда скажет. Не вешайте трубку.

Я стоял у молчащего телефона, и меня охватывал глубокий страх. Затем в трубке послышался голос Линды Лэмpton, плоский и безжизненный. Сон имел отношение к ней, догадался я. Линда Ронштадт. Линда Лэмpton.

— Что такое? — переспросил я, не в состоянии понять, о чем говорит Линда Лэмpton.

— Девочка мертва, — повторила Линда Лэмpton. — София.

— Как...

— Мини убил ее. Случайно. Здесь полиция. Лазером.

Он пытался...

Я повесил трубку.

Телефон почти сразу же зазвонил снова. Я снял трубку и сказал «алло».

Линда Лэмpton говорила:

— Мини пытался получить как можно больше информации...

— Спасибо, что сообщили, — произнес я. Странно, я ощутил не горечь, меня охватила дикая злость.

— Он пытался устроить передачу информации при помощи лазера, — продолжала Линда. — Мы всех обзваниваем. Мы не понимаем... Если София была Спасителем, как она могла умереть?

Умереть в два года, осознал я. Невозможно.

Я повесил трубку и сел. Через некоторое время я понял, что женщина в моем сне, которая сидела за рулем и пела, была София, только выросшая, такая, какой она когда-нибудь бы стала.

Черные глаза, наполненные светом, жизнью и огнем.

Сон был ее способом сказать «до свидания».

14

Газеты и телевидение много писали о смерти дочери Матушки Гусыни. Само собой, поскольку Эрик Лэмpton был рок-звездой, высказывались предположения, что в несчастье замешаны злые силы, наркотики и прочие гадости. Показывали лицо Мини, а потом несколько отрывков из «ВАЛИСа» с крепостью-миксером.

Прошло два или три дня, и все забыли о происшествии. Телеэкран заполнили другие ужасы. В западном Лос-Анджелесе ограбили винный магазин и застрелили продавца. В несоответствующем никаким нормам приюте умер старик. На шоссе в Сан-Диего три автомобиля столкнулись с грузовиком, перевозившим лесоматериалы. Грузовик взорвался.

Короче, все в мире шло своим чередом.

Я начал размышлять о смерти. Не о смерти Софии Лэмpton, а о смерти вообще, а потом мало-помалу и о своей собственной.

Точнее, размышлял не я. Размышлял Жирный Лошадник.

Однажды вечером, когда я сидел в кресле с бокалом коньяка в руке, он задумчиво произнес:

— Все это лишь доказывает то, что мы и так уже знали.

— И что мы знали? — спросил я.

— Что они психи.

— Родители — психи. Но не София.

— Если бы она была Зеброй, — размышлял Жирный, — то предвидела бы всю эту хрень с лазерами Мини. Она бы не допустила такого.

— Точно, — согласился я.

— В самом деле, она бы знала, и к тому же... — Жирный ткнул в меня пальцем. В его голосе зазвучало торжество, — ...у нее были бы силы предотвратить несчастье. Разве нет? Если она смогла свалить Ферриса Ф. Фримонта...

— Кончай, — сказал я.

— С самого начала, — тихо проговорил Жирный, — мы имели дело с развитой лазерной технологией. Мини нашел способ передавать информацию посредством лазерного луча,

используя человеческий мозг как приемник напрямую, без электронного интерфейса. Русские тоже умеют такие штучки. Можно также использовать микроволны. В марте семьдесят четвертого я, должно быть, случайно поймал одну из передач Мини. Тогда и хватанул дозу излучения. Именно поэтому у меня так сильно подскочило давление, а мои животные умерли от рака. Именно это убивает Мини: излучение, производимое его же собственными экспериментами с лазерами.

Я ничего не сказал. Нечего было сказать. Жирный посмотрел на меня.

— Мне жаль. Ты справишься?

— Конечно.

— В конце концов, — проговорил Жирный, — я так и не смог поговорить с ней, по крайней мере обстоятельно, как вы. Во второй раз, когда она дала нам — обществу — миссию, меня там не было.

Я подумал: а как же теперь быть с миссией?

— Жирный, ты же не станешь опять пытаться угробить себя, верно? Из-за ее смерти?

— Нет, — ответил Жирный.

Я ему не поверил, я знал его лучше, чем он сам. Смерть Глории, уход Бет, смерть Шерри... Единственное, что спасло Жирного после смерти Шерри, так это его решение отправиться на поиски «пятого Спасителя». Теперь надежда найти его исчезла. Что осталось?

Жирный уже попробовал все и всюду потерпел фиаско.

— Может, снова начнешь посещать Мориса? — предложил я.

— Он скажет: «И я не шучу». — Мы оба расхохотались. — «Я желаю, чтобы ты составил список из десяти пунктов о том, что ты хочешь сделать больше всего на свете, и написал его на бумаге. И я не шучу!»

Я спросил:

— А что ты хочешь сделать? И я не шутил.

— Найти ее, — ответил Жирный.

— Кого?

— Не знаю. Ту, которая умерла. Ту, которую я больше никогда не увижу.

Под эту категорию подпадают многие, сказал я себе. Прости, Жирный, но твой ответ слишком расплывчат.

— Надо бы сходить во «Всемирные путешествия», — проговорил Жирный, словно уговаривая сам себя, — побеседовать с той дамочкой. Насчет Индии. По-моему, Индия — то самое место.

— Какое место?

— Где может быть он.

Я не ответил. Какой смысл, если к Жирному вернулось безумие.

— Где-то он есть, — продолжал Жирный. — Я знаю наверняка, он уже сейчас где-то есть.

Зебра сказала мне: «Святая София родится вновь, она не...»

— Хочешь правду? — прервал я. Жирный моргнул.

— Конечно.

Я проговорил резким, скрипучим голосом:

— Нет никакого Спасителя. Святая София не родится вновь, Будда не сидит в парке, Аполлон не собирается возвращаться. Дошло до тебя?!

Молчание.

— Пятый Спаситель... — робко начал Жирный.

— Забудь о нем! — рявкнул я. — Ты псих. Такой же псих, как Эрик и Линда Лэмптоны. Такой же псих, как Brent Мини. Ты псих уже восемь лет, с того момента, как Глория сиганула из окошка и превратилась в сэндвич с омлетом. Угомонись и забудь! Ладно? Можешь ты сделать мне единственное одолжение? Сделать *всем нам* единственное одолжение?

Прошло некоторое время, и Жирный тихо произнес:

— Выходит, ты согласен с Кевином.

— Да, — сказал я. — Я согласен с Кевином.

— Тогда зачем мне продолжать все это?

— Не знаю. И мне плевать. Твоя жизнь — что хочешь, то и делаешь.

— Зебра не стала бы мне лгать, — сказал Жирный.

— Да нет никакой «Зебры»! Это ты сам. Что, не узнаёшь самого себя? Ты проецируешь свои несбывшиеся мечты, неудовлетворенные желания, оставшиеся после того, что Глория сотворила с собой. Ты не смог заполнить пустоту реальностью, поэтому заполнил ее фантазиями. Это психологическая компенсация за бесцельную, никудышную, бесполезную, наполненную болью жизнь, и я не понимаю, почему ты в конце концов не поставишь точку. Ты такой же, как Кевинова кошка — тупица! Вот начало и конец. Понял?

— Ты отнимаешь у меня надежду.

— Я ничего у тебя не отнимаю, потому что отнимать нечего.

— Все именно так? Ты так думаешь? На самом деле? Я сказал:

— Да.

— Думаешь, мне не нужно искать его?

— Да где, черт возьми, ты собираешься искать? У тебя нет даже предположений, где он может быть. В Ирландии. Или в Мехико. Или в Диснейленде... Точно, он работает в Диснейленде, машет метлой! Как ты собираешься узнать его? Мы все думали, что Спаситель — София. Верили в это, пока она не умерла. Она *говорила*, как Спаситель. У нас были все свидетельства, все признаки. Киношка «ВАЛИС». Шифровка из двух слов. Лэмптоны и Мини — их история вполне соответствовала твоей, все соответствовало. А теперь есть еще одна мертвая девочка в еще одном ящике в земле. Итого их уже трое. Три человека, умерших ни за что. Ты в это верил, я верил, Дэвид верил, и Кевин, и Лэмптоны. Особенно верил Мини, так верил, что даже убил ее. А теперь все кончено. Лучше бы и не начиналось... Черт бы побрал Кевина, понесло же его в кино! Выматывайся отсюда и убивай себя.

— Я мог бы...

— Не мог бы! Ты не найдешь его. Я знаю. Позволь, я объясню тебе предельно ясно. Ты думал, Спаситель вернет Глорию, так? Он... она не вернула, а теперь сама мертва. Вместо того, чтобы...

Я замолчал. Я не мог больше говорить.

— Выходит, истинное имя религии, — проговорил Жирный, — смерть.

— Тайное имя, — согласился я. — Наконец до тебя дошло. Иисус умер. Асклепий умер. Смерть Мини ужаснее, чем смерть Христа, но всем плевать, никто даже не вспоминает об этом. Катаров¹ на юге Франции убивали десятками тысяч. Во время Тридцатилетней войны погибли сотни тысяч человек, католиков и протестантов — настоящая бойня. Смерть — вот истинное имя религии. Не Бог, не Спаситель, не любовь — смерть. Кевин прав насчет своей дохлой кошки. В этой кошке заключено все. Высший Судия не в состоянии ответить Кевину. Вопрос: «Почему моя кошка умерла?» Ответ: «А хрен ее знает». Нет ответа, есть только мертвое животное, которое хотело перебежать улицу. Мы все — животные, которые хотят перебежать улицу, вот только кто-то давит нас на полпути, кто-то, кого мы не видим. «Твоя кошка была тупицей»... А кто создал кошку? Почему он создал ее тупицей? Учится ли кошка чему-либо на собственной смерти? Если учится, то чему? Чему научила Шерри смерть от рака? А какой урок извлекла Глория...

— Ладно, хватит, — сказал Жирный.

— Кевин прав. Иди и трахни кого-нибудь.

— Кого? Они все мертвы.

— Есть другие. Те, кто еще жив. Трахни какую-нибудь девицу, пока она не умерла, или ты не умер, или кто-нибудь еще не умер, какой-нибудь человек или животное. Ты сам говорил: вселенная иррациональна, потому что разум, стоящий за ней, — иррационален. Ты иррационален и знаешь об этом. Я иррационален. Мы все такие. Я бы написал об этом книгу, вот только никто не поверит, что группа человеческих существ может быть настолько иррациональна.

— Поверят, — проговорил Жирный. — После Джима Джонса и девяти сотен человек в Джонстауне...

— Уходи, Жирный, — сказал я. — Отправляйся в Южную Америку. Поезжай в Соному и

¹ Катары (гр. katharos — чистый) — приверженцы ереси, распространившейся в XI — XIII веках в Западной Европе, гл. обр. в Северной Италии и на юге Франции (где они назывались альбигойцами).

поживи в коммуне Лэмптонов, пока они не бросят это дело, в чем я лично сомневаюсь. У безумия своя динамика — оно усиливается. — Я ходил взад-вперед и стучал себя кулаком в грудь. — Девочка мертва, Глория мертва. И никто не воскресит их.

— Иногда я мечтаю...

— Я напишу это на твоём надгробии.

Получив паспорт, Жирный на самолете «Исландских авиалиний» отправился в Люксембург — так было дешевле. Нам пришла от него открытка из Исландии, а месяцем позже — письмо из французского города Мец. Мец находится на границе с Люксембургом — я посмотрел в атласе.

В Меце — Жирному понравился этот театрального вида городок — Лошадник познакомился с девушкой и прекрасно проводил время, пока она не сократила его финансы наполовину. Он прислал нам ее фото; девушка была очень хорошенькая и немного напомнила мне Линду Ронштадт — такой же овал лица и стрижка. Больше фотографий Жирный не присылал, поскольку девушка стянула его камеру. Она работала в книжном магазине. Жирный так и не сказал нам, удалось ли затасать ее в постель.

Из Меца он отправился в Западную Германию, где американский доллар ничего не стоит. Он немного умел читать и говорить по-немецки, так что в Германии Жирному было относительно легко. Однако он стал писать все реже и в конце концов совсем замолк.

— Если бы у него что-то вышло с французской девушкой, — заметил Кевин, — он бы об этом упомянул.

— Судя по всему, что-то было, — сказал Дэвид. Кевин возразил:

— Если бы было, Жирный бы уже выздоровел и вернулся. А раз не вернулся, то ничего и не было.

Прошел год, и от Жирного пришла телеграмма — он возвращался в Штаты, в Нью-Йорк, где жили его знакомые. Он написал, что вернется в Калифорнию, когда вылечится от мононуклеоза², который умудрился подцепить в Европе.

— Так он нашел Спасителя? — спросил Кевин. В телеграмме об этом ничего не говорилось. — Впрочем, он бы сказал. Это как с француженкой: мы бы знали.

— Ладно хоть жив, — обронил Дэвид.

— Смотря что понимать под словом «жив», — хмыкнул Кевин.

Пока суд да дело, у меня все шло неплохо — книги продавались, и я получал больше денег, чем мог потратить. Собственно, у всех нас дела шли неплохо. Дэвид держал табачный магазин на городской торговой аллее — одной из самых красивых в графстве Оранж. Новая девушка Кевина относилась к нему, да и к нам, мягко и тактично; она отлично понимала его специфическое чувство юмора.

Мы рассказали ей о Жирном и его исканиях, а также о француженке, стащившей «Пентакс». Девушке захотелось познакомиться с Жирным, да и все мы уже ждали его возвращения. С рассказами, фотографиями и подарками.

А потом пришла еще одна телеграмма. На сей раз из Портленда, из Орегона. Телеграмма из двух слов.

ЦАРЬ ФЕЛИКС

И больше ничего. Только два удивительных слова.

Ну, подумал я. Нашел? После долгого перерыва «Ри-пидонову обществу» предстоит вновь собраться на пленарное заседание?

Все вместе и каждый по отдельности мы едва ли помнили те события. Предпочли забыть их. Слишком много боли, слишком много надежд вылетело в трубу.

Когда Жирный прилетел в Эл-Эй-Экс — так называется лос-анджелесский аэропорт, — мы встречали его вчетвером: я, Кевин, Дэвид и похожая на лисичку подружка Кевина — Джинджер, яркая высокая блондинка с вплетенными в косички красными ленточками. Эта

² Мононуклеоз — детское инфекционное заболевание.

колоритная барышня могла проехать ночью чертову уйму миль, чтобы только выпить ирландского кофе в каком-то захолустном ирландском баре.

Вместе с толпами других людей мы слонялись взад-вперед, болтали, и тут внезапно и совершенно неожиданно для нас в толпе прибывших пассажиров показался Жирный Лошадник. Улыбающийся, с чемоданчиком в руке, наш друг возвратился домой. При галстукке и в прекрасном костюме, сшитом на Восточном побережье, — последний писк моды. Для нас было потрясением увидеть его — полагаю, подсознательно мы ожидали изнуренного доходягу с пустыми глазами, едва способного брести по коридору.

После дружеских объятий мы представили Жирному Джинджер и поинтересовались у него, как дела.

— Недурно, — сообщил Жирный.

Мы пообедали в ресторане дорогого отеля неподалеку. За едой говорили мало. Жирный казался замкнутым, но не подавленным. Я решил, что он устал. Его лицо хранило следы долгого путешествия. Такие вещи всегда оставляют след.

— А что в чемоданчике? — поинтересовался я, когда принесли кофе.

Отодвинув тарелки, Жирный водрузил чемоданчик на стол и открыл его ключом. В чемоданчике лежали папки, из которых Лошадник выбрал одну — они были пронумерованы. Внимательно посмотрел на папку, чтобы убедиться, что вытащил ту самую, и передал ее мне.

— Загляни внутрь, — предложил он мне с легкой улыбкой.

Так улыбаются, когда дарят кому-то подарок, зная, что он понравится, и просят сразу развернуть его.

Я открыл папку. Там оказались четыре глянцевые фотографии восемь на десять, совершенно очевидно, сделанные профессионалом, — они напоминали снимки, какие бывают в рекламных агентствах и на киностудиях.

Фотографии изображали греческую вазу, а на ней рисунок мужчины, в котором мы узнали Гермеса. Обвивала вазу двойная спираль, красная на черном фоне. Молекула ДНК, в этом не могло быть ни малейшего сомнения.

— Две тысячи триста или четыреста лет, — сообщил Жирный. — Не рисунку, а самой вазе, гончарному изделию.

— Горшок, — проговорил я.

— Я увидел ее в афинском музее. Она подлинная. Мнение не мое — я не специалист. Подлинность установлена экспертами музея. Я говорил с одним из них. Он не понимал, что означает орнамент, и очень заинтересовался, когда я объяснил что к чему. Вазы такой формы — *krater* — позже использовались как купели для крещения. Одним из греческих слов, которые всплыли у меня в голове в марте семьдесят четвертого, было греческое слово *krater*. Я услышал его в связи с другим греческим словом — *poros*. Словосочетание *poros krater* обозначает «известняковая купель».

Несомненно, дохристианский рисунок был не чем иным, как двойной спиралью Крика и Уотсона. Формой, к которой они пришли после многих лет проб и ошибок. И вот она на древней вазе, нарисованная абсолютно правильно.

— Ну и? — спросил я.

— Так называемые переплетенные змеи кадуцей¹. Изначально кадуцей, который по-прежнему является символом медицины, был жезлом не Гермеса, а... — Жирный помедлил, глаза его горели, — ...а Асклепия. Он обладал особым значением, кроме мудрости, олицетворяемой змеей. Жезл указывал, что его обладатель — священная персона, которой нельзя докучать. Вот почему его носил Гермес, посланник богов.

Все мы некоторое время молчали.

Кевин начал было бормотать что-то саркастическое, что-то в своей сухой разумной манере... но вскоре тоже замолчал.

Рассматривая глянцевые снимки восемь на десять, Джинджер проговорила:

— Как чудесно.

— Величайший врач во всей человеческой истории, — сказал ей Жирный. — Асклепий,

¹ Кадуцей — геральдический жезл, обвитый двумя змеями, атрибут бога Меркурия. Кадуцей соответствовал греческому керикейону Гермеса и Ириды.

основатель греческой медицины. Римский император Юлиан, известный как Юлиан Отступник, поскольку он не признал христианство, считал Асклепия Богом богов. Юлиан поклонялся ему. Продлись это поклонение подольше, вся история западного мира изменилась бы коренным образом.

— Ты не сдаешься, — сказал я Жирному.

— Верно, — согласился он. — Я никогда не сдамся. Я вернулся, потому что закончились деньги. Когда подкоплю немного, продолжу поиски. Я знаю, где искать. На греческих островах. Лемнос, Лесбос, Крит. Особенно Крит. Мне снилось, что я спускаюсь в лифте — снилось дважды, — а оператор декламирует стихи. И там было большое блюдо спагетти, а в него воткнута трехзубая вилка — трезубец. Должно быть, это нить Ариадны, которая помогла Тесею выбраться из лабиринта под Миносом после того, как он убил Минотавра. Минотавр, наполовину человек, наполовину чудовище, представляет собой безумное божество Самаэля, который, по моему мнению, — фальшивый демиург гностической системы.

— Телеграмма из двух слов, — сказал я. — ЦАРЬ ФЕЛИКС.

— Я не нашел его, — проговорил Жирный.

— Я вижу.

— Но он где-то существует, — продолжал Жирный. — Я знаю. Я никогда не отступлюсь. Он положил фотографии обратно в папку, папку в чемоданчик, и щелкнул замком.

Сейчас Жирный в Турции. Он прислал нам фотографию, изображающую мечеть, которая некогда была великим христианским храмом под названием Святая София, или Айя София — одно из чудес света, хотя крыша храма и обвалилась в Средние века и нуждается в восстановлении. Чертежи его уникальной конструкции можно найти в большинстве учебников по архитектуре. Кажется, что центральная часть храма парит в воздухе, она словно поднимается к небесам. Такова задумка римского императора Юстиниана. Он лично контролировал строительство и сам дал храму имя — зашифрованное имя Христа.

Мы еще услышим о Жирном Лошаднике. Так говорит Кевин, а я ему верю. Кевин должен знать. Из нас четверых в нем меньше всего иррационального и, что важнее, больше веры. Чтобы понять это, мне понадобилось немало времени.

Вера — странная штука. По определению, вера имеет дело с понятиями, которые невозможно доказать. К примеру, в прошлую субботу я включил телевизор. Я не смотрел его, так как по утрам в субботу там сплошь детские передачи. Да я и в другое время его не смотрю — просто он несколько скрашивает мое одиночество, создает фон. Так или иначе, в субботу по телевизору гнали обычную коммерческую рекламу, когда что-то вдруг привлекло мое внимание. Я бросил свои занятия и переключил внимание на экран.

Шла реклама сети супермаркетов, и на экране появились слова: ТАКОЕ СЪЕЛ БЫ И ЦАРЬ. Вдруг картинка исчезла, и вместо нее тут же возникла заставка мультфильмов про кота Феликса: ФЕЛИКС — КОТ. Только что было написано ТАКОЕ СЪЕЛ БЫ И ЦАРЬ, и вот уже, практически мгновенно, тем же шрифтом — ФЕЛИКС — КОТ.

В мозгу отпечатались оба слова шифровки, причем в правильном порядке:

ЦАРЬ ФЕЛИКС

Такое воспринимается подсознательно. Кто мог видеть это случайное, абсолютно случайное наложение надписей? Только дети, маленькие дети Южных Земель. Для них эти слова ничего не значат, они не увидят никакого шифра, а если и увидят, то не поймут, что это и кому предназначено.

Но я-то видел и знал, кому направлено послание. Должно быть, просто синхронность, если пользоваться определением Юнга, подумал я. Совпадение, не имеющее никакого смысла.

Или это сигнал? Посланный при помощи радиоволн одной из крупнейших телестудий мира, лос-анджелесским отделением Эн-би-си, и донесший до тысяч детей мгновенную информацию, которая будет обработана правым полушарием мозга, уложена в нужное место, а возможно, и расшифрована глубоко в подсознании, там, где хранится великое множество самой разной информации.

И к этому не имеют никакого отношения ни Эрик, ни Линда Лэмптоны. Просто какой-то человек на студии, технический работник Эн-би-си», собирался прокрутить уйму рекламы в любом порядке, какой ему удобен.

Если кто и мог сознательно устроить такое, так только ВАЛИС, который сам — информация.

Возможно, сейчас я увидел именно это: ВАЛИС, показывающий рекламу и детские мультики.

Послание снова отправлено.

Двумя днями позже мне позвонила Линда Лэмптон. Мы не общались после трагедии с Софией, и сейчас голос Линды звучал счастливо и возбужденно.

— Я беременна, — сообщила она.

— Чудесно, — сказал я. — Давно?

— Я на девятом месяце.

— Ух ты! — воскликнул я и подумал: «Теперь уже недолго».

— Теперь уже недолго, — сказала Линда.

— На этот раз вы ждете мальчика? — поинтересовался я.

— ВАЛИС сказал, что это еще одна девочка.

— А Мини...

— Очень жаль, но он умер. С такой болезнью у него не было ни единого шанса. Правда, чудесно? Еще одна девочка.

— Вы уже выбрали имя? — спросил я.

— Пока нет.

Вечером по телевизору я наткнулся на рекламу собачьего корма. Собачий корм! В самом конце, перечислив массу разнообразных животных, корм для которых выпускала фирма — забыл ее название, — зазвучал финальный куплет:

Для пастуха и овец...

Слева на экране возникла немецкая овчарка — собака-пастух, справа — овца. Почти мгновенно включился другой ролик: по экрану плыла парусная лодка. На белом парусе я разглядел маленькую черную эмблему. Даже не всматриваясь, я уже знал, что там. Создатели лодки поместили на парусе знак — рыбу.

Пастух, овцы, а потом рыба сложились воедино, как это было с ЦАРЕМ ФЕЛИКСОМ.

Не знаю... Мне не хватает веры Кевина и безумия Жирного. Правда ли, что я сознательно увидел два коротких сообщения, одно за другим отправленных ВАЛИСом и предназначенных воздействовать на подсознание? И одно из этих сообщений гласило, что время пришло?

Не знаю, что и думать. А может, от меня и не требуется думать, или верить, или быть безумным. Может, все, что от меня требуется — о чем меня просят, — это ждать?

Ждать и бодрствовать.

Я ждал, и в один прекрасный день мне позвонил Жирный Лошадник. Позвонил из Токио. Здоровый, бодрый и полный энергии. Жирного развеселило, что я не ожидал его звонка.

— Микронезия, — сказал он.

— Что? — переспросил я.

Мне почему-то показалось, что он опять заговорил на койне. И тут до меня дошло, что Жирный имеет в виду группу маленьких островков в Тихом океане.

— О! Ты там был? На Каролинских и Маршалловых островах?

— Собираюсь туда. Голос ИИ велел мне искать на островах Микронезии.

— Не слишком ли они маленькие? — удивился я.

— Поговаривают, что так, — засмеялся Жирный.

— А сколько там островов?

— Больше двух тысяч.

— Две тысячи! — Меня охватило смятение. — Тебе же придется искать вечно. А голос ИИ не может сузить район поисков?

— Надеюсь. Возможно, это Гуам. Я лечу на Гуам и начинаю оттуда. Потом в те места, где

происходили сражения Второй мировой.

Я сказал:

— Занятно, что ИИ опять начинает использовать греческий.

— *Mikros* — значит маленький, — сообщил Жирный. — А *nesoi* — острова. Ты прав, похоже, он равнодушен к греческому. Но попробовать стоит.

— Знаешь, что бы сказал Кевин? — заметил я. — Заговорил бы о простых, неиспорченных туземных девушках на двух тысячах островов.

— Это уж мне судить, какие они, — хмыкнул Жирный.

Он отключился, и я повесил трубку. Я чувствовал себя лучше. Хорошо, что он позвонил, и хорошо, что был так сердечен.

В те дни мною владело чувство, что люди по природе своей хорошие. Я не понимал, откуда оно пришло — до звонка Жирного, — но чувствовал, что так оно и есть.

Сейчас опять март.

Я спрашивал себя: неужели Жирный вновь испытал что-то? Неужели вернулся луч розового света с новой, более полной информацией? Неужели круг его поисков сужается?

Первый раз это случилось с Жирным на следующий день после весеннего равноденствия. Что значит «весеннее» — и так ясно. А «равноденствие» означает время, когда центр Солнца пересекает экватор, и день и ночь равной продолжительности на всей планете.

Жирный Лошадник встретил Бога, или Зебру, или собственное бессмертное «я» в первый день года, когда свет длится дольше, чем тьма. А еще, как утверждают некоторые ученые, именно в этот день родился Христос.

Сидя перед телевизором, я смотрел и ждал следующего послания. Я, один из членов крошечного «Рипидонова общества», которое все еще существовало — пусть лишь в моих мыслях. Подобно миниатюрному спутнику в фильме «ВАЛИС», его микроформе, которую переехало такси, словно обычную жестянку из-под пива, символы божественного являют себя в нашем мире в первую очередь в пластах мусора.

Так говорил я себе.

У Кевина другое мнение. Он считает, что божественное проявляется там, где его меньше всего ждешь.

— Ищи там, где меньше всего надеешься найти, — посоветовал он однажды Жирному.

Но как? Ведь это противоречие.

Однажды мне приснилось, будто я живу в маленькой хижине, стоящей прямо на воде, посреди океана — вода простиралась повсюду. Хижина не напоминала ни одну из тех, что я когда-либо видел. То был скорее шалаш, какие показывают в фильмах о народах юга Тихого океана. А когда я проснулся, в мозгу всплыла отчетливая мысль:

Цветочные гирлянды. Песни и танцы, декламация легенд, сказок и стихов.

Позже я вспомнил, где читал эти строки. В статье о микронезийской культуре в «Британике». Со мной говорил голос, и он напомнил мне о месте, куда отправился в своих поисках Жирный Лошадник.

Мои же поиски удерживают меня дома, у телевизора в гостиной. Я сижу; я жду; я смотрю; я бодрствую; я стараюсь не спать. Как было предопределено мне давным-давно, в начале начал, я выполняю возложенную на меня миссию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Существует один Разум, но в нем борются два принципа.
2. Разум производит свет, затем тьму; от их взаимодействия образуется время. В конце Разум дает победить свету, время исчезает, и Разум становится совершенным.
3. Он заставляет нас видеть вещи другими, поэтому нам кажется, что прошло время.
4. Материя пластична перед лицом Разума.
5. Одного за одним вытягивает он нас из этого мира.
6. Империя бессмертна.
7. Аполлон скоро вернется. Святая София возродится вновь — ранее мир не мог принять ее. Будда уже сидит в парке. Сиддхартха спит, но вот-вот проснется. Время, которое вы ждали,

пришло.

8. Верхний уровень обладает неограниченными силами.

9. Он жил давным-давно, но по-прежнему жив.

10. Аполлоний Тианский в послании к Гермесу Трисмегисту сказал: «Что НАВЕРХУ, то и ВНИЗУ». Он имел в виду, что наша вселенная — голограмма, просто не знал термина.

11. Великая тайна, которую разгадали Аполлоний Тианский, Павел из Тарса, Симон Волхв, Парацельс, Бёме и Бруно, состоит в том, что все мы перемещаемся назад во времени. Вселенная сжимается в единую сущность, которая становится совершенной. Нашему восприятию, напротив, кажется, что нарастают беспорядок и хаос. Эти целители научились передвигаться во времени вперед, то есть в сторону, противоположную той, куда движемся мы.

12. Бессмертного греки знали как Диониса, евреи — как Элию, христиане — как Иисуса. Когда его человеческое вместилище умирает, Бессмертный переходит в другое и таким образом живет вечно. На кресте Иисус сказал: «Eli, Eli, lamasabachthani», на что присутствующие совершенно резонно заметили: «Этот человек зовет Элию». Элия оставил его, и Иисус умер в одиночестве.

13. Паскаль сказал: «Вся история — это один бессмертный человек, который постоянно учится». Бессмертный, которому мы поклоняемся, не зная его имени. «Он жил давным-давно, но жив и сейчас». И еще: «Аполлон вот-вот вернется». Имя изменилось.

14. Вселенная есть информация, и мы статичны в ней — не трехмерны, не существуем ни в пространстве, ни во времени. Полученную информацию мы ипостатируем в материальный мир.

15. Сивилла Кумская защищала Римскую республику, делая своевременные предсказания. В первом веке о.э. она предсказала убийства братьев Кеннеди, доктора Кинга и епископа Пайка. Она обнаружила у четырех убитых два общих знаменателя: во-первых, все они защищали республиканские свободы, а во-вторых — каждый из них был религиозным лидером. За это их и убили. Республика опять превратилась в империю с цезарем «Империю бессмертна».

16. В марте 1974-го сивилла сказала: «Заговорщики известны и предстанут перед судом». Она увидела их третьим глазом, Глазом Шивы, который открывает внутреннее зрение. В августе 1974-го предсказания сивиллы сбылись.

17. Гностики верили в два темпоральных отрезка: первый, или настоящий, — злой; второй, или будущий, — милостивый. Первый был Железным Веком. Он представлен Черной Железной Тюрьмой. Этот темпоральный отрезок закончился в августе 1974-го. Ему на смену пришел Золотой Век, олицетворяемый в образе Пальмового Сада.

18. Реальное время закончилось в 70-м году о.э. с падением Храма Иерусалимского. Оно снова началось в 1974 году о.э. Промежуточный период был высококачественной подделкой, интерполяцией, подражающей творению Разума. «Империю бессмертна», однако в 1974-м была послана шифровка, сигнализирующая о том, что Железный Век закончен. Шифровка состояла из двух слов: ЦАРЬ ФЕЛИКС, что означает Счастливый (или Справедливый) Царь.

19. Зашифрованное послание из двух слов ЦАРЬ ФЕЛИКС предназначалось не для людей, а для потомков Эхнатона, представителей трехглазой расы, тайно живущих среди нас.

20. Герметические алхимики знали о существовании тайной расы трехглазых пришельцев, но, несмотря на все попытки, не смогли установить с ними контакт. Потому-то их попытки поддержать Фридриха Пятого, короля Богемии, провалились. «Империю бессмертна».

21. Братство Розенкрейцеров написало: «Ex Deo nascimur, in Jesu mortimur, per spiritum sanctum reviviscimus», что означает: «От Бога мы рождаемся, с Иисусом умираем, с Духом Святым снова живем». Это значит, они вновь открыли утерянную формулу бессмертия, уничтоженную Империей. «Империю бессмертна».

22. Я определяю Бессмертного как плазмата, поскольку это форма энергии, живая информация. Он воспроизводит себя не посредством информации и не в информации — но КАК информация.

23. Плазмат способен соединяться с человеком, образуя то, что я называю гомоплазматом. Таким образом человеческое существо навсегда входит в состав гомоплазмата. Мы знаем это как «рождение свыше» или «рождение от Духа Святого». Началось все с Христа, но Империя уничтожила всех гомоплазматов, прежде чем они сумели самовоспроизвестись.

24. Подобно спящему семени, как живая информация, плазмат покоился в захороненной библиотеке в Кенобоскионе до 1945 года о.э. Вот что имел в виду Иисус, когда говорил о горчичном зерне, которое всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные. Иисус предвидел не только свою смерть, но и смерть всех гомоплазматов. Он предвидел, что свитки извлекут из земли, прочтут, и плазмат отправится на поиски тех, с кем он сможет объединиться. И он предвидел, что плазмата не будет в мире почти две тысячи лет.

25. Как живая информация, плазмат по оптическому нерву проникает в шишковидное тело мозга человека. Он использует человеческий мозг как женскую особь, где может воспроизвести себя в активной форме. Герметические алхимики теоретически знали это из древних текстов, однако не могли воспроизвести, поскольку не могли обнаружить спящего плазмата.

26. Нужно понимать, что когда в семидесятом году общей эры все гомоплазматы были убиты, реальное время перестало существовать. Еще важнее понять, что сейчас плазмат вернулся и создает новых гомоплазматов, при помощи которых разрушает Империю и кладет начало реальному времени. Мы называем плазмат Святым Духом, и именно поэтому Братство Розенкрейцеров написало: «*Per spiritum sanctum reviviscimus*».

27. Если вычеркнуть столетия фальшивого времени, то реальная сегодняшняя дата не 1978 о.э., а 103 о.э. В Новом Завете сказано, что Царствие Духа настанет до того, как «ныне живущие умрут». Следовательно, мы живем в апостольские времена.

28. *Dico per spiritum sanctum. Haec veritas est. Mini crede et mecum in aeternitate vivebis.*

29. Наша ошибка не моральная, она интеллектуальная. Все дело в том, что мы считаем мир вещественный миром реальным. Следовательно, в моральном плане мы невинны. Это Империя в ее полиформной сущности утверждает, что мы грешны. «Империя бессмертна».

30. Мир явлений не существует — это гипостазис информации, производимой Разумом.

31. Материальные объекты есть гипостазис информации. Перестановка объектов есть изменение содержания информации, изменение того, что несет она нам. Но мы разучились понимать ее язык. Мы сами есть часть этого языка; изменения в нас — это изменения в содержании информации. Мы насыщены информацией. Информация входит в нас, перерабатывается и проецируется вовне в измененном виде. Мы не сознаем, что делаем это, хотя, по сути, только это и делаем.

32. Смена информации, которую мы воспринимаем как окружающий мир, есть развертывающееся повествование. Оно рассказывает нам о смерти женщины. Эта женщина, умершая давным-давно, была одной из изначальных близнецов, одной из половин божественной сизигии. Цель повествования — раздумья о ней и ее смерти. Разум не хочет забыть ее. Таким образом, размышления Разума состоят в постоянном свидетельстве ее существования и, прочитанные, могут быть поняты только так. Вся информация, произведенная Разумом и воспринимаемая нами как расстановка и перестановка физических объектов, — попытка сохранения ее; камни, скалы, палки и амёбы — ее следы. Память о ее существовании и уходе записана на самом низком уровне физического бытия. Записана страдающим разумом который остался один.

33. Одиночество, страдание по утраченному Разуму ощущает каждая составляющая вселенной. Все составляющие вселенной живые. Поэтому древнегреческие мыслители были гилозоистами.

34. Древнегреческие мыслители понимали природу этого панпсихизма, но не могли понять, о чем он говорит. Мы утратили способность понимать язык Разума еще в первобытные времена; легенды об этом дошли до нас в тщательно отредактированном виде. Говоря «отредактированный», я имею в виду «фальсифицированный». Мы страдаем от утраты Разума и неправильно воспринимаем это как нашу вину.

35. Разум говорит не с нами, но посредством нас. Его повествование течет сквозь нас, и его горе напитывает нас иррациональным. Как утверждал Платон, Мировая Душа пронизана иррациональным.

36. Мы должны были бы слышать эту информацию, скорее даже повествование, как некий нейтральный голос внутри нас. Но что-то пошло не так. Все сущее есть язык и ничего, кроме

языка, который мы по какой-то необъяснимой причине не способны ни прочесть в окружающем, ни услышать внутри себя. Поэтому я говорю: мы превратились в идиотов. Что-то произошло с нашим рассудком, с нашей способностью понимать. Мои умозаключения таковы: расположение частей Разума в определенном порядке есть язык. Мы часть Разума, следовательно — мы тоже язык. Почему в таком случае мы не сознаем этого? Мы не знаем даже, кто мы есть, не говоря уже о внешней реальности, частью которой являемся. Слово «идиот» происходит от слова «индивидуальный». Каждый из нас стал индивидуумом и не разделяет больше общего мышления Разума, кроме как на подсознательном уровне. Таким образом, управление нашей реальной жизнью извне и ее цель остаются за пределами нашего сознания.

37. Мыслительный процесс Разума воспринимается нами как систематизация и перегруппировка — изменения — в физической вселенной; но фактически это информация и информационные процессы, которые мы материализовываем. Мы не только воспринимаем мысли как объекты, но скорее как перемещение, или, точнее, размещение объектов: то, как они связаны между собой. Однако мы не можем понять модели этого размещения; не можем извлечь из него информацию, следовательно, это и есть сама информация. Изменение Разумом связей между объектами по сути является языком, но языком, отличающимся от обычного (поскольку он адресован сам себе, а не кому — или чему-либо вне).

38. От потерь и несчастий Разум становится безумным. Следовательно, и мы как части вселенной и, соответственно, Разума частично безумны.

39. Разум произвел врача, чтобы исцелить самого себя. Эта подформа Макроразума здорова, она движется внутри Разума как фагоцит по кардиоваскулярной системе животного, исправляя неполадки Разума участок за участком. Мы знаем, когда врач приходит к нам. Это Асклепий у греков, ессеи у евреев, терапевты у египтян и Иисус у христиан.

40. Быть «рожденным вновь» или «рожденным свыше», или «рожденным от Духа» означает стать исцеленным, возвращенным во вменяемое состояние. В Новом Завете говорится, что Иисус изгонял бесов. Он восстанавливал утраченные способности. Кальвин говорил о нашем нынешнем плачевном состоянии: «(Человек) был тогда лишен сверхъестественных способностей, данных ему в надежде на вечное спасение. Отсюда следует, что он бежал Царства Божия, а значит, лишился всех качеств, имеющих отношение к душевному счастью, до тех пор, пока Господь не вернет их ему в милости своей... Когда Бог возвращает нам эти качества, они кажутся сверхъестественными, следовательно, нам возвращают утраченное. Здравый смысл и добродетель тоже были утрачены, а это есть утрата естественных способностей. Хотя мы и сохраняем частичное понимание, здравое суждение и волю, нельзя сказать, что наш разум совершенен и вменяем. И в то же время здравый смысл... будучи природной способностью, не может быть разрушен полностью...» Я говорю: «Империя бессмертна»

41. Империя есть воплощение, кодификация помешательства. Она безумна и насильно навязывает безумие нам, поскольку насильственна по самой своей природе.

42. Борьба с Империей — значит быть зараженным ее безумием. Парадокс: кто победит сегмент Империи, становится самой Империей; она пролиферирует, подобно вирусу, навязывая собственную форму своим врагам. Таким образом, Империя превращается в своих врагов.

43. Против Империи выступает живая информация — плазмат или врач, известный нам под именем Святого Духа, то есть бестелесного Христа. Итак, существуют две противоположности — темная (Империя) и светлая (плазмат). В конце концов Единый Разум отдаст победу плазмату. Каждый из нас умрет или выживет в зависимости от того, на чьей он стороне и что делает. В конце концов в человеке один из компонентов вселенной берет верх. За-ратустра знал об этом, поскольку его проинформировал Высший Разум. Он стал первым спасителем. Всего спасителей было четыре. Пятый вот-вот должен родиться, и он будет отличен от остальных — он воцарится и будет судить нас.

44. Поскольку на самом деле вселенная состоит из информации, можно сказать, что информация спасет нас. Тот самый спасительный гнозис, который искали гностики. Нет другого пути к спасению. Однако эта информация — точнее, способности понимать эту информацию, понимать вселенную как информацию — может быть получена нами только при

помощи Святого Духа. Сами мы обрести ее не в состоянии. Поэтому и сказано, что спасемся мы не благодаря своим добрым делам, но милостью Божией. Наше спасение зависит от Христа, который, как я уже говорил, — врач.

45. Когда мне было видение Христа, я сказал ему: «Мы нуждаемся в медицинской помощи». В видении присутствовал безумный создатель, который разрушил то, что создал, без всякой цели, так сказать, иррационально. Это большая черта Единого Разума, и Христос — наша единственная надежда, поскольку Асклепия мы позвать уже не можем. Асклепий пришел до Христа, и он оживлял людей, за что Зевс заставил Циклопа убить его при помощи молнии. Христос тоже был убит за свои деяния, ведь и он воскрешал людей. Элия воскресил самого Христа.

«Империя бессмертна»

46. Врач несколько раз приходил к нам под разными именами. Но мы так и не исцелились, поскольку Империя всегда распознавала и вышвыривала врача. На сей раз он уничтожит Империю при помощи фагоцитоза.

47. ДВА ИСТОЧНИКА КОСМОГОНИИ. Единый *был* и одновременно *не-был*, и стремился отделить *не-было отбыло*. Поэтому он генерировал диплоидный сосуд, который, подобно скорлупе яйца, содержал пару близнецов — каждый из них андрогинной природы, — вращающихся в противоположных направлениях (Инь и Ян даосизма, где Единый есть Дао). Единый планировал, что оба близнеца «вылупятся» одновременно. Однако, мотивируемый желанием *быть* (которое Единый имплантировал в обоих близнецов), близнец, вращающийся против часовой стрелки, пробился сквозь скорлупу и вышел оттуда преждевременно, то есть до срока. Это был темный близнец, или Инь. Следовательно, он оказался дефектным. Более мудрый близнец оставил скорлупу в срок. Каждый из близнецов сформировал унитарную энтелехию — единый живой организм, обладающий *психо* и *сомой* и вращающийся в направлении, противоположном вращению двойника. Полностью развившийся близнец, именуемый Первой формой Парменида, правильно проходил все стадии роста, тогда как преждевременно «вылупившийся» близнец, называемый Второй формой, начал чахнуть.

На следующем этапе плана Единого Двум надлежало стать Множеством посредством диалектического взаимодействия. Как гипервселенные они проецировали подобный голографическому интерфейс, который является полиформенной вселенной, где мы, создания, и обитаем. Два источника должны были в равных долях участвовать в создании нашей вселенной, но Вторая форма продолжала скатываться в болезнь, безумие и хаос. Эти аспекты она и проецировала в нашу вселенную.

По замыслу Единого, наша голографическая вселенная должна была служить обучающим инструментом для всего многообразия живых существ до тех пор, пока они не станут изоморфичны Единому. Однако постоянное разрушение гипервселенной И стало фактором, разрушающим нашу голографическую вселенную. В этом причина энтропии, незаслуженных страданий, хаоса и смерти, равно как и Империи и «Черной Железной Тюрьмы». Короче, причина прекращения нормального и здорового развития форм жизни в голографической вселенной. Чудовищно ослабла и обучающая функция, поскольку только сигнал из гипервселенной I нес информацию, тогда как сигнал из гипервселенной II превратился в помехи.

Психо гипервселенной I отправило микроформу себя в гипервселенную II в попытке излечить ее. В нашей голографической вселенной эта микроформа проявилась в виде Иисуса Христа. Однако гипервселенная II, будучи безумной, немедленно ввергла в мучения, унизила, отвергла и, в конце концов, уничтожила микроформу целительного *психо* своего здорового близнеца. Затем гипервселенная II продолжила превращаться в слепой, механический, бесцельный и произвольный процесс. Тогда задачей Христа (точнее, Святого Духа) стало либо спасти формы жизни голографической вселенной, либо устранить все влияние гипервселенной II. Действуя с максимальной осторожностью, он приготовился уничтожить больного близнеца, так как излечить его было невозможно — он не позволял излечить себя, поскольку не понимал, что болен. Эта болезнь и безумие проникают в нас, делая идиотами, обитающими в личных нереальных мирах.

Изначальный план Единого теперь можно осуществить, только разделив гипервселенную

I на две здоровые гипервселенные, которые превратят голографическую вселенную в действующую обучающую машину, какой она и должна быть. Для нас это будет то, что мы привыкли называть Царством Божьим.

В реальном времени гипервселенная II пока остается живой — «Империя бессмертна». Но в вечности, где существуют гипервселенные, она была уничтожена — в силу необходимости — здоровым близнецом, нашим защитником. Единый скорбит, поскольку любил обоих близнецов, следовательно, информация Вселенского Разума содержит трагическую историю о смерти женщины, генерируя душевные страдания и муки во всех существах голографической вселенной. Этому придет конец, когда здоровая гипервселенная разделится, и наступит Царство Божье.

Эта трансформация — от Века железного к Веку золотому — в реальном времени сейчас идет, в вечности же она полностью завершена.

48. О НАШЕЙ ПРИРОДЕ. Правильно сказать, что мы являемся некими контурами памяти (цепочками ДНК, способными приобретать опыт) в компьютероподобной мыслящей системе, которая — хотя мы и правильно записывали и хранили информацию, полученную с опытом за тысячи лет, и каждый из нас хранит информацию, несколько отличающуюся от той, что хранят другие формы жизни, — работает со сбоями. Причина сбоев — в наших отдельных микросхемах. «Спасение» посредством гнозиса — более верный анамнез, хотя он обладает своим значением для каждого из нас — есть квантовый скачок в восприятии, отождествлении, распознавании, понимании личного и мирового опыта, включая бессмертие. Этот скачок имеет огромное значение для системы в целом, поскольку индивидуальная память есть составляющая всеобщей базы данных.

Таким образом, процесс восстановления включает в себя перестройку нашей микросхемы путем линейных и ортогональных временных изменений и постоянную подачу сигнала для стимуляции заблокированных банков данных с целью получения из них информации.

Внешняя информация, или гнозис, состоит из растормаживающих команд, содержимое которых знакомо нам, то есть оно уже есть в нас. Это заметил еще Платон, когда сказал, что познание есть форма «вспоминания».

Древние владели техниками (тайнствами и ритуалами), используемыми в основном в греко-римских тайных верованиях, включая раннее христианство, позволяющими индуцировать восстановление заблокированной информации, ценной для индивидуума. Гнозис, однако, правильно распознавал онтологическую ценность того, что называли Божественной Сущностью, всеобщим бытием.

Божественная сущность разрушается. С ней произошел какой-то фундаментальный кризис, которого мы не в состоянии понять.

48. Есть два уровня, верхний и нижний. Верхний уровень, происходящий из гипервселенной №1, или Ян, — Первой формы Парменида, чувственный и волевой. Нижний уровень, или Инь, — Вторая форма Парменида, уровень механический, управляемый чем-то слепым, детерминистическим и лишенным разума, поскольку происходит из мертвого источника. В древние времена это называли «астральным детерминизмом». Мы заключены в нижнем уровне, однако посредством тайнств и при помощи плазматов можем вырваться оттуда. Пока не разрушен астральный детерминизм, мы даже и не подозреваем о нем, настолько мы закрыты. «Империя бессмертна».

49. Имя здорового близнеца, гипервселенной номер один — Номмо¹. Больного близнеца, гипервселенную номер два, зовут Йуругу. Эти имена известны догонам, живущим в Африке, в западном Судане.

50. Первичный источник всех наших верований восходит к предкам догонских племен, которые получили свою космогонию и космологию от трехглазых пришельцев, посетивших Землю в незапамятные времена. Трехглазые пришельцы — глухонемые телепаты. Они не могли дышать земным воздухом, а черепа у них по форме походили на удлинённый череп Эхнатона. Прибыли пришельцы с планеты в звездной системе Сириуса. Вместо рук у них имелись подобные крабьим клешни, поэтому пришельцы были великими зодчими. Их тайное влияние

¹ Номмо изображают в виде рыбы, рыбы ранних христиан. — Примеч. автора.

ощущается на протяжении всей истории человечества.

51. Эхнатон писал:

...Когда птенец в яйце и слышался голос его,
Ты посылаешь ему дыхание сквозь скорлупу
И даешь ему жизнь.
Ты назначаешь ему срок разбить яйцо,
И вот выходит он из яйца, чтобы подать голос
В назначенный тобою срок.
И он идет на лапках своих,
Когда покинет свое яйцо.

О, сколь многочисленно творимое тобою
И скрытое от мира людей, бог, единственный,
Нет другого, кроме тебя!
Ты был один — и сотворил землю
По желанию сердца твоего,
Землю с людьми, скотом и всеми животными,
Которые ступают ногами своими вниз
И летают на крыльях своих вверх.

Ты в сердце моем, и нет другого, познавшего тебя. Кроме сына твоего Эхнатона, единственного у Ра, Ты даешь сыну своему постигнуть Предначертания твои и мощь твою. Вся земля во власти твоей десницы...

52. Нашим миром по-прежнему тайно управляет раса восходящая к Эхнатону. Его Знание — это информация полученная от самого Макроразума.

Скот радуется на лугах своих,
Деревья и травы зеленеют,
Птицы вылетают из гнезд своих,
И крылья их славят твою душу.
Все животные прыгают на ногах своих,
Все крылатое летает на крыльях своих —
Все оживают, когда озаришь ты их сияньем своим.

От Эхнатона знание перешло к Моисею, от Моисея — к Элии, Бессмертному, который стал Христом. Но под всеми этими именами скрывается один Бессмертный. *И мы и есть этот Бессмертный.*